

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

Baltoslavenska akcentologija
Balto-Slavic Accentology

ІВоВА VII

Материалы VII международного семинара
Referati VII međunarodnog skupa
Proceedings of the 7th International Workshop

Материалы VII международного семинара
Referati VII međunarodnog skupa
Proceedings of the 7th International Workshop

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

Baltoslavenska akcentologija
Balto-Slavic Accentology

IWoBA VII

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ФОНД «РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

МОСКВА 2016

УДК 80/81
ББК 81
Б 20

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В17

Рецензенты:
д. ф. н. С. Л. Николаев
д. ф. н., профессор Бонифацас Стунджа

Б 20 Балто-славянская акцентология: Материалы VII между-
народного семинара / Отв. ред. М. В. Ослон. М.: Языки
славянской культуры: Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2016. — 200 с.
ISBN 978-5-9906133-5-5

В сборнике представлены работы участников VII международно-
го семинара по балто-славянской акцентологии, прошедшего в Рос-
сийском государственном гуманитарном университете 7–10 июля
2011 г. Семинар был приурочен к юбилею В. А. Дыбо.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-9906133-5-5

© Авторы, 2016
© Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2016

Оглавление

Предисловие.....	5
Predgovor.....	6
Foreword.....	7
Научный путь В. А. Дыбо.....	9
Екатерина Акерманн	
Новый взгляд на правило Н. Ван-Вейка.....	14
Steven Young	
Nasal Affixes and Secondary Short Stems in Baltic and Slavic.....	29
Mate Karović	
Dužina u zadnjem (otvorenom) slogu u praslavenskom.....	39
Светозар Лашин	
Акцентуация глаголов на <i>-iti</i> , производных от существительных праславянской а. п. <i>d</i> : пробный шар.....	68
Драгана Новаков	
Несколько замечаний об особенностях употребления акцент- ных (надстрочных) знаков в дечанском Законнике XVI в.....	92
М. В. Ослон	
Слоговые интонации посавских говоров: можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики?.....	109
Витаутас Ринкявичюс	
Николаевская метатония в прусском языке.....	126
С. С. Скорвид	
О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе.....	142
А. В. Тер-Аванесова	
Акцентуация <i>i</i> -глаголов в говорах Архангельской области.....	159
Ronald F. Feldstein	
Russian Stress and the Notion of Syncretism.....	175
Dijana Ćurković	
Naglasne paradigme imenica <i>a</i> -osnova u novoštokavskom govoru Bitelića.....	187

Предисловие

Начиная с 2005 года в разных европейских городах проходят ежегодные международные съезды акцентологов — семинары по балтославянской акцентологии (IWoBA). Материалы первых шести семинаров уже опубликованы в виде сборников статей. Очередной — седьмой — семинар был проведён 7–10 июля 2011 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве.

Московский семинар был приурочен к 80-му юбилею одного из крупнейших акцентологов современности — Владимира Антоновича Дыбо.

В Москве выступали учёные из Австрии, Литвы, России, Сербии, США, Хорватии и Черногории. Они обсуждали различные вопросы синхронной и диахронной акцентологии балтийских, славянских и других индоевропейских языков. Особое заседание в ходе семинара было посвящено юбилею: на нём были прочитаны доклады на более широкие темы — по ностратике, индоевропеистике и сравнительно-историческому языкознанию в целом.

В настоящий сборник вошли статьи, основанные на докладах, сделанных в ходе семинара.

Благодарю всех, кто так или иначе способствовал успешному проведению семинара и выходу в свет этого сборника: в первую очередь А. В. Дыбо, И. С. Пекунову, А. С. Касьяна, а также других сотрудников РГГУ, помогавших в организации семинара.

М. В. Ослон

Predgovor

Svake godine počevši od 2005. u različitim evropskim gradovima organizuju se međunarodne konferencije iz baltoslavenske akcentologije (IWoba). Materijali prvih šest skupova već su objavljeni u obliku zbornika naučnih članaka. Naredni, sedmi, skup održao se u Moskvi, na Ruskom državnom humanističkom sveučilištu 7.–10. jula 2011.

Ovaj skup bio je posvećen 80. rođendanu jednog od najvećih akcentologa našega doba, Vladimira Antonoviča Diboa.

U Moskvi nastupili su znanstvenici iz Austrije, Crne Gore, Hrvatske, Litve, Rusije, SAD-a i Srbije. Raspravljali su o različitim pitanjima sinhronijske i dijahronijske akcentologije baltičkih, slavenskih i drugih indoevropskih jezika. Posebna je sekcija tokom konferencije posvećena slavljeniku, na njoj se izlagalo na šire teme, kao što su nostratika, indoevropistika, opće poredbeno jezikoslovlje i sl.

Ovaj zbornik sadrži članke zasnovane na referatima učesnika skupa.

Zahvalan sam svima koji su doprinijeli uspjehu našeg skupa i objelodanjenju ovog zbornika, a prije svega Ani Dibo, Alekseju Kasjanu, Irini Pekunovoj, kao i suradnicima Sveučilišta koji su pomagali u organizaciji konferencije.

Mihail Oslon

Foreword

Since 2005, the International Workshop on Balto-Slavic Accentology (IWoBA) has been held annually in various European cities. The proceedings of the first six conferences have already been published as collections of articles. The 7th IWoBA took place on July 7–10, 2011 at the Russian State University for the Humanities in Moscow.

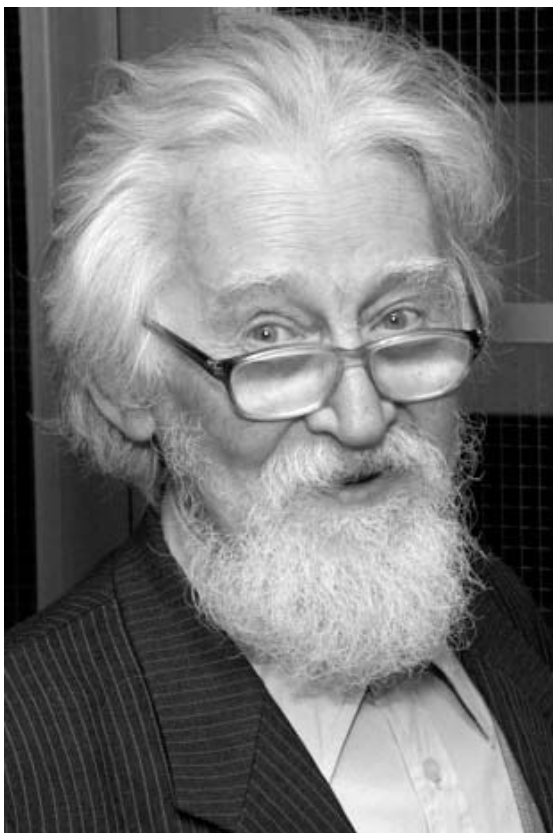
The Moscow conference was held in honour of one of the most prominent accentologists of our time, Prof. Vladimir Antonovič Dybo, on the occasion of his 80th birthday.

Scholars from Austria, Croatia, Lithuania, Montenegro, Russia, Serbia, and the USA participated in the conference. They took up various issues in synchronic and diachronic accentology of Baltic and Slavic, as well as of other Indo-European languages. A special section in honour of Prof. Dybo's birthday hosted talks dealing with broader issues, such as Nostratic, Indo-European, and general comparative linguistics.

This volume is based on the talks presented at the conference.

I am grateful to all those who contributed to the success of the 7th IWoBA and helped this volume see the light of day. In particular, I would like to thank Anna Dybo, Alexey Kasyan and Irina Pekunova, as well as others at the RSUH who in one way or another assisted in organizing the conference.

Mikhail Oslon

Владимир Антонович Дыбо

Научный путь В. А. Дыбо

В 2011 году в Москве прошли целых три лингвистических конференции по случаю юбилея В. А. Дыбо. Кроме чисто хронологического значения — а это более чем полувекковая веха блестящей научной деятельности крупнейшего учёного, — этот юбилей даёт прекрасную возможность оценить необычайную широту его научных интересов. В своих докладах на этих конференциях коллеги и ученики Владимира Антоновича затронули такие разнообразные темы, как балто-славянская, индоевропейская и уральская акцентология, глоттохронология, сравнительная тюркология и кавказология, а также другие интересующие В. А. Дыбо области, в большинстве из которых проявил себя его компаративистский гений. Доклады в очередной раз продемонстрировали роль юбиляра в этих научных областях, которые вряд ли достигли бы своего сегодняшнего уровня без его активного и руководящего участия.

Так, именно Владимиру Антоновичу обязана современная акцентология своими важнейшими достижениями. Обрисуем вкратце главные этапы тернистого пути, пройденного этой дисциплиной, пережившей в последние десятилетия беспрецедентный взлёт. Новая эра славянской акцентологии началась с публикации в 1957 г. революционного труда Хр. Станга «*Slavonic Accentuation*»¹, который порвал с заблуждениями зашедшей к тому времени в тупик «классической акцентологии» начала XX века. Новый — парадигматический — подход впервые позволял обозреть целостно и систематически весь массив имеющихся данных, до сих пор казавшихся беспорядочными и слабо мотивированными. В числе прочего, Станг доказал генетическое тождество подвижной славянской и литовской акцентных парадигм (а.п. с и а.п. 3), тем самым отрицая правомерность так называемого закона Фортунатова, являвшего собой краеугольный камень «классической акцентологии».

По Стангу, в славянском языке искони было три акцентных парадигмы (*a*, *b*, *c*), которые восходили к индоевропейской эпохе. Именно в этом и было слабое место его реконструкции. Сразу осознав фундаментальную важность труда Станга, но также изъяны в его концепции, В. А. Дыбо начал большую теоретическую работу,

¹ *Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.*

призванную, по его первоначальному замыслу, привести к реабилитации закона Фортунатова в славянском. Однако довольно быстро он обнаружил в системе определённые закономерности, из которых вытекали важные выводы: оказалось, что акцентные парадигмы *a* и *b* дополнительно распределены в зависимости от типа корня, что неожиданным образом сводило набор балтославянских акцентных типов до двух парадигм: неподвижной и подвижной². Этому открытию нашлось применение в анализе кельто-италийского материала, проведённом В. А. Дыбо в 1961 г.³ и доказавшем, что эти же две парадигмы существовали в других индоевропейских языках.

Так родилась новая теория индоевропейского ударения. Главной чертой, отличавшей её от всех прежних теорий, была применимость одного и того же *морфологического* принципа ко всей системе в целом (т.е. ко всем частям речи), так что материал, состоящий из крайне разнообразных отдельных фактов, подчинялся небольшому набору весьма простых правил. Все словоформы праязыка теперь стали представимы в виде цепочки морфем с акцентными свойствами («валентностями») одного из двух возможных типов, что исчерпывающе определяет поведение их ударения. Это позволило В. А. Дыбо приступить — впервые в истории языкознания — к реконструкции *целой акцентной системы праязыка* (в данном случае праславянского).

Когда были очерчены основные контуры славянской и балтославянской акцентной системы, вся масса накопленных данных — в частности, по глаголам — была подвергнута тщательному анализу для получения подробной классификации засвидетельствованных форм и реконструкции их эволюции. К началу 70-х годов В. А. Дыбо опубликовал большое число отдельных статей, по которым уже тогда можно было составить довольно полное представление о прасла-

² В то время подвижность отождествляли с греко-арийской окситонезой, т.е. ударением на окончании, в отличие от баритонезы, соответствовавшей на коренному ударению (неподвижности). Реконструкция балтославянской системы, основанная на этом открытии В. А. Дыбо, была уточнена в 1963 г. его другом и сотрудником В. М. Иллич-Свитычем в фундаментальном труде «Именная акцентуация в балтийском и славянском». С тех пор закон, объясняющий происхождение а.п. *b*, известен как «закон Дыбо — Иллич-Свитыча».

³ *Дыбо В. А.* Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания, 1961, 5.

вянской акцентной системе⁴. Однако некоторые обстоятельства препятствовали выходу в свет обобщающей монографии (Владимир Антонович подписал ряд писем в защиту диссидентов). Наконец, в 1981 г. В. А. Дыбо сумел выпустить «Славянскую акцентологию»⁵, фундаментальный труд, по сей день служащий точкой отсчёта для большинства акцентологов⁶.

Параллельно с реконструкцией праславянской акцентной системы, В. А. Дыбо и его ученики изучали балтийскую систему⁷, в области ударения тесно связанную со славянской, а также связь балтославянского ударения с индоевропейским⁸. Оказалось, что балтославянскую систему можно вообразить почти как некую акцентологическую действительность, с точностью, о какой приходится лишь меч-

⁴ Основные работы:

Дыбо В. А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, 1961, 30;

Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания, 1962, 6;

Дыбо В. А. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы-enclitomena в аористе *i*-глаголов) // Советское славяноведение, 1968, 6;

Дыбо В. А. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // Вопросы языкознания, 1971, 2;

Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском // Советское славяноведение, 1971, 6. — и мн. др.

⁵ *Дыбо В. А.* Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва, 1981.

⁶ За это время вышло несколько важных монографий других авторов. Здесь стоит упомянуть две весьма разные работы: (1) *Kortlandt F.* Slavic Accentuation. Lisse, 1975 и (2) *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave. Paris, 1976, во второй из которых дана реконструкция, основанная главным образом на работах Дыбо (что в сочетании с теоретической ясностью изложения делает эту книгу прекрасным введением в проблематику), тогда как первая исходит из совершенно иных принципов, хотя и принимает во внимание реконструкцию Дыбо (так, «закон Дыбо — Иллич-Свитыча» играет в ней существенную роль).

⁷ Например: *Дыбо В. А.* К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования, 1980. Москва, 1981.

⁸ *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской // Балто-славянские исследования, 1987. Москва, 1989.

Николаев С. Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. Москва, 1989.

тать в описаниях многих живых языков. Свойственные балтославянской морфеме акцентные типы (каковых было по меньшей мере два), образующие акцентные парадигмы (подвижную и неподвижную) имени и глагола, морфонологические законы словообразования, поведение акцента в синтагме — все эти особенности позволили сделать ряд обобщений, приведших к открытию *новой типологической разновидности акцентных систем, дотоле неизвестной — морфонологизованных парадигматических акцентных систем*. Были описаны и проанализированы и другие системы этого типа⁹, находящиеся на разных стадиях эволюции. Это привело к «тонологической гипотезе» их происхождения¹⁰. Согласно этой гипотезе, возникновению таких систем предшествует состояние, при котором каждая морфема обладает «регистровым тоном». Сочетания разных морфем дают «акцентные кривые», а сами постепенно теряют свой тон, который в итоге проявляется лишь как абстрактный признак, т. н. «валентность». Система эволюционирует дальше к более продвинутым состояниям, при которых ударение становится всё более и более «категориальным», т. е. определяется уже не акцентологическими, а иными факторами.

Таким образом, можно сказать, что сравнительное изучение акцентных систем исторических языков обогатило индоевропейскую реконструкцию, ранее претендовавшую лишь на «сегментный» уровень праформ, новым — «супрасегментным» — аспектом, который индоевропейцы ранее не рассматривали (кроме «очевидных» случаев вроде ступеней чередования корня и т. п.).

Триумфальное шествие сравнительной акцентологии началось с ряда блестящих открытий В. А. Дыбо и продолжается сегодня при участии его многочисленных учеников и сподвижников, занимающихся немалым числом языковых групп с целью обогащения наших

⁹ Дыбо В. А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. Москва, 1977.

Дыбо В. А. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? // Африканское историческое языкознание. Проблемы реконструкции. Москва, 1987.

¹⁰ Dybo V. A., Nikolayev S. L., Starostin S. A. A Tonological Hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // Estonian papers in phonetics, 1978. Tallinn, 1978.

представлений о генетическом и типологическом аспектах акцентологической эволюции языка.

Другая область знания, чьё выживание было бы под вопросом, если бы не усилия Владимира Антоновича, — это ностратическое языкознание. В. М. Иллич-Свитыч, отец современной ностратики, проделал грандиозную работу по сбору данных из сотен языков для создания ностратической реконструкции и словаря. После трагической кончины Иллич-Свитыча в 1966 г., помешавшей ему завершить дело своей жизни, В. А. Дыбо взял на себя труднейшую задачу осуществить великий замысел друга. Результат — выход в свет (в 1971, 1976 и 1984 гг.) трёх томов словаря под редакцией В. А. Дыбо¹¹, который существенно доработал и расширил материал и теорию Иллич-Свитыча. Благодаря этому обстоятельству, ностратическое языкознание стало плодотворной и строгой отраслью, объединившей немало специалистов мирового масштаба¹².

Число замыслов, которые успел осуществить В. А. Дыбо на протяжении своего научного пути, весьма внушительно. Не менее внушительна их широта, для большинства «обычных лингвистов» невообразимая. Но Владимир Антонович и не думает останавливаться на достигнутом. На вопрос, заданный ему на дне рождения: «А что бы вы сами себе пожелали?», именинник ответил: «Желаю себе наконец начать акцентологическую реконструкцию ностратического». А потом добавил: «Конечно, сперва закончив индоарийскую». Значит, нам, ученикам и почитателям таланта Владимира Антоновича, нечего волноваться: триумфальное шествие продолжается.

М. В. Ослон

¹¹ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь: в 3-х томах. Под ред. В. А. Дыбо. Москва, 1971, 1976, 1984.

¹² Как, например, крупнейший русский языковед С. А. Старостин, тоже, увы, скоропостижно скончавшийся (в 2005 г.).

Екатерина Акерманн

Венский Университет

Новый взгляд на правило Н. Ван-Вейка¹

Некоторые условные обозначения и сокращения:

<	закономерное развитие
←	преобразование
'	иктус (перед ударным слогом)
o	неморфологическое членение слова
√	корень
С	согласный (смычный)
Н	ларингальный
Р	резонант (<i>l, r, m, n</i>)
Е	окончание

в праславянских формах:

´	акут
~	циркумфлекс

трансп. — транспонат
дередупл. — дередуплицированный

В 1926 г. Н. Ван-Вейк опубликовал статью о просодико-морфологической корреляции, наблюдающейся при образовании страдательных причастий прошедшего времени и форм 2-3 л. ед. ч. аориста в глаголах с основами на гласный или резонант в славянском (имея в виду праславянский) [van Wijk 1926: 281–289]. При этом он заметил, что от циркумфлектированных глагольных основ образуются страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом *-t-*, а форма 2-3 л. ед. ч. аориста при помощи форманта *°tũ* (морфологический статус которого неоднозначен), напр.:

**pĩ-ti* 'пить' → страд. прич. пр. вр. **pĩto-*, аор. 2-3 л. ед. ч. **pĩtũ*,

¹ В связи с задержкой публикации этого сборника необходимо отметить, что результаты исследования, кратко представленного на конференции IWoBA в 2011 г., вошли во вторую главу книги об истории формирования праславянской глагольной системы [Ackeremann 2014], где на с. 120–137 дается детальный анализ данных и предлагаются решения вопроса происхождения дистрибуции по правилу Ван-Вейка, которые на момент написания данной статьи не представлялись мне столь ясными.

в то время как от акутированных глагольных основ образуются страдательные причастия прошедшего времени при помощи суффикса *-n-* и форма 2-3 л. ед. ч. аориста с нулевой флексией, напр.:

**bí-ti* 'бить' → страд. прич. пр. вр. **byjeno*⁻², аор. 2-3 л. ед. ч. **bí*.

С тех пор эта дополнительная дистрибуция, войдя в список основных правил церковно-славянской грамматики, привлекала внимание многих славистов, и в частности акцентологов³. Особой вехой в исследовании закономерностей, обуславливающих правило Ван-Вейка, стали несколько статей В. А. Дыбо в конце 50-х — начале 60-х гг., обращающих внимание на неэтимологический циркумфлекс в некоторых глагольных основах группы с окончанием *-tī* во 2-3 л. ед. ч.

Многочисленные исследования в области праиндоевропейской морфологии и просодии последних лет, а также материал, собранный в моей диссертации по реконструкции процесса преобразования индоевропейской аспектно-временной системы и становления парадигматических глагольных классов в праславянском, дали возможность уточнить некоторые выводы, сделанные В. А. Дыбо почти полвека назад. С диахронической точки зрения дополнительная дистрибуция по Ван-Вейку — явление, без сомнения, вторичное и требует детального анализа условий, при которых такая просодико-морфологическая корреляция стала одним из дистрибутивных признаков в процессе образования аористных парадигматических классов.

² Пока без указания ударения.

³ См. [van Wijk 1923a; 1923b; 1931: 231], [Stang 1957: 133–136; 1942: 65], [Sardnik 1959; Meillet, Vaillant ²1934], [Дыбо 1958; 1961; 1962a; 1962b], [Bulakovskij 1925; 1927; Булаховский 1960], [Koch 1990: 448], а также [Diels 1932: 272–228 § 108 прим. 3], [Troubetzkoy 1954: 166–167], [Nahtigal 1961: 84], [Vaillant 1966: 55–56], [Lunt 1974, 88–89, § 10.52 прим. 11], в 7-ом издании [Lunt ⁷2001, 103–104, § 10.52 прим. 12] Ван-Вейк уже не упоминается; [Arumaa 1985: 276]. Некоторые исследователи до сих пор, следуя объяснению В. Вондрака [Vondrák 1908: 149–150, 170] и А. Лескина [Leskien ²³1919: 200, § 164], выводят формант *-t-* в формах 2-3 л. ед. ч. аориста из соответствующей формы презенса: [Bielfeldt 1961: 217–218, § 281], Schröpfer в 10-ом переиздании грамматики А. Лескина [Leskien ¹⁰1990: 145], [Trunte ⁵2005: 124]. Ср. также [Aitzemüller 1978: 185–187, 244–247] и [Meillet, Vaillant 1934: 254–255]. Некоторые грамматики оставляют дополнительную дистрибуцию форм причастий и аористов без внимания, как напр. [Nandriš 1959: 145] или О. Rottmann в последнем переиздании грамматики Лескина [Leskien ¹¹2002: 79–90].

К истории изучения вопроса

Ещё в грамматике А. Х. Востокова [Востоков 1863: 70] имеются замечания о наличии в старославянском причастных суффиксов, плохо поддающихся какому-либо синхронному или диахронному объяснению: «3 лице ед. прош. вр. глаголовъ вѣти, жити, ѣти, клати, [-]чати и мрѣти, стрѣти облакають окончанія ви, жи, ѣа, кла, ча, мрѣ, стрѣ приставкою ть, для *благогласія*, напр. обить, повить, жить, ѣть, обать, клатьса, зачатъ, оумреть, прострѣтъ».

В 1902 г. А. Мейе [Meillet 1902b: 136] отмечает морфологическое соответствие форм аориста 2-3 л. ед. ч. с нулевой флексией формам страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом *-n-* с одной стороны, и форм аориста 2-3 л. ед. ч. на *°ti* формам страдательных причастий прошедшего времени с *-t-* с другой стороны. Однако противопоставление по интонации от его внимания ускользает.

В 1926 г. Ван-Вейку удаётся собрать эти факты воедино и установить корреляцию с просодикой корневого гласного таких глаголов. Его открытие послужило толчком для многочисленных акцентологических исследований. Однако сам Ван-Вейк в своём акцентологическом учении [van Wijk 1923a: 37–39; ²1958: 113] выводит формы 2-3 л. ед. ч. всех аористных классов из имперфекта, таким же образом объясняя все отклонения от интонации основы инфинитива, кроме этого, ошибочно сопоставляя их с циркумфлектированными греческими поэтическими односложными энклитиками, такими как 3 л. ед. ч. аор.-II βῆ (= ἔβη) ‘пошёл’, στῆ (= ἔστη) ‘поставил’ или 3 л. ед. ч. аор. импф. φῆ (= ἔφη) ‘сказал’, и предполагая на этом основании их древность. Однако, согласно общепринятому мнению [уже Schwyzer I: 377; Berger 1958: 5], в этих греческих формах речь идёт о вторичном циркумфлектировании несокращённых старых долгот по закону Вакернагеля [Wackernagel 1877: 457–470] в рамках глагольной энклизы в греческом главном предложении, ср. также [Ekblom 1924–1925 и др.]. Циркумфлектированные односложные аористы в греческом и славянском никакой связи между собой не имеют.

Х. Станг [Stang 1942: 65–67; 1957: 133–136] (ср. [Van Wijk 1923a: 36 ff.]) предположил, что славянские аористы с *°ti* во 2-3 л. ед. ч. восходят к праязыковым корневым аористам, никогда не имевшим сигматического элемента между корнем и окончанием, и противопоставил их глаголам со страд. прич. пр. вр. на *-n-*, приписывая последним сигматическое образование основы аориста в праиндоевропей-

ском (в чём он оказывается отчасти прав). Циркумфлекс в формах 2-3 л. ед. ч. аориста в сербско-хорватском со старым дифтонгом⁴ (recte: кратким дифтонгом) в корне он считает фонологически закономерным, напр.:

с.-х. *mr̃je* 'умер' < праслав. 2 л. ед. ч. **mer-s*, 3 л. ед. ч. **mer-t*,

в то время как интонация в формах 2-3 л. ед. ч. аористов, как *lǐtŭ* 'ты / он лил', *pǐtŭ* 'ты / он пил', *vǐtŭ* 'ты / он вил' и т. д., в которой он видит *изначальную подвижность* («original⁵ mobility of the forms»), является вторичной [Stang 1957: 135]⁶. Таким образом, акцентологические преобразования в процессе становления парадигматических классов Станг сводит к следующей схеме: праиндоевропейская мобильная парадигма была в праславянском преобразована в окситонированную парадигму с циркумфлексом в корне [Stang 1957: 135]. У Станга этот циркумфлекс считается этимологическим (фонологически и морфологически закономерным)⁷.

Л. Садник [Sadnik 1959: 141–142]⁸ проводит параллель между ударением проклитик в префиксальных глагольных дериватах в славянском с греческим и древнеиндийским, а бесприставочные страдательные причастия прошедшего времени реконструирует с изначальной окситонезой. Обе парадигматические формы проецируются в таком виде в праиндоевропейский. Так, например, Садник, ссылаясь на Куриловича [Kuryłowicz 1952: 365], связывает интонацию шток. *klēt, klēta* с интонацией в *prōklet, prōkleta*, ср. [Ackermann 2011b: 3–8]. Проблематичным оказывается также объяснение последующих передвижений ударения в парадигме до состояния, реконструируемого на основании данных современных слав. языков [Sadnik 1959: 142]⁹, а также отсутствие предпосылок нивелирования оппозиции по месту

⁴ Понятие дифтонга распространяется по Стангу и на сочетание гласного с резонантом (*r, l, m, n*).

⁵ Отождествляя её с праиндоевропейской [Stang 1957: 177–178].

⁶ Из примечания 104 следует, что Станг реконструирует эти формы с нулевой степенью в корне, в то время как тот же результат дают краткие дифтонги. Ср.: «*lī, pī, vī* may, however, also represent **leit-*, **peit-*, **weit-*».

⁷ Recte: по крайней мере старше, чем рефлекс неоакута. Но непосредственной праязыковой основы циркумфлекс корневой гласной в этих глаголах не имеет.

⁸ Правило Ван-Вейка у неё не упоминается [Sadnik 1959: 126–137].

⁹ Ср. однако правило Лескина [Leskien 1881; 1899], а также интерпретацию этого правила Ван-Вейком [van Wijk 1916: 353].

ударения, что не наблюдается ни в греческом, ни в древнеиндийском.

В. Кипарский [Kiparsky 1962: 347, 349] ограничивается дескриптивным соотносением «первоначального» ударения в древнерусских t-причастиях с ударением прилагательных, как напр. *'molod, molo'da ~ molo'doj*, а ударение в n-причастиях соотносит с ударением l-причастий (отглагол. прилагательных), оставив вопрос источника (а также мотивации) подобного переноса по аналогии открытым, ср. [Acker-mann 2011b: 6–8].

Проблеме интонации в неличных формах глагола посвящён ряд акцентологических работ Л. А. Булаховского [Bulachovskij 1923: 285–294; 1925: 216–232; 1927: 69–83; Булаховский 1960: 21–26], в которых, насколько мне позволяет судить изученный материал, впервые предлагается отделить процесс оттяжки ударения от изменения качества тона в основах супина, интонационный контур которых параллелен интонационному контуру действ. и страд. причастий прошедшего времени [Bulachovskij 1927: 73]. Напр., праслав. супин **lī'tь* (с акутированным корневым гласным и ударением на флексии) > **lītь* (промежуточная ступень с оттяжкой иктуса) > *'lītь* (баритонеза с циркумфлексом в корне). Этот процесс Булаховский отождествляет с законом А. Мейе [Мелье 1902a], ограничиваясь, однако, его распространением на формы супина [Bulachovskij 1927: 84–85].

В. А. Дыбо [Дыбо 1958: 55–62; 1961: 33–38], обратив внимание на неэтимологический циркумфлекс во многих глагольных основах с суффиксом *-t-*, имеющих старые долгие корневые гласные, также сравнил изменение качества тона с метатонией по А. Мейе [Мелье 1902a], рассматривая и формы страдательных причастий пр. вр., и формы аориста 2-3 л. ед. ч.), ср. [Acker-mann 2011b: 2–5].

При этом оставалось не совсем понятным, почему, например, праиндоевроп. **peh₃-* 'сделать глоток' и **meh₁-* 'мерить' ведут себя в славянском по-разному и соответственно дескриптивно относятся к разным акцентным классам. Чем объяснить такое, ещё очень устойчивое в каноническом церковнославянском, следование разным парадигмам?

Известны попытки объяснить данную дополнительную дистрибуцию структурой самого и.-е. корня. Такое решение предлагалось К. Кохом и его последователями [Koch 1990]. Таким образом, в группе глагольных корней на гласный или резонант с акутированным

корневым гласным и сигматическим аористом (сигматический тип β)¹⁰ должны были оказаться только корни на ларингальный (т. е. корни $se\}$), а в группе глагольных корней на гласный или резонант с циркуфлектированным корневым гласным и сигматическим аористом (сигматический тип γ) [там же] — только без ларингального (соответственно корни $ani\}$); кроме нескольких исключений, в которых признавалась метатония по аналогии. Однако это объяснение несколько искажает факты. Группа глаголов, образующая аорист по сигматическому типу γ , т. е. со славянским циркумфлексом, на две трети состоит из глаголов, восходящих к праиндоевропейским корням *ultimae laryngalis*. Аналогия с такой статистикой весьма неудобна.

Обратимся теперь к праиндоевропейскому. Как известно, образование первичной видо-временной основы от глагольного корня — либо корневого аориста, либо корневого презенса — в индоевропейском было обусловлено лексическим значением глагола, т. е. зависело от того, каким воспринимал говорящий действие: как «имеющее естественный конец» или как «бесконечное». Исходя из семантики корня, одно исключало другое. При этом морфологическая маркировка обоих образований: аблаутная ступень корня и нулевой суффикс — совершенно идентичны. Таким образом, для современного исследователя отнесение глагольного корня к той или иной категории является возможным лишь при сопоставлении дериватов в нескольких дочерних языках, так как морфологическое оформление вторичного презенса и аориста практически всегда различно, см. [Ackermann 2010a: 26–27, с лит.].

В ходе анализа первичных глагольных основ древнецерковнославянского как наиболее древнего письменно засвидетельствованного варианта славянского, с привлечением данных просодии и морфонологии современных славянских языков (в первую очередь сербско-хорватского), староболгарского и старочешского, совершенно чётко выявилась преемственная связь между аспектологической принадлежностью первичной основы в языке, с одной стороны, и парадигматическим типом праславянского аориста, а также соответствующим способом образования основы презенса в каждой конкретной группе, с другой стороны¹¹. Следовательно, распределение

¹⁰ Здесь и далее классификация по [Ackermann 2010b: 87], подробно см. [Ackermann 2014: 17–20].

¹¹ Поскольку индоевропейские основы презенса подверглись в славянском значительному нивелированию в результате почти полной тематизации,

глаголов по определённым парадигматическим моделям отражало унаследованную праславянскую систему парадигматических форм, состоявших к тому времени в определённых деривационных отношениях друг с другом. Кроме того, классовая принадлежность глагольных основ в праславянском обуславливалась на синхронном уровне фонологическими факторами, а именно тем, оканчивалась ли глагольная основа на согласный или на гласный.

На основании этих двух факторов в праславянском различаются два просодических типа асимметричного аориста: тип α (напр. прасл. **pádŭ*, **páde* ‘упа́л’) и тип β (напр. прасл. **mogŭ* < предпрасл. **mag^h-óm*, прасл. **možé* < **mog-é-* ‘мог’), а также 4 типа старого сигматического аориста: от глагольных основ на согласный — тип α (напр. дцсл. *žaxъ* < предпрасл. **gēg-s-* ассимил. < **dēg-s-* < и.-е. **d^hēg^{uh}-s-/d^hég^{uh}-s-* ‘жѣг’), а от глагольных основ на гласный или резонант — тип β (дцсл. *kryxъ*, *kry* < предпрасл. **krŭ-s-ŭ*, **krŭ-s-st*) или тип γ (прасл. **vixŭ* < предпраслав. **¹vī-s-ŭ*; **viŭŭ* ← **vī-t-ŭ* ‘вил’ на основе и.-е. корн. аор. **^uiéh₁-/^uih₁-*). Противопоставление между сигматическими типами β и γ на синхронном уровне и описывает правило Н. Ван-Вейка. Кроме этого, выделяется группа δ с атематическим презенсом (аор. прасл. **dāxъ* < предпраслав. **dō-s-m*, *dastъ* < **dō-stŭ*, презенс прасл. **dā-mъ* < балт.-сл. **dōd-mi*), о чём подробно см. [Akermann 2008; 2010a: 37; 2010b: 185–189; 2011: 26; 2014: гл. II].

От праиндоевропейских глаголов с основой на гласный или резонант ($\sqrt{\text{CeH}}$, $\sqrt{\text{Ce(H)R\#}}$), образующих корневой аорист, в праславянском засвидетельствован *сигматический* аорист типа γ ($\sqrt{\text{ē-s-E}}$) с циркумфлексом и окончанием ^o*tŭ* во 2-3 л. ед. ч. и презенс с безударным корнем ($\sqrt{\text{ø-É}}$), а от тех глаголов, которые в праиндоевропейском образовывали s-аорист (или же реже редуцированный¹²) —

наиболее целесообразным оказалось описание славянской морфологической системы глагола именно на базе системы аориста. В современных славянских языках сохранились рефлексы различной огласовки корня и акцентуационные различия между основами презенса и производными основ аориста, что также даёт исключительно важный материал для определения направления процессов деривации.

До сих пор предпринимались попытки описания системы славянского глагола на основании классификации основ настоящего времени или же основ инфинитива, однако это имеет смысл лишь для синхронного, а не диахронного анализа, поскольку вторичные образования таким образом выносятся на один уровень с первичными.

¹² Во всяком случае производный (а не корневой) аорист.

сигматический аорист типа β (\sqrt{e}/\bar{e} -s-E) с закономерным акутом и нулевой флексией во 2-3 л. ед. ч. и презенс с накоренным ударением (\sqrt{e} -E):

Напр., праиндоевропейский корневой аорист **péh₃-/pih₃-* ‘сделать поток’ [LIV 2: 462–463] соответствует праславянскому сигматическому аористу γ : 1 л. ед. ч. ***pí-s-ũ* > **píxũ*; 2-3 л. ед. ч. **pítũ* ← **pítũ*; в то время как праиндоевропейский s-аорист **mēh₁-s-/mēh₁-s-* ‘измерять’ [LIV 2: 424–425] соответствует праславянскому сигматическому аористу β : 1 л. ед. ч. **mē-s-ũ* > **mēxũ*; 2–3 л. ед. ч. **mē-s-s/t* > **mē*.

Праславянские глагольные основы с акростатическим ударением, образующие формы 2-3 л. ед. аор. с нулевой флексией и стр. прич. пр. вр. с суффиксом *-n-*, в основном восходят к и.-е. корням *ultimae laryngalis*:

аор. 1. ед. дцсл. **dqsъ*, с.-х. *dũh* (*nàduh*); 2-3 ед. дцсл. *-dō*, с.-х. *dũ* (*nàdu*) < прасл. **dō-s-* < и.-е. **d^himH-s* (трансп.) < **d^hmēH-s-* [LIV²: 153];

аор. 1. ед. дцсл. *trъхъ*, с.-х. *třh* (*zàtrh*); 2-3 ед. дцсл. *trъ*, с.-х. *tř* (*zàtr*) < прасл. нов. **tēr-s-* от **terh₁-* [LIV²: 632–633];

аор. 1. ед. дцсл. *čjuxъ*, с.-х. *čũh*, (*zàčũh*); 2-3 ед. дцсл. *čju*, с.-х. *čũ* (*zàčũ*) < прасл. нов. **čjũ-s-* или < и.-е. **(s)kēuh₁-s* [LIV²: 561];

аор. 1. ед. дцсл. *klaxъ*, с.-х. *klàh* (*pòklah*); 2-3 ед. дцсл. *kla*, с.-х. *klà* (*pòkla*) < прасл. **kal-s-* от **kelh₂-* [LIV²: 350];

аор. 1. ед. дцсл. *žexъ*, с.-х. *žèh* (*pòžeh*); 2-3 ед. дцсл. *že*, с.-х. *žè* (*pòžeh*) < прасл. **žēn-s-* < **g^uñh₃-* ← **g^uñeh₃-* [LIV²: 215–216];

дцсл. *bixъ*; с.-х. *bĩh*, *ràzbih* < прасл. **bixъ* < **bĩs-* < и.-е. **b^héjH-s-/* **b^héjH-s-/* **b^hiH-s-*; 2-3 ед. дцсл. *bi*; с.-х. *bĩ*, *pòbĩ* < предпрасл. **bĩs-*; [LIV²: 72–73];

аор. 1. ед. дцсл. *mlěxъ*, с.-х. *mljèh*; 2-3 ед. дцсл. *mlě*, с.-х. *mljè* < прасл. **mēl-s-* < **mēlh₂-s-* [LIV²: 432–433];

аор. 1. ед. дцсл. *kryxъ*, с.-х. *krĩh* (*ràzkrih*); 2-3 ед. дцсл. *kry*, с.-х. *krĩ* (*ràzkri*) < прасл. **krũ-s-* от **kreuH-* [LIV²: 371];

аор. 1. ед. дцсл. **ryxъ*, с.-х. *rĩh* (*ràzrih*); 2-3 ед. дцсл. *-ry*, с.-х. *rĩ* (*ràzri*) < прасл. нов. **rũ-s-* от **reuH-* [LIV²: 510];

аор. 1. ед. дцсл. *spěxъ*, с.-х. *spjèh* (*dòspjeh*); 2-3 ед. дцсл. *spě*, с.-х. *spjè* (*dòspje*) < прасл. **spē-s-* от **sp^heh₁-* [LIV²: 584];

аор. 1. ед. дцсл. *-měxъ*, с.-х. *ũmeh* (*ũmjeh*); 2-3 ед. дцсл. *-mě*, с.-х. *ũm(j)e* < прасл. **mē-s-* или < **mēh₁s-/mēh₁s-* [LIV²: 424–425];

аор. 1. ед. дцсл. *počixъ*; 2-3 ед. *poči* < прасл. **čĩ-s-* ← и.-е. корн. аор. **k^ujéh₁-/k^uih₁-* [LIV²: 393–394].

По причине отсутствия надежных данных в сербско-хорватском интонация форм аористов, приведённых ниже, выводится гипотетически, исходя из диахронного анализа структуры основ в дцсл. и родственных языках [Ackermann 2010b]:

аор. 1. ед. дцсл. *-braxъ*; 2-3 ед. *-bra* < прасл. **¹bar-s-* от **¹berH-* [LIV²: 80];

аор. 1. ед. дцсл. *děxъ*, с.-х. *djěh*, *djědoh* (по аналогии); 2-3 ед. дцсл. *-dě* < прасл. **¹dē-s-* ← и.-е. **^déh₁-* корневого аориста [LIV²: 136–137];

аор. 1. ед. дцсл. *sěxъ*; 2-3 ед. *sě* < прасл. **¹sē-s-* или < и.-е. **^séh₁-s-* / **^séh₁-s-* [LIV²: 517–518];

аор. 1. ед. дцсл. *-žrxъ*; 2-3 ед. *-žrъ* < прасл. **žr̄-s-* нов. или ← и.-е. корн. аор. **^gérH-* / **^gr̄H-* [LIV²: 210–211].

Некоторые глаголы данной группы обнаруживают в сербско-хорватском во 2-3 л. ед. ч. аор. рефлекс более поздней метатонии, способствующей поляризации акцентных классов:

аор. 1. ед. дцсл. *obuxъ*, с.-х. *òbuh*; 2-3 ед. дцсл. *ob-u*, с.-х. *òbù* < прасл. **^u-s-* ← и.-е. **^auH-/uH-* < ***HéuH-/HuH-* [LIV²: 275];

аор. 1. ед. дцсл. **^sьěxъ*, с.-х. *sjäh* (*obàsjah*); 2-3 ед. дцсл. **^sьě*, с.-х. *sjâ* (*òbasjà*) < прасл. **^sī¹ē-s-* от *?*^skeH_i-* [LIV²: 546];

аор. 1. ед. дцсл. *šixъ*, с.-х. *ših* (*pòših*); 2-3 ед. дцсл. *ši*, с.-х. *šī* (*pòšī*) < прасл. **¹šū-s-* от **^sjeuH-* [LIV²: 545];

аор. 1. ед. дцсл. *myxъ*, с.-х. *mih* (*izmih*); 2-3 ед. дцсл. *my*; с.-х. *mī* (*izmī*) < прасл. **¹mū-s-* от **^mjeuH₁-* [LIV²: 445–446];

аор. 1. ед. дцсл. *znaxъ*, с.-х. *znäh* (*pòznah*); 2-3 ед. дцсл. *zna*, с.-х. *znâ* (*pòzna*) < прасл. **¹zna-s-* (трансп.): а. ← и.-е. корн. аор. **^gneh₃-* / **^gnh₃-*; б. (?) < поздней.-е. **^gneh₃-*; с. < дередупл. перфект **^ge-^gnóh₃-* / **^gnh₃-* [LIV²: 168–170].

Аористы с окончанием *-ŭ* во 2-3 л. ед. ч. имеют в праславянском смешанную парадигму спряжения. Формы 2-3 л. ед. ч. с кратким корневым гласным¹³ имеют фонологически закономерный циркумфлекс и отражают аблаутную ступень праиндоевропейского корневого аориста. В то время как 1 л. ед. ч., а также множественное и

¹³ Краткость корневого гласного восстанавливается, с одной стороны, на основе сопоставительного анализа штокавских и чакавских форм приставочных дериватов, с другой — в ходе сравнения с производными (с и.-е. точки зрения) основами соответствующих праиндоевропейских корней в других дочерних языках.

двойственное число являются новыми формами славянского сигматического аориста, подробно см. [Ackermann 2010b: 129–132]:

аор. 1. ед. дцсл. *ješъ*, с.-х. *òtêh* < прасл. **jěsŭ* < предпрасл. **jěmsom* (трансп.) ← **jém-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. *jetъ*; с.-х. *òtê* < прасл. *(j)ětŭ < и.-е. корн. аор. **hém-/hŋ-* [LIV²: 236];

аор. 1. ед. дцсл. *načexъ*; с.-х. *pòčêh* < прасл. **čěxŭ* < **kěsom* (трансп.) ← **kén-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. *načetъ*, с.-х. *pòčê* < прасл. **čětŭ* < и.-е. корн. аор. **kén-/kn-* [LIV²: 351];

аор. 1. ед. дцсл. **žexъ*, с.-х. *žêh* < прасл. **žěxŭ* < **gěmsom* (трансп.) ← **gém-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. **žetъ*, с.-х. *žê* < и.-е. корн. аор. **gém/gŋ-* [LIV²: 186];

аор. 1. ед. дцсл. **rasuxъ*, с.-х. *izàsûh* < прасл. **súxŭ* < **sěypsom* (трансп.) ← **séyp-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. *rasutъ*, с.-х. *nàsû* < и.-е. корн. аор. **séyp-/sup-* [LIV²: 540];

аор. 1. ед. дцсл. *umrěxъ*, с.-х. *ùmრêh* < прасл. **měrxŭ* < **měrsom* (трансп.) ← **mér-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. *umrětъ*, с.-х. *ùmრê* < прасл. **měr-tŭ* < и.-е. корн. аор. **mér-/mŋ-* [LIV²: 439–440];

аор. 1. ед. дцсл. **izměxъ se*; 2-3 ед. дцсл. *izmětъ se* < и.-е. корн. аор. ?**mej-/mi-* [LIV²: 426].

Те же корневые гласные в глаголах этого класса, которые вследствие выпадения ларингального получали компенсаторную долготу, подверглись метатонии.

аор. 1. ед. дцсл. **pixъ*, с.-х. *pìh*, *ìspih* < прасл. **píxŭ*; 2-3 ед. дцсл. *pitъ*; с.-х. *pí*, *ìspi* < прасл. **pītŭ* ← **pítŭ* < и.-е. корн. аор. **péh₃/pih₃-* [LIV²: 462–463];

аор. 1. ед. дцсл. **vixъ*, с.-х. *vìh* (*zàvih*) < прасл. **víxŭ*; 2-3 ед. дцсл. *rovitъ*; с.-х. *ví* (*zàvī*) < прасл. **vītŭ* ← **vítŭ* < и.-е. корн. аор. **uéh₁/uīh₁-* [LIV²: 695];

аор. 1. ед. дцсл. *рěxъ*; 2-3 ед. дцсл. *въspětъ* < и.-е. корн. аор. (?) **pejH-/piH-* [LIV²: 464–465];

аор. 1. ед. дцсл. *izlixъ*; с.-х. *lìh* (*pòlih*) < прасл. **lìxŭ*; 2-3 ед. дцсл. *-lì[тъ]*, с.-х. *lí* (*pòlí*) < прасл. **lītŭ* ← **lítŭ* < и.-е. корн. аор. **lěiH-/liH-* [LIV²: 405–406];

аор. 1. ед. дцсл. **oprěxъ se* < прасл. **pěrxъ* < **pěrsom* (трансп.) ← **pér-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. **prětъ* < прасл. **pěrtŭ* < и.-е. корн. аор. **sp^hérH-/sp^hŋH-* [LIV²: 585–586];

аор. 1. ед. дцсл. *-strěxъ*; с.-х. *pòstrêh*; < прасл. **stěrxŭ* < **stěrsom* (трансп.) ← **stér-ŋ*; 2-3 ед. дцсл. *-strětъ*, с.-х. *pòstrê* < прасл. **stěr-tŭ*

< и.-е. корн. аор. *stérh₃/strh₃- [LIV²: 599–600];

аор. 1. ед. дцсл. *žrěxъ, с.-х. *pròždréh* < прасл. *žérxŭ < *géršom (трансп.) ← *gér-m; 2-3 ед. дцсл. *požrěť*, с.-х. *pròždré* < прасл. *žěrtŭ < и.-е. корн. аор. *g^uérh₃/g^urh₃- [LIV²: 211–212].

К этой группе примыкает аорист с «назальным дифтонгом» в корне, если следовать интерпретации Станга (см. выше):

аор. 1. ед. дцсл. *pexъ; с.-х. *pròpéh* < *péxŭ < *péšom (трансп.) ← *pén-m; 2-3 ед. дцсл. *propěť* < прасл. *pětŭ < и.-е. корн. аор. *(s)pénh₁-(/s)pnh₁- [LIV²: 578–579].

Праславянским новообразованием являются:

аор. 1. ед. дцсл. *kľešъ*; с.-х. *zàkléh*; 2-3 ед. дцсл. *kľeť*; с.-х. *zàklé* (на основе назального презенса *kľ-né/n-ŭ- от *kľeŭ- ‘прислоняться’¹⁴ [LIV²: 332–333]; или более позднее дцсл. аор. 1 ед. *žixъ*; 2-3. ед. *žitъ*¹⁵ (*g^užeh₃-ŭ- [LIV²: 215–216]).

Таким образом, метатония в корнях с долгими акутированными гласными явилась конкомитантным средством поляризации двух парадигматических классов аористов в основах на гласный.

В обоих классах можно констатировать случаи реинтерпретации долгот и кратких корневых гласных с целью парадигматического выравнивания: унификации в пределах класса и их прозрачной оппозиции. И, как иллюстрируют примеры, такая унификация носит неслучайный характер. В глагольных основах со славянским сигматическим аористом β закрепляется закономерный с точки зрения диахронной морфологии акут, отражающий аблаутное чередование в корнях и.-е. сигматических аористов, в то время как в глагольных основах со славянским сигматическим аористом γ, несмотря на фонологический состав многих входящих в эту группу глагольных корней, в качестве классового признака закрепляется краткость корневого гласного, отражающая аблаутную ступень в корнях праязыковых корневых аористов. В конечном итоге данная оппозиция фиксируется в праславянском на просодическом уровне в виде оппози-

¹⁴ Этимология по [Vasmer I: 576–577], где предполагается семантический перенос, поскольку «при принесении клятв касались рукой земли».

¹⁵ Перевод в другой класс обусловлен реинтерпретацией границы глагольной основы CVC# → CV#, исходя из форм, в которых -ŭ- в позиции перед согласным исчезает, как в 1. л. ед. ч. *žixъ*. Этому способствует наличие аблаутно-акцентной схемы презенса √ø-é-, характерной для класса глагольных основ с сигматическим аористом γ.

ции акут — циркумфлекс, которую ещё достаточно легко проследить по просодике соответствующих глагольных форм в современном сербско-хорватском, по месту ударения в русском и болгарском и по распределению долготы/краткости в чешском языке.

Взаимная соотнесённость основ аориста и презенса и чёткое следование определённом парадигматическому типу, а также отдельные случаи смены типа спряжения в результате морфонологических преобразований в праславянский период свидетельствуют о том, что именно унаследованная взаимная обусловленность образования основ презенса и аориста лежит в основе процесса разделения парадигматических классов, в том числе и оппозиции глагольных основ с праславянским сигматическим аористом β и γ , иными словами, составляет морфологическую базу дополнительной дистрибуции, описываемой правилом Ван-Вейка.

Подобное развитие парадигматических классов в славянском в процессе преобразования видо-временной системы праязыка отнюдь не является уникальным. Например, как уже упоминалось ранее [Askermann 2010a: 41–42], обращает на себя внимание большое число типологических параллелей с итальянскими языками, в том числе интересен факт существования в латинском типологически сходного древнецерковнославянскому (на синхронном уровне) дистрибутивного правила построения основ прошедшего времени (по правилу А. Бургера [Burger 1928]): либо сигматического, либо нового *и*-перфекта глаголов 2-го латинского спряжения, основанного на просодии корневого гласного. Таким же образом, а именно просодией корня, объясняется в латинском и вторичный перевод некоторых сигматических перфектов в *и*-перфекты.

Таким образом, стало возможным дополнить просодико-фонологическое объяснение В. А. Дыбо дополнительной дистрибуции по Ван-Вейку данными диахронического анализа морфологии рассматриваемых глагольных основ и соответственно их классовой предпочтительности в праславянском, а также провести параллель с типологически сходными явлениями в других дочерних языках. Как следует из анализа данных, приведённых выше, просодико-морфологическая оппозиция по способу образования форм 2-3 л. ед. ч. аориста, страдательных причастий прошедшего времени, соответствующего отглагольного существительного, а также форм активных причастий прошедшего времени на *-л-* и основы супина в глаголах с основой на гласный или резонант никоим образом не является непосредствен-

ным результатом унаследованного праязыкового различия, обусловленного линейно (фонологически или просодически). Напротив, правило Ван-Вейка необходимо рассматривать как результат нескольких диахронных процессов, приведших к парадигматической поляризации в двух изначально фонологически гетерогенных группах корней в видо-временной системе праславянского глагола. В развитии такой поляризации совершенно очевидно важную роль играла оппозиция по аблаутной ступени праиндоевропейских основ аориста и презенса этих глаголов. В то время как конкомитантная метатония корневых гласных в некоторых аористных основах — это уже, без сомнения, славянское явление.

При всей ясности просодического аспекта правила Н. Ван-Вейка, остается открытым вопрос природы и происхождения сегмента *-tj* в морфологической структуре 2-3 л. ед. ч. аористов сигматического типа γ ¹⁶.

Литература

- Ackermann 2008 — *Ackermann K.* Diachrone Bemerkungen zu van Wijks Regel über das participium praeteriti passivi auf *-tj/-ta/-to* und den Ausgang *°tj* der 2.-3. P. Sg. Aorist im Altslavischen. Доклад на 36-ом австрийском съезде лингвистов (ÖLT) в Вене 06–08.12.2008. Эл. версия: www.linguistics.at/images/stories/downloads/Linguistiktagung/abstractshistorischesektion.pdf.
- Ackermann 2010a — *Ackermann K.* Особенности преобразования праиндоевропейской видо-временной системы в праславянском и праиталийском языках. Структурные и семантические параллели // Материалы четырнадцатых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV», 21–24.06.2010. Под ред. Н. Н. Казанского. Санкт-Петербург, 2010. С. 23–45.
- Ackermann 2010b — *Ackermann K.* Sprachgeschichtliche Untersuchungen zur slavischen Verbalmorphologie. Univ.-Diss. Wien, 2010.
- Ackermann 2011a — *Ackermann K.* Kontinuität und Innovation in der Genese des slavischen Verbums: Das System des urslavischen Aorists // *Krisch Th.* et al. (Hrsg.), Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Salzburg, 21.–27. September 2008. Wiesbaden, 2011. S. 18–28.
- Ackermann 2011b — *Ackermann K.* On the Prosody of Slavic Continuants of Indo-European Verbal Adjectives in *-to-*, *-no-*, *-lo-* // *Sukač R.* (ed.) From Present to Past and Back. Papers on Baltic and Slavic accentology; [papers presented at the Fifth International Workshop on Balto-Slavic Accentology (IWoba V), held at

¹⁶ Возможные решения обсуждаются в [Ackermann 2010b: 97–98], а также в [Ackermann 2014: 120–137].

- the Silesian University in Opava on 7–10 June 2009]. Frankfurt am Main [et al.], 2011. P. 1–12.
- Ackermann 2014 — *Ackermann K.* Die Vorgeschichte des slavischen Aoristssystems. BSIEL 10. BRILL. Boston–Leiden–Tokyo, 2014.
- Aitzetmüller 1978 — *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg, 1978.
- Arumaa 1985 — *Arumaa P.* Urslavische Grammatik. B. III. Heidelberg, 1985.
- Berger 1958 — *Berger H.* Der Akzent von εἶς, πᾶς und ἕγωγε // MSS, 1958, 3. S. 5–26.
- Bielfeldt 1961 — *Bielfeldt H.* Altslawische Grammatik. Halle, 1961.
- Bulaxovski 1925 — *Bulaxovski L.* Besprechung von N. van Wijks Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme // Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeling Letterkunde. Nieuwe Reeks, 1923, Deel XXIII, N. 2. ZfSIPh, 1925, I. S. 216–232.
- Bulaxovskij 1927 — *Bulaxovskij L.* Die Intonation des slavischen Supinums // ZfSIPh, 1927, IV. S. 69–83.
- Булаховский 1960 — *Булаховский Л. А.* Древнейшая славянская метатония акутовых долгот. (Закон А. Мейе) // Езиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. Българска академия на науките, 1960. С. 21–26.
- Burger 1928 — *Burger A.* Études de phonétique et de morphologie latines. Neuchatel, 1928.
- Diels 1932. — *Diels P.* Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch. Bd. 1.–2. Heidelberg, 1932–1934.
- Дыбо 1958 — *Дыбо В. А.* О древнейшей метатонии в славянском глаголе // ВЯ, 1958, VII/6. С. 55–62.
- Дыбо 1961 — *Дыбо В. А.* Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // Краткие сообщения института славяноведения, 1961, 30. С. 33–38.
- Дыбо 1962a — *Дыбо В. А.* О реконструкции ударения в славянском глаголе // ВСЛЯ, 1962, 6. С. 3–27.
- Дыбо 1962b — *Дыбо В. А.* [Рец.] Stang 1957 // Структурно-типологические исследования. Москва, 1962. С. 220–225.
- Kiparsky 1962 — *Kiparsky V.* Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Koch 1990 — *Koch Chr.* Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums, T. 1–2. München, 1990.
- Kuryłowicz 1952 — *Kuryłowicz J.* L'accentuation des langues indoeuropéennes. Kraków, 1952.
- Leskien ¹⁰1990, ¹¹2002 — *Leskien A.* Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte — Glossar. 10. Auflage: J. Schröpfer mit Verbesserungen und Ergänzungen versehene Auflage. Heidelberg, 1990. 11. Auflage: von O. A. Rottmann überarbeitete Auflage. Heidelberg, 2002.
- Leskien 1881 — *Leskien A.* Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen // AfSIPh, 1881, 5. S. 188–190.
- Leskien 1899 — *Leskien A.* Untersuchungen über Betonungs- und Quantitätsverhält-

- nisse in den slavischen Sprachen. AfSIPh, 1899, 21. S. 321–398.
- LIV² — *Rix H.* (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. 2nd ed. Wiesbaden, 2001.
- Lunt 1974, ²2001 — *Lunt H.* Old Church Slavonic Grammar. The Hague-Paris, 1974. 7th edition: The Hague-Paris, 2001.
- Мелье 1902а — *Мелье А.* О нѣкоторыхъ аномаліяхъ ударенія въ славянскихъ именахъ // Русский филологическій вѣстникъ, 1902, 48. С. 193–200.
- Meillet 1902b — *Meillet A.* La désinence *-tū* à l'aoriste // Études sur l'étymologie & le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902. P. 134–142.
- Meillet, Vaillant ²1934 — *Meillet A., Vaillant A.* Le slave commun. Paris, 1934.
- Nahtigal 1961 — *Nahtigal R.* Die slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1961.
- Nandriş 1959 — *Nandriş G.* Handbook of Old Church Slavonic — I. Old Church Slavonic Grammar. London, 1959.
- Sadnik 1959 — *Sadnik L.* Slavische Akzentuation I — Vorhistorische Zeit. Wiesbaden, 1959.
- Stang 1942 — *Stang Chr.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Stang 1957 — *Stang Chr.* Slavonic Accentuation. Oslo, 1957.
- Troubetzkoy 1954 — *Troubetzkoy N.* Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. Wien, 1954.
- Vaillant 1966 — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. III. Paris, 1966.
- van Wijk 1916 — *van Wijk N.* Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen, vornehmlich in ursprünglich kurzen Silben // AfSIPh, 1916, XXXVI. S. 321–377.
- van Wijk 1923a — *van Wijk N.* L'accentuation de l'aoriste slave // RES, 1923, III, vol. 3, No. 1/2. P. 27–47.
- van Wijk 1923b, ²1958 — *van Wijk N.* Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. Amsterdam, 1923. 2. Auflage: Leiden, 1958.
- van Wijk 1926 — *van Wijk N.* Die slavischen Partizipia auf *-to-* und die Aoristformen auf *-tъ* // IF 1926, 43. S. 281–289.
- van Wijk 1931 — *van Wijk N.* Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Bd. 1. Laut- und Formenlehre. Berlin–Leipzig, 1931.
- Vasmer I — *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Heidelberg, 1976.
- Vondrák 1908 — *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik 2. Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1908.
- Востоков 1863 — *Востоковъ А. X.* Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Санктпетербургъ, 1863.
- Wackernagel 1877 — *Wackernagel J.* Der griechische Verbalaccent // KZ, 1877, XXIII. S. 457–470.

Екатерина Акерманн: katsiaryna.ackermann@univie.ac.at

Steven Young

University of Maryland, Baltimore County

Nasal Affixes and Secondary Short Stems in Baltic and Slavic

This paper further develops a thesis presented at the Fifth International Workshop on Balto-Slavic Accentology [Young 2011]: that a number of apparent exceptions to Winter's law in Baltic which show a short or circumflex root vocalism in place of expected acute are best explained on morphological grounds, rather than by some phonological refinement of Winter's law. These unexpected non-acute vocalisms originate in nasal-infixed intransitives, a once highly productive category in the East Baltic system of verbal diathesis. From here they spread to closely-associated forms such as *u*-stem adjectives and deverbal nouns in *-imas*. A typical example is Lith. *dùbti*, *du̯mba*, *dùbo* 'grow hollow, sunken' with *u*-stem adjective *dubùs* 'hollow, deep' and deverbal noun *dubìmas*, alongside the transitive Lith. *dúobti*, *-ia* 'hollow out' and Latv. *duôbjš* 'deep, hollow' (**dheu-b-* 'tief, hohl' [IEW: 267]), which preserve the acuted length expected under Winter's law. This morphological approach, based on East Baltic ablaut alternations, also provides a solution for occasional laryngeal bases with unexpected short root vocalisms: Lith. *grùsti*, *gru̯nda*, *grùdo* 'grow sad, grieve' and *grudùs* '(emotionally) moving' alongside *-st-* doublet *grùsti*, *grùsta* (**grúð-st-*), *grùdo*: **ghrēu-* ~ *ghrəu-* ~ *ghrū-* 'scharf darüber reiben, zerreiben' [IEW: 460].

Baltic intransitives with a nasal infix in the present tense are characterized by high-vowel root vocalism, typically *-i-*. Historically, this vocalism represents the reduced grade of an *-ei-*, *-eu-*, *TeRT-* or *(T)ReT-*¹ sequence, associated with transitive diathesis. According to Smoczyński, e.g., [SEJL: 97–98, s. v. *dègti*], this high-vowel reduced grade was then extended in Balto-Slavic to roots of the shape *TeT-*, where there is no other model for *-i-* apophony: **tek-* 'flow, run' provides the neostem (to borrow Smoczyński's convenient term *neopierwiastek*) **tik-*, cf. OCS imp. *tvci* 'flow', which in turn builds a new intransitive base with nasal present in East Baltic, (Lith.) *tikti*, *tiñka* 'be suitable ("flow together")',

¹ As Kuryłowicz notes [Kuryłowicz 1956: 219ff.], the reduced-grade counterpart to *(T)ReT-* in a Germanic, Baltic, or Slavic ablaut series is in fact *(T)RiT-* (Germanic *(T)RuT-*), rather than a **(T)iRT* expected on phonological grounds; a Balto-Slavic example is **bred-* : **brid-* 'ford'.

Latv. *tikt*, *tīk* (**tin-k-*), *tika* ‘gefallen, beliebt’ [SEJL: 667, s. v. *tekēti*].²

In addition to reduced-grade vocalism, East Baltic infixated intransitives regularly show circumflex tone, whatever the original tone of the base; the process of nasal infixation, in effect, imposes *métatonie douce* on the root.³ I believe that Rasmussen [Rasmussen 1999: 546] and Smoczyński are correct in seeking the origin of this metatony in reduced grade resonant + laryngeal stems with an inherited nasal infix: **(C)rnH-é-*. After loss of the laryngeal in prevocalic position, the nasal formant underwent metathesis with the resonant, resulting in a new non-laryngeal (= circumflex) stem, reanalyzed as a nasal infix inserted in a short stem (which, for resonant stems, also serves as the preterit). Smoczyński [SEJL: 678, s. v. *tīlti*] illustrates the process with *tīlti*, *tīla* (~ *tīlsta*), *tīlo* ‘grow quiet, die away (of noise), abate (of wind)’: **tīla* < **tī̃la*, metathesized from **tī̃lna* < **tīl-n-H-a* < PIE **t̥l̥-n-H-V-* (infixated stem of reduced grade **t̥l̥H-* to **telH-* ‘still werden’ [LIV²: 621]). The short preterit stem *tīl-* continues **tīl-H-V-*, with loss of prevocalic *H*. The combination “infix plus short high root vocalism,” associated with intransitive meaning, came to serve as a model for stems ending in glides⁴ and obstruents as well, and accounts for apparent exceptions to Winter’s law or apparent loss of laryngeal in the roots under consideration. A number of such examples were discussed in [Young 2008] and [Young 2011]. To these we can add the following:

§ Vaillant presents the root **nīk-* of Slavic *niknōti* and related forms [Vaillant 1966: 244–245] (with central meanings ‘arise, germinate’ and ‘bend, bow, droop’ [EDSIL: 352–353]) in the context of vocalic lengthening in verbs with a *-nō-* suffix, in contrast to the short root of Lithuanian *į-nīkti*, *ap-nīkti*, present *-ninkù*, Latvian (*ap*)*nīkt*, *-nīku*, *-nīku* ‘become tedious, tiresome’. Smoczyński [SEJL: 425, s. v. *nỹkti*] also derives Slavic

² This new reduced grade is apparently restricted to certain verbal categories; it does not extend for example to the infinitive and past passive participle type *nēšti*, *nēštas* ‘carry’ [Kuryłowicz 1956: 216].

³ The *-n-* formant also imposes fixed stress on the root, even where retraction of stress to a prefix would be phonetically possible: compare infixated *sutiñka* (*sutiñkti* ‘meet’), p.r.a.p. *tīñkās* and infixless *pāslenka* (*paslīñkti* ‘move a bit’), p.r.a.p. *slenkās*.

⁴ [SEJL 2003: 21, 83]: *gỹja* (= *gỹja*): *gỹti*, *gỹjo* ‘get better; heal’ represents **gi-ñ-j-a*, formed on **gĩ-é-* < **giH-é-*; *pũva* (= *pũva*), to *pũti*, *pũvo* ‘rot, decay’ represents **pu-ñ-v-a*, formed on **pũ-é-* < **puH-é-*. The infinitive, which preserved the laryngeal in pre-consonantal position, shows expected acute.

nĭk-* (“wzdłużony st[opień] zanikowy”) from **nĕk-*. Assuming [ESSJa XXV: 109, 114–115] is correct in regarding the unusual semantic range within both Slavic and Baltic as reduceable to a single prototype, whence also Slavic *nicь* ‘face down’ (ni-h₃k^wo-* [EDSIL: 352–353]), then in fact the East Baltic forms reflect a *shortened* neostem **nik-* from an original **nĭk-*, in connection with nasal infixation.

§ The short root **mud-* of Lith. *mūsti*, *muñda*, *mūdo* ‘become intoxicated, feel giddy’ (“svaigti”: LKŽe), together with related Lith. *mudrūs* ‘cheerful, lively’, Latv. *mudrs* ‘swift, lively’, belongs to PIE **meud-* ‘in Freude geraten’ [LIV²: 443], see [LEW I: 467], a Winter’s law base.

§ The morphological approach resolves the prosodic difficulties noted by Fraenkel [LEW I: 460], Vasmer [Vasmer II: 608], and Derksen [EDSIL: 313] in relating the acute (presumably laryngeal) stem of Slavic *město* ‘place’ (a.p. *a*) to the (secondary) short stem of Lith. *mīsti*, *miñta*; Latv. *mīst*, *mītu*, *mīta* ‘feed on, nourish oneself, live, stay’.

§ This approach also accounts for the Lith. dialectal variant *ruñga* (Gelvonai: LKŽe) to *rūgti*, *rūgsta*, *rūgo* (= Latv. *rūgt*, *rūgsta*) ‘to grow sour; ferment’, reduced grade to Lith. *riaugėti*, *riaugėja* / *riaugi* / *riaugia* / *riauga* ‘belch’, with Slavic cognates in **ryg-* (**rŭg-*), **rig-* (**rjŭg-* [SEJL: 513]), showing the expected acute reflex of Winter’s law for *(*h*)*reug-* ‘rülpsen, erbrechen’ [LIV²: 509].

§ More conjecturally, we might apply the morphological approach to Lith. *pliekti*, *-ia*, *-ė*, *pliėkti* ‘beat, flog’, which Smoczyński notes as “bez etymologii” [SEJL: 474]. Assuming a laryngeal stem (there is no other source for the acute), Lith. *pliekti* could be seen as a secondary *e*-grade to the **plĭk-* expected from a (*T*)*Ri**T-* vocalisation of (*T*)*rHT-* (the **plak-* of Lith. *plàkti* ‘flog, whip’ would not then directly reflect a “**plək* statt †*pilk* < **plh₂k-*” to ?**pleh₂k-* ‘schlagen (auch als Gestus)’ of [LIV²: 485]). The short stem of the related reduced-grade *plikas* ‘bald, bare’ ([SEJL: 474–475]: “zapewne należy do czas. *pliekti*”) would then be from the associated *plĭkti*, *pliñka*, *pliko* ‘go bald, become bare’. In this (admittedly roundabout) way, we can relate *pliekti* to the long acute (*o*-grade) of Slavic *plak(ati)* ‘cry, weep’ (PIE **pleh₂k-*, **pleh₂g-* [EDSIL: 402; LIV²: 485]), which suggests itself as a semantic match. Lith. *plàkti* must be another ablaut formation to this root.

East Baltic preserves traces of infixated nasals which predate the rise of the productive formation, associated with intransitive diathesis. The synchronically unmotivated nasal in these cases typically fuses with the root

of the present-tense stem and is then generalized to other stems. The most obvious of these are found in acute roots:

§ The classic example of an inherited infixed acute nasal present with transitive meaning (and therefore shifting to the *ja*-stem type marking transitives) is *jùngti*, *jùngia*, *jùngē* ‘to join’ (cf. the full grade *jáugti*, *jáugia*, *jáugē*, with the narrower meaning of ‘harness to a yoke’), where the infix has even spread to the related noun *jùngas* ‘yoke’.

§ Lith. *ingti*, *-sta*, *-o* ‘grow lazy; fall out (of hair)’ = Latv. *īgt* ‘become annoyed’ similarly preserves the acute infixed stem, using the *-st*-allomorph. As expected, the full grade is found in the transitive *ja*-stem *ēngti*, *ēngiu* ‘strip, scrape; oppress’. Slavic also indicates a generalized nasal infix in **ęga/ędza* ‘disease’. The root is **h₂ig-*, full grade **h₂eig-*, cf. Lat. *aeger* ‘sickly’ [SEJL: 147], with acute from Winter’s law.

§ Lith. *jùnkti*, *jùnkstu*, *jùnko*; Latv. *jūkt*, *jūkstu*, *jūku* ‘get used to’ shows an old acute nasal infix preserved in an intransitive-inchoative present; because of the divergent tone (one would expect the productive circumflex), the nasal was generalized to the infinitive-preterit stem, see [Endzelin 1922: 583 footnote 2], and intransitivity is marked by the *-st*-suffix. The nasal is lacking in the related *ūkis* ‘farm, farming; economy’ [Būga 1959: 642]. Following [SEJL: 237], *jùnk-* represents an infixed form of **uk-*; the initial *j-* is secondary after full grade *jaũk-* < **H₁euk-*, a typical phenomenon in East Baltic: cf. *jūra* ‘sea’ for †*ūra*, after *jaur-* < **Heuh₁r-*. The acute is from laryngeal metathesis in the neighborhood of a high vowel in reduced-grade root **H₁uk-* (> *ũk-*). The acute base later failed to build a circumflex neostem (i.e., there is no †*jùkti*, *junkù*, *jùko* in this meaning), but rather took the allomorph in *-st-*, preserving the long acute stem, perhaps to avoid homonymy with two already existing forms (*pra-*)*jùkti*, *-juňka*, *-jùko* ‘break out laughing’, (*su-*)*jùkti*, *-juňka*, *-jùko* ‘get mixed, entangled’. The Slavic cognate **vŭk-(nōti)* (Ru. *привыкнуть*) is ambiguous regarding original **ũnk-* or **ũk-*, but also shows acute from the metathesized *H*.

§ A complete refashioning of an inherited acute nasal-infixed root with transitive meaning is found in Lith. *sėgti*, *sėga*, *sėgē* ‘to button’, Latv. *segt*, *sėdzu* (*ja*-stem)/*sėgu* (*a*-stem), *sedzu* ‘to cover, roof, thatch’, with *o*-grade: Lith. causative *sagyti* (*sagstyti*) ‘button, fasten’, Lith. *sagà* ‘button’, Opr. *sagis* ‘clasp, belt buckle’. Slavic preserves the nasal and Winter’s law acute in **sęgti* ‘reach for’ and the aspectually-paired derivatives **sędzati*/**sęgati*, **sęgnōti* ‘reach for, attain’ [EDSIL: 449]; [Kort-

landt 2008: 11] follows [Kuiiper 1937: 195] in positing an inherited nasal in this root; [SEJL: 539] reflects the more traditional assumption of a nasal infix, generalized in Slavic. Slavic also has nasal-less forms, with Winter's law acute preserved, in the set ChSl. *posagati* 'to marry' and deverbial ChSl. *posagъ* 'marriage', Ru. dial. *nocáz* 'marriage; dowry', Czech *posah*, Pol. *posag* 'dowry' [Vasmer III: 338]. Smoczyński [SEJL: 539, s. v. *sęgti*] explains the semantic connection between "reach" and "wedding": "od obrządku weselnego, kiedy panna *sięgała* za rękę pana młodego."

While acute nasal-infixed bases are at odds with the productive pattern of East Baltic and are therefore subject to refashioning, there are also cases of a fusion of an unproductive circumflex infix with the root:

§ The root for "urinate" preserves an inherited nasal infix (cf. Lat. *mingō*),⁵ which was apparently not identified with the productive type of infixation and therefore fused with the root: Lith. *mỹžti*, *mỹža* (dial. *męža*), *mỹžo* (i.e., a generalized stem **mĩž-* < **miñž-*) = Latv. *mizt* (**mi-n-z-*), *mizū* / *mieznu* (**mę-n-z-nu*, with refreshed nasalization) / dial. *miezu* (**me-n-z-u* = Lith. dial. *męžū*), pret. *mizu* [MEVe II: 650]. A non-infixed reduced grade is found in Lith. *mižė* 'cunnus' and in Slavic **mьzěti*, **mьzjō* in e.g. Pol. *mżyć* 'to drizzle' [SEJL: 407].

§ Lith. *drįsti*, *drįstū* (**drins-st-*), *drįsaũ* preserves a generalized nasal infix refreshed by *-st-*. The stem **dris-* of **dristi* / *drińsa* / *driso* represents a (*T*)*RiT* vocalization, replacing Baltic **dirs-* < IE **d^hrs-* [SEJL: 125]; the related *u*-stem adjective *drąsus* 'brave' has *o*-grade. The Slavic suffixed **dbrz-nō-* (with unexplained *-z-*, perhaps voicing of *-r-sn-* > *r-zn-*) of OCS *drъznōti*, etc., like OPr. *drysos* 'brave, valiant' [LEW I: 101, s. v. *drąsus*], shows the expected development of the syllabic *r*.

§ Lith. *trem̃pti*, *trem̃piũ* 'trample down, tread' has a generalized infix from unattested infixed **trem̃pu* [SEJL: 685] to the base **trep-* 'tread' of *trepėnti*, *trepėnũ* 'stamp (one's foot)', Slavic (Ru.) *mpenámь*, *mpeniũ* (**trep-* 'treten, stampfen' [LIV²: 650]).

Slavic also shows a number of "fused" infixes, which early on lost their productivity (and concomitantly spread to related stems), and which present genetic ties to the productive Baltic infix. This suggests that nasal infixation was also once prevalent in Slavic,⁶ before the spread of the

⁵ Kuiiper: "In lit. *męžū*, *mįžaũ*, *mĩsti* ist der Nasal ausnahmsweise wurzelhaft geworden" [Kuiiper 1937: 159].

⁶ Leaving aside the question of Slavic **sęde-*, which preserves expected Winter's law acute and thus cannot be identified with the Baltic infixation in question.

fairly recent and highly-productive suffixed *-n*-stem present, with infinitive stem in suffixed *-nq-*. Among forms which have correspondences in East Baltic, where the nasal infix is clearly motivated, we have:

§ **krǫpъ* ‘thicket, squat’ (Pol. *krępy*), *krǫpěti* ‘to contract’ [EDSIL: 251] = Latv. *krumpēt* ‘shrink’, to the Lithuanian infix verb *krūpti*, *krumpū* ‘become scabby, chap’ < **kreup-* ‘shrink, diminish; become covered with scabs’ [SEJL: 318; ESSJa XIII: 27]. Without infix: Lith. *krūpė*, *krūpis*, Latv. *krupis* ‘toad’ (‘creature with scabby, warty skin’).⁷

§ Slavic **trins-* in e.g. OCS *tręso se*, Ru. *трястись* ‘shake’, with generalized infix nasal, to Lith. *trīsti*, *trīsta* (= *trīns-st-*; dial. *trīnsa*), *trīso*, in prefixed forms with *į-*, *pa-* meaning ‘become crazy; sexually overexcited’ [LEW II: 1125; SEJL: 687], full grade in *trēsti*, *tresiù* ‘be in heat; run around, frolic’; to **tres-* ‘(vor Schreck) zittern’ [LIV²: 650–651]. Both the Slavic and Baltic forms show (*T*)*RiT* vocalization of the sonorant in the reduced grade.

§ Slavic **grǫbъ* ‘coarse’, e.g. Ru. *грубый*, to the Lithuanian set *grūbti*, *grumbū* ‘become numb (with cold); coarsen’; *grubūs* ‘rough, coarse, uneven; rude’. This is a nearly exact match; the only difference is the generalization of the nasal neostem to the related adjective in Slavic [SEJL 204–205, s. v. *grubūs*].

§ Slavic **sęk-* in ChSl. *išęknǫti* ‘drip away’, *išęčětъ* ‘dry up (of a spring)’, assuming reduced grade: **sink-*. The nasal infix also appears in the *o*-grade causative *išęčiti* ‘drain (tr.)’. A nasal-less form is found in SCr. *òsjeći* ‘go down (of water)’ [Kuiper 1937: 186]. The Lithuanian cognate has a nasal infix (with unexpected root vocalism): *sėkti*, *señka*, *nusėko*. Expected reduced grade is found in Latv. *sikt*, *sieku* (**se-n-k-*)/*siku* (**sink-*)/*sikstu* (**sink-st-*), pret. *siku*. Lithuanian **siñk-* in the *ja*-stem *išsiñkti*, *-ia*, *-ė*, *nusiñkti*, *-ia*, *-ė* is abstracted from **sinkù* [= Latv. *siku*] to **sikti* [SEJL: 541]. Both Slavic and Latvian refresh the old nasal infix with suffixal formations [Vaillant 1966: 172].

§ Slavic (OCS) *žęždo*, *žęždeši*, inf. *žędati* ‘long for, desire’ (a.p. *b*), *žęднь* ‘thirsty’, to Lith. (full grade) (*pasi*)*gęsti*, *-gęnda*, *-gędo* ‘miss, long for’, a comparison found as early as [Brugmann 1916: 382]. The simplex means ‘spoil (intr.), deteriorate, decay, rot; become morally corrupted’; **g^wed^h-* ‘bitten, wünschen’ [LIV²: 217], which notes regarding

Vaillant treats this as a Slavic (and Old Prussian) neologism, replacing a reduplicated present [Vaillant 1966: 181].

⁷ There is a semantic parallel in Lith. *rūpūžė* ‘toad’ to *rūpūs* ‘coarse, rough’, *rūpti*, *rūmpa*, *nurūpo* ‘become coarse, rough, covered in pockmarks’.

the Slavic forms: “mit sekundärem Nasal, der wohl vom bsl. Nasal-präsens bezogen ist.” Lith. *geĩsti*, *geĩdzia* ‘long for, wish, desire’ suggests itself as an *e*-grade neostem to the missing Lith. reduced grade **gĩsti*, *giĩnda*, **gĩdo*: the semantics present an exact match and the morphological process is common enough (differently [SEJL: 166]). Latvian (Couronian) **gĩnst/gĩnt*, *gĩnstu*, *gĩnu* ‘perish, spoil’ [MEVe] also shows a generalized nasal [SEJL: 174–175].

§ More controversial is the comparison Slavic *krq̄ť* (a.p. *c*) ‘wind-ing; steep, severe’ (Ru. *кpymoĩ*) and Lith. *kraĩntas*, Latv. *kraĩnts* ‘river bank’ (the preservation of the nasal in Latvian points to a Couronianism, in which the sustained tone reflects a Baltic circumflex [Illič-Svityč 1964: 24–25]). The latter apparently has its *-n-* from the verb *kristi*, *kriĩnta*, *krito* ‘fall’, the semantic development being “a drop > steep river bank > river bank” [SEJL: 307, s. v. *kraĩntas*], which has a formal match (with refreshed nasal suffix) in OCS *krę̄nq̄ti* ‘сдвинуть набок’, Ru. dial. *кpя̄нуть* ‘пошевелить, сдвинуть’ (< **krę̄nq̄ti* [Vasmer II: 392]; **krę̄t-* here must represent **krint-*). For the Russian substantive *кpуть* [Dal’ II: 521, s. v. *кpуть*] records comparable meanings (“яр, обрыв, утес”). It seems quite artificial to separate Slavic *krq̄ť* (and *krq̄titi* ‘twist, turn’) from the Baltic set, as ESSJa does [ESSJa XII: 145–146 s. v. **krę̄tati* (*se*); XIII: 33–35 s. v. **krq̄ť*], especially since each set would then be isolated in each language family. ESSJa objects: “морфологическая назализация в презенсе, вообще редкая в слав. (в отличие, например, от балт.), пожалуй, была несвойственна для корней, уже содержащих слогаобразующий сонант (*r*)” [ESSJa XII: 146]. But we are undoubtedly dealing in these cases not with direct infixation in a *T̄rT-*stem, but with infixation in a Balto-Slavic ablaut stem of the shape *TRiT-*, which develops alongside full (*e*-)grade *TReT-*; see above. It should be noted that for roots which in fact contain a syllabic sonorant (> BSl. *-ir-*) followed by an obstruent, a nasal infix is also impossible in Baltic; intransitives here take *-st-*: *dirgti*, *dirgsta* ‘become spoiled, become wet’. There is, of course, also a problem with the diathesis, but we do not expect as regular a reflection of intransitive (as in Baltic) for this type. In support of this connection, see [SEJL: 307, s. v. *kraĩntas*] and [EDSIL: 252, s. v. *krq̄ť*].

§ Finally, Slavic has a generalized nasal in **za-strę̄g-* (Pol. *zastrzq̄c*), *strę̄q̄* ‘get stuck’ to Lith. *n*-infixed *strĩgti*, *stringũ*, *strigaiũ* ‘stick, sink deeply into’, **streĩg-* ‘eindringen, stecken bleiben’ [LIV²: 604], see [Young 2011: 239].

These Slavic relic infixes with Baltic correspondences, together with

precisely matching (except for the nasal formant) morphological formations with reduced vocalism, such as Slavic **bь(d)nq̃ti*, **-bь(d)ne* = Baltic (Lith.) *bùsti*, *buñda* ‘wake up’; Slavic **(pri-)lb(p)nq̃ti* = Lith. *lipti*, *limpù*, Latv. *lipt*, *lipu* (**li-n-p-*) ‘stick to’; deadjectival intransitive inchoatives such as **sьxnq̃ti* ‘become dry’ : **sũxь* ‘dry’ = Lith. *sùsti*, (dial.) *sũsa* (= **su-n-s-*) ‘become mangy; wither’ : *saũsas* ‘dry’,⁸ suggest a common origin for the Baltic and Slavic nasal formants, at least those associated with the above examples. Since the Baltic type requires a special operation to account for both circumflex tone and short(ened) root vocalism, Slavic nasal suffixation must be seen as secondary. The point of departure for the spread of nasal suffixes in Slavic may be sought in a stem of the shape **CI/U-n-H-é* > **CI/U-n-é* (parallel to the Baltic **(C)rnH-é-*), which in fact yields short root vocalism plus (synchronic) nasal suffix in Baltic: Lith. *dùna* (*išduna*, *nùduna*) (**d^hu-n-H-é-* : **d^hueh₂-* ‘Rauch, machen’ [LIV²: 158]) ‘lose its smell; go flat (of beer)’ to stative *dunéti*, *-éjo* [SEJL: 133], *trùna* (**tru-n-H-é-* : **treuH-* ‘rub away, wear away’ [LIV²: 652]) ‘rot, moulder’ to stative *trunéti*, *-éjo* [SEJL: 691], and in the Latvian variant present form *vinu* (**vi-n-h₁-é-* : **viēh₁-* ‘unwickeln, umhüllen’ [LIV²: 695]) of Latv. *vīt* (**viēh₁-t-*) ‘twist, wind (tr.)’ [SEJL: 764]. From here, the combination of short root vocalism plus nasal suffix would have extended in Slavic to both resonant and obstruent stems, displacing earlier infix formations, much as a productive nasal suffix came to replace an earlier infix form in Cz. *sednout*, *sedne* ‘sit’, regional Pol. inf. *siednać*, Pol. *legnę* ‘lie’ for OPol. (*ob*)*łęę* [Vaillant 1966: 182].

Such a development would then explain the unexpected short root vocalism of Slavic Winter’s law or laryngeal bases such as Slavic **mbgnq̃ti* ‘blink’, Lith. *mingù*, *migti* ‘go to sleep, fall asleep’ as opposed to the acute of Latv. *miēgt*, *miēdzu* ‘close the eyes’ [Young 2008: 211–213] or **slbznetь* of Cz. *slzne* ‘will slip’ [Gorbachov 2007: 203] to Winter’s law base **sleig-* ‘schmierem, glatt machen’ [LIV²: 566–567], with deverbal noun *slbza* ‘tear’ (short stem comparable to that in Lith. *ligà* [Young 2008: 209]) and associated *u*-stem adjective OCS *slbzьkь* ‘schlüpfrig’ (= Lith. *slizùs*) < **slig-u-*, which exactly matches the Baltic pattern *dùbti*, *dùmba* : *dubùs*. An example of a laryngeal base with such shortening (and secondary transitivity?) is the Slavic (*T*)*RiT-* stem **rьznq̃*, *rьznq̃ti*, of e.g. Pol. *rznę*, *rznąc* < **rьz-ne-* to *rěžq̃*, *rěžati* [Kuryłowicz 1968: 236], Lith. *rėžti*, *rėžiu* [SEJL: 512] to **ureh₁g-* ‘brechen, reißen (intr.)’ [LIV²: 698].

⁸ Vaillant discusses further examples [Vaillant 1966: 236–238].

References

- Brugmann 1916 — *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2nd ed., 2/3. Strassburg, 1916.
- Būga 1959 — *Būga K.* Rinktiniai raštai, 2. Vilnius, 1959.
- Dal' — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд., под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртене, I–IV. С.-Петербург–Москва, 1903–1909.
- EDSIL — *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden, 2008.
- Endzelin 1922 — *Endzelin J.* Lettische Grammatik. Riga, 1922.
- ESSJa — *Трубачев О. Н.* (ed.). Этимологический словарь славянских языков. Москва, 1974–.
- Gorbachov 2007 — *Gorbachov Ya.* Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic, and Slavic. Unpublished dissertation, Harvard University, 2007.
- IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern–Munich, 1958.
- Illič-Svityč 1964 — *Иллич-Свитыч В. М.* Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем // *Королюк В. Д.* (ed.). Славянская и балтийская акцентология. (= Академия наук СССР, Институт славяноведения АН СССР. Краткие сообщения, вып. 41). Москва, 1964. С. 18–26.
- Kortlandt 2008 — *Kortlandt F.* Balto-Slavic Phonological Developments. *Baltistica*, 2008, 43/1. P. 5–15.
- Kuiper 1937 — *Kuiper F.* Die indogermanischen Nasalpräsentia. Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse. Amsterdam, 1937.
- Kuryłowicz 1956 — *Kuryłowicz J.* L'Apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- Kuryłowicz 1968 — *Kuryłowicz J.* Indogermanische Grammatik, 2: Akzent. Ablaut. Heidelberg, 1968.
- LEW — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1–2. Heidelberg–Göttingen, 1962–1965.
- LIV² — *Rix H.* (ed.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2nd ed. Wiesbaden, 2001.
- LKŽe — *Naktinienė G.* et al. (eds.) Lietuvių kalbos žodynas I–XX, 1941–2002. Electronic version: www.lkz.lt/startas.htm.
- MEVe — *Mūlenbachs K., Endzelīns J. K.* Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, 1923–1932; electronic version, with PDF page files: www.tezaurs.lv/mev.
- Rasmussen 1999 — *Rasmussen J. E.* Contributions to the understanding of Lithuanian metatony // *Rasmussen J. E.* Selected papers on Indo-European linguistics, part 2. Copenhagen, 1999. P. 541–550.
- SEJL — *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Vilnius, 2007.
- Smoczyński 2003 — *Smoczyński W.* Hiata laryngalny w językach bałto-słowiańskich. Kraków, 2003.
- Vaillant 1966 — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, 3: Le verbe. Paris, 1966.

Vasmer — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева, I–IV. Москва, 1986–1987.

Young 2008 — *Young S.* Winter's Law and Etymologies, with Special Reference to Lithuanian // *Baltistica*, 2008, 43/2. P. 201–218.

Young 2011 — *Young S.* Winter's Law and Baltic Ablaut // *Sukač R.* (ed.). *From Present to Past and Back: Papers on Baltic and Slavic Accentology.* Frankfurt am Main, 2011. P. 237–244.

Steven Young: young@umbc.edu

Dužina u zadnjem (otvorenom) slogu u praslavenskom¹

U ovom članku ćemo govoriti o razvoju izvorno dugih slogova (dakle, *a, *č, *e, *i, *y, *o, *u) u zadnjem (otvorenom) slogu² u praslavenskom. Zajedno ćemo gledati naglašene i nenaglašene (zanaglasne) dužine. Kako ćemo vidjeti, razvoj izvorno dugih slogova u zadnjem (otvorenom) slogu i pod naglaskom (dakle kada je riječ o *~ i *~ u zadnjem slogu) i u nenaglašenim slogovima (dakle, kada je riječ o zanaglasnim dužinama u zadnjem slogu) se razlikuje od odrazâ izvorno dugih slogova u drugim pozicijama (tj. od odrazâ *~ i *~ u neposljednem slogu i od odrazâ zanaglasnih dužina u neposljednem slogovima).

Iako se tradicionalno smatralo da se sve dužine u zadnjem slogu kratak, usp. npr. [Ivšić 1970: 169–170; Carlton 1991: 212], dugih je odraza previše da bi ih se sve objašnjavalo analogijom. Osim toga, već je na prvi pogled primjetljivo da se dužina u najvećem broju slučajeva može vidjeti na onim nastavcima koji su u n. p. *c* bili naglašeni [Дыбо 2000: 37], tj. u dominantnim nastavcima, što neće biti slučajno. Dužina može biti izravno odražena (npr. hrv. dij. na. *mjěstā*, slč. *mestá*), može se vidjeti neizravno po naglasnim promjenama (npr. sln/kajk. *města*, kajk. *sěla*) ili po mjestu naglasaka u n. p. *b* u nekim dijalektima (npr. knjiž. štok. *sěla*).

Kada se govori o dužinama u zadnjem slogu, u najvećem je broju slučajeva tu riječ o imenskim nastavcima u različitim padežima različitim deklinacija. Kod pridjevâ, zamjenicâ i brojeva vidimo ili iste nastavke kao kod imenicâ ili kratke slogove na kraju (npr. G. *kogo, I. *jimь i sl.), kod finitnih glagolskih nastavaka su završeci uglavnom kratki (uz nešto iznimaka koje ćemo razmotriti), a participski nastavci (npr. *dalъ – *dala – *dalo) su često isti kao imenski. Također, gledaju se samo dvosložni i višesložni oblici — u jednosložnima (koji su ionako rijetki) je odraz prozodemâ, čini se, bio kao u neposljednem slogovima, usp. npr. Ščak. *jā – tī* prema psl. *jā³ – *tī⁴. Tu je to posljednji ali i jedini slog.

Dužine u zadnjem slogu mogu biti, kako rekosmo, zanaglasne (nenaglašene) i naglašene. Zanaglasne su uvijek u n. p. *a* (npr. *kōrvā), u

¹ Ovaj članak je prerađeno poglavlje iz knjige [Kapović 2015].

² Praktički svi zadnji slogovi su u psl. bili i otvoreni zbog zakona otvorenih slogova.

³ Usp. [Kapović 2009d] za naglasak zamjenice *ja(zь).

⁴ Usp. također i štok. aoriste poput *čū* < *čū i *bī* < *bī. Čini se da jednosložnih riječi (tipa CV) s *~ nema.

n. p. *c* su ili naglašene (npr. i. *bogỹ) ili nenaglašene (npr. G. *bögā), dok su u n. p. *b* izvorno sve zanasne (npr. *snöpā) a tek sekundarno mogu biti i naglašene (*snopā). Osim toga, dužine u zadnjem slogu mogu biti akutirane ili neakutirane (cirkumfektirane) i dominantne ili recesivne. Imamo, dakle, tri bitne opreke:

- a) akutiranost/ neakutiranost⁵
- b) dominantnost/ recesivnost⁶
- c) naglašenost/ nenaglašenost

One se u zadnjem slogu javljaju u svim kombinacijama, s tim da se u n. p. *c* dominantnost⁷ poklapa s naglašenošću a recesivnost s nenaglašenošću nastavaka (dok su u n. p. *a* nastavci uvijek nenaglašeni), a da recesivni slogovi mogu biti tek sekundarno naglašeni u n. p. *b* nakon pomaka naglasaka udesno.

Prema odrazima koje vidimo u slavenskim jezicima možemo definirati sljedeće opće zakonitosti u razvoju dužine u zadnjem slogu⁸:

a) (–)cirkumfektirana dužina se uvijek krati [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 24] — npr. štok. G. *prǎgǎ* (A), *snöpǎ* (B)⁹, *bōga* (C);

b) (–)akutirana dužina se krati u većini dijalekata (npr. štok. na. *krǎvē* (A), *žēnē* (B), *glǎvē* (C)), osim u nekim ukr. dijalektima¹⁰ i u nekim sttorl. rukopisima;¹¹

⁵ Akutiranost/neakutiranost pojedinih nastavaka se može utvrditi usporedbom s litavskim. Ondje se u naglašenim zadnjim dugim slogovima odrazi (dominantnog) akuta (s *' > ` u zadnjem slogu) jasno razlikuju od odrazâ (dominantnog) cirkumfleksa (tj. ~), npr. *galvā* < *galvā ((+)akut) ali G. *galvōs* ((+)cirkumfleks). I izvorno nenaglašeni slogovi u lit. se razlikuju po akutiranosti tako što akutirani privlače naglasak de Saussureovim zakonom, a cirkumfektirani ne, npr. *blusā* < *blusā < *blūsā ((+)akut s de Saussureovim zakonom) ali G. *blūsos* ((–)cirkumfleks – bez de Saussureova zakona). Detaljnije o pojedinačnim nastavcima u nastavku teksta.

⁶ Kao što je rečeno, dominantni su oni nastavci koji su naglašeni u n. p. *c*.

⁷ Ovdje nam razlika između primarne i sekundarne dominantnosti nije bitna.

⁸ Ovdje iznesena teorija se nadovezuje na hipoteze moskovske akcentološke škole, uspr. [Дыбо 1981: 30–32; Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 31–34; 1993: 22–27; Дыбо 2000: 37–42], ali se od njih u dosta stvari i razlikuje.

⁹ Recesivne se dužine u n. p. *b* zacijelo krata prije pomicanja naglasaka udesno, dakle G. *snöpā > *snöpā > *snopā. Da je dužina postojala još nakon pomaka naglasaka (u nekakvom **snopā), pitanje je bi li se i onda pokratila. Ovako se u *snöpā pokratila još u nenaglašenu položaju, kada i u *pōrgā (a) i *bōgā (c).

¹⁰ Gdje se to vidi morfonološki — tako u na. *žēnỹ, a. *stōlỹ s nepomaknutim naglasakom zbog dužine sloga [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 125].

¹¹ Riječ je o staropirotskom rukopisu *Knjiga carstva* [Дыбо, Замятина, Николаев

c) (+)dužine¹², bilo akutirane bilo cirkumfektirane¹³, daju u dvo-
složnim riječima kraćinu¹⁴ a u trosložnima dužinu¹⁵ — npr. hrv. dij. *drvà*
ali *nebesà* (C), sln. *bila* (A) ali *nosila* (B)¹⁶.

Kao što vidimo, zanemarimo li rijetke dijalektalne odraze zanaglasne
dužine kod (–)akuta, može se reći da dužinu vidimo samo kod domina-
nantnih nastavaka¹⁷ — dakle pod naglaskom u n. p. *c* i u n. p. *a* i *b* u onim
nastavcima koji su u n. p. *c* bili naglašeni. Fonetski je prilično logično da
se dužina čuva u visokim (tj. dominantnim) ali ne i u niskim (tj. reci-
sivnim) dugim slogovima. No kako se tu javlja dosta varijacije što se
tiče dugih odraza (npr. hrv. dij. na. *sèla* i *sèlā*, *zvonà* i *zvonā*, *nebesà* i
nebesā itd.), očito je i u okviru dominantnih naglasaka postojalo još nešto
što je uvjetovalo kratkim ili dugim odrazima. Odgovor na to je — broj
slogova. Pretpostavka je da je do kraćenja dolazilo u dvosložnim oblicima
(npr. na. *bǫrdā – *sèlā > selā – *zvonā), a da se dužina čuvala u troslož-
žicama, vjerojatno i rjeđim višesložnicama¹⁸ (npr. na. *kopýtā – *rešètā –
*nebesā)¹⁹.

1993: 24–25] i starorjužnomoravskom rukopisu [НБКМ 680: 26–27], gdje se
dužina vidi u ortografiji. U slučaju prvog rukopisa je riječ o L. *-ě (o-osn.), gdje
se vidi također i nepomaknut naglasak u n. p. B, npr. G. ꙗꙋѣ̌ ali L. ѡ ꙗꙋѣ̌/ꙗꙋѣ̌.
Tu bi, dakle, bila riječ o nepomicanju naglasaka na sljedeći dugi slog i fakultativno
označenoj zanaglasnoj dužini (*gròbĕ). Javlja se i varijanta ѡ ꙗꙋѣ̌ s, izgleda,
pomaknutim naglaskom. U drugom je rukopisu riječ o označenoj dužini u a. *-y/-ę
(ā-osn.), npr. a. сѣмѣ. Zanimljivo je da se među malobrojnim navedenim primjer-
ima javljaju i dvije ja-osnove (*bura*, *kaplja*). Genitivi jd. poput ꙗꙋѣ̌, koji se
citiraju, nisu ništa posebno (usp. običan štok. G. *bürĕ*). Dužina u akuzativu mn. bi
teoretski mogla biti i analogija prema genitivu jd., koji ima isti nastavke, ali kod
k njih se dužina svakako očekuje.

¹² Nenaglašene u n. p. *a*, nenaglašene pa onda eventualno naglašene u n. p. *b* i na-
glašene u n. p. *c*.

¹³ Pod naglaskom (u n. p. *c*) *~ (akutirana dužina) i *~ (cirkumfektirana dužina).

¹⁴ Tj. (pokraćeni) *~ pod naglaskom u n. p. *c*.

¹⁵ Tj. *~ pod naglaskom u n. p. *c*.

¹⁶ Nije točno Nikolajevljevo poorćenje [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 24] ро-
новљено у [Дыбо 2000: 41] да се крате (–)cirkumfleksi, чува дужина (+)cirkum-
fleksa i (–)akuta te da se »obično« чува i dužina (+)akuta. Recessivni cirkumfleksi
se, kako rekosmo, doista krate, ali se recessivna akutska dužina čuva samo u rijet-
kim dijalektima (i to samo sporadično), a dominantna se dužina čuva ne ovisno o
akutiranosti/cirkumfektiranosti nego o broju slogova.

¹⁷ A tako je svakako u ZJslav.

¹⁸ Na važnost broja slogova, tj. razliku između dvo- i trosložnosti, lucidno ali samo
okvirno upućuje Dibo [Дыбо 2000: 39–40], ne razrađujući hipotezu do kraja.

¹⁹ Tipološki bi se ovakvo kraćenje moglo usporediti s jampskim kraćenjem u ranom

Kako se dolazi do toga da se dužina izvorno čuvala u trosložnim riječima, dok se kratila u dvosložnima? Premda je to zapravo upravo suprotno od onoga što bi se moglo fonetski očekivati²⁰, neki tragovi u slav. jezicima (točnije u ZJslav.) jasno upućuju na to. Kao prvo, to je prisutnost (dvosložnoga) arhaizma *drvà*, koji funkcioniра kao svojevrsni *plurale tantum*²¹ pa zato čuva stari naglasak, u čitavom nizu govora (u posavskim štštok. i čakavskim) koji inače imaju poopćen nastavak *-ã*²². Na opoziciju dvosložnost/trosložnost izravno ukazuju i sln/kajk. razlika tipa *kráva/kràva – otàva* kod imenicâ, sln. *bila – nosila* kod *l*-participâ te još neki primjeri poput bednjanskoga *gršti – pregrêisti* [Jedvaj 1956: 312]. Iako je tu očito riječ samo o neznatnim ostacima starijega sustava, takvo poklapanje zacijelo neće biti tek slučajno.

Na staru opreku po broju slogova upućuje i sama činjenica da kod imenicâ na *-a u jd. ž.r. (*ã*-osnove) skoro uvijek, osim u sln/kajk., nalazimo kraćinu i pomaknut naglasak u n. p. *b*²³ (npr. hrv. dij. *kràvã – ženã – vodã*), dok u mn. sr.r. na *-a (*o*-osnove) u mnogim dijalektima nalazimo dužinu (hrv. dij. *břdã – sělã – polã*), njezine tragove (neocirkumfleksno/neoakutsko duženje u sln/kajk.) i nepomaknut naglasak u n. p. *b* (hrv. dij. *sělã*)²⁴. A sve to iako je tu riječ o povijesno istom nastavku izvorno istoga

latinskom govornom jeziku, gdje se krute riječi s prvim kratkim i drugim dugim otvorenim slogom, usp. npr. [Sihler 1995: 79–80]. Iako uvjeti nisu skroz isti (u latinskom prvi slog mora biti kratak), riječ je, kao i u slavenskom, o kraćenju u zadnjem otvorenom slogu dvosložnih riječi, koje je naknadno uvelike zatrti kasnijim morfološkim analogijama unutar paradigama.

²⁰ Pravilo je s kraćenjem u slav. inače obrnuto — što duže, to kraće.

²¹ Tim više što u jd., uz **drěvo*, postoji i varijanta **děvo*, s drugim prijevojem.

²² Usp. u Posavini [Ivšić 1913/I: 249–253] *drvà* u čitavom nizu govora uz inače poopćeno *-ã* (*polã, nebesã* itd.). Oblik *drvã* je jedini s kraćinom i na Vrgadi [Jurišić 1966: 76] — usp. *polã, vrimenã* itd. Isti se takav obrazac potvrđuje i u drugim govorima, npr. u Preku na Ugljanu (Mislav Benić) — *drvã* ali *imenô, vrimenô*. U Novom [Белѣћ 2000: 158–160] se u opoziciji prema *drvà* dužina javlja samo u mn. n. p. C imenicâ poput *nebesã, vrimenã*. Analogijom prema *drvã* se javlja i jd. *drvô* (to je uobičajeno i drugdje u čak., npr. na Braču), a u n. p. C inače u mn. nalazimo ujednačen jedninski naglasak (*pôla, môra, mësã* itd.). Od dvosložicâ *-ã* ima samo sekundarno *mestã*. Slična je situacija u Orlecu [Houtzagers 1985: 68–69]. Iako autor navodi da su *-ã* i *-ã* ondje varijante (pri čemu je potonja rjeđa), potvrđuje samo *drvã* (i analoško *drvô*) i samo *vremenã* (uz *imenã/imenã* i druge primjere sa sekundarnim C-naglasakom u mn.).

²³ Tj. u n. p. *b* postoji samo naglasak **ženã*, a ne i ***žênã* s dužinom i izostankom pomaka.

²⁴ Do pomicanja neoakutâ udesno u n. p. *b* dolazi možda tek nakon pokrate dužine u određenim uvjetima u zadnjem otvorenom slogu i tek poslije još kasnijeg ujed-

naglaska. U čemu je stvar? To je jednostavna posljedica broja slogova oblikâ koji se javljaju u tim kategorijama. Naime, u N. \bar{a} -osnovâ u n. p. *b* u principu ne postoje trosložne riječi u kojima bi se očekivao dug odraz i nepomaknut naglasak. U n. p. *a* (očekivano *lopâtâ) i n. p. *c* (očekivano *sormotâ) postoje, no svejedno je broj očekivanih oblika s *-â manji pa se može pretpostaviti da je postojala tendencija da se tu ujednači kratko *-â prema izvornim dvosložnim oblicima. S druge strane, u mn. sr.r. *o*-osnovâ se javljalo više oblikâ s očekivanim dugim *-â. Naime, ondje je i u n. p. *b* postojao trosložni tip (*rešêtâ), a, osim toga, u akuzativu (koji je jednak nominativu) su vrlo česte bile kombinacije s prijedlozima (*na_bŕrdâ – *vŕ_sèlâ – *na_zvonâ). U jd. \bar{a} -osn. su postojale samo vezničke kombinacije poput *i_kŕrvâ – *i_žènâ – *i_golvâ (jer nominativ ne može ići s prijedlozima), no one su postojale i u mn. sr.r. (*i_bŕrdâ – *i_sèlâ – *i_zvonâ). Dakle, pobjeda dužine u mnogim dijalektima u množinskom *-a (sr.r.) prema običnom ujednačavanju kračine u jedninskom *-a (ž.r.) se može razumjeti kroz postojanje čestih prijedložnih sveza u mn., a nepostojanje *b*-naglaska u jednini ž.r. Nije teško zamisliti da je u na. sr.r. postojala veća tendencija ujednačavanja dugoga *-â nego u N. ž.r. Kada se pak u jedninskom *-â duljina i čuva u sln/kajk., to je u načelu samo u trosložnicama (sln. *moŕika*) ili u *l*-participima, gdje također prevladavaju trosložni oblici²⁵.

Kada je riječ o kratkom i dugom odrazu u dvo-/trosložnicama u n. p. *c*, dakle kod (dominantnih) naglašanih dužina, tu se zapravo radilo o stapanju staroga *'' i *~ — u dvosložnicama se oba prozodema u zadnjem (otvorenom) slogu stapaju u već zacijelo pokraćenom *''²⁶, a u trosložnicama se oba stapaju u *~ (koji i u neposljednem slogu ostaje uvijek dug)²⁷. Tako, recimo, prema izvornom i. *bogŷ – *govorŷ i na. *poŕâ – *nebesâ

načavanja ili kratke ili duge varijante nastavka (ili različitih analoških kombinacija kratkih i dugih varijanata) u zadnjem otvorenom slogu ovisno o pojedinom dijalektu/jeziku. S druge strane, ne može se isključiti ni mogućnost da su procesi fonetskog kraćenja, analoškog ujednačavanja kračine/dužine u nastavcima i pomicanjâ naglaska išli i uspojedno.

²⁵ Sufiks *-jâ je očito bio poseban slučaj.

²⁶ Pokraćeni *'' u naglašenom slogu je odgovarao kračini u nenaglašenom/zanaglašenom slogu.

²⁷ Takvo se stapanje može usporediti sa stapanjem njihovih odraza i u neposljednem slogovima u češ. (npr. *kráva* = *hráze* ~ hrv. dij. *kràva* ali *gràda*) ili u rus. (npr. *zopóx* = *kopóль* ~ hrv. dij. *gràh* ali *krâŕ*). Osim toga, *~ je bio fonetski uzlazan, kao i sekundarno dominantni akut.

nakon stapanja dobivamo *bogŷ – *poľǎ (s pokraćenim starim akutom²⁸) i *govorŷ – *nebesǎ, nakon čega se onda u različitim dijalektima ujednačavaju kratke ili duge varijante (npr. hrv. dij. i. *zŷbì* i *zubi* i na. *poľǎ* i *poľǎ* itd.)²⁹. Bez pretpostavke takva izvorno različita odraza (kojemu se tragovi vide u odnosu *drvǎ* – *nebesǎ* npr. u Novom Vinodolskom) ne može se razumjeti zašto se u istim nastavcima vide i duge i kratke varijante.

izvorno	nakon kraćenja	nakon dij. ujednačavanja
i. *bogŷ – *govorŷ	i. *bogŷ – na. *poľǎ	i. <i>zŷbì</i> i <i>zubi</i>
na. *poľǎ – *nebesǎ	i. *govorŷ – na. *nebesǎ	na. <i>nebesǎ</i> i <i>nebesǎ</i>

Dakle, kao što smo vidjeli, odraz dominantnih dužina u zadnjem slogu ovisi o broju slogova, pri čemu bitnu ulogu imaju i prijedlozi koji skupa s dvosložnim imenicama čine trosložne oblike:

*kórvǎ (*a*) – *žēnǎ (*b*) – *vodǎ (*c*); *bǝrdǎ (*a*) – *selǎ (*b*) – *zvonǎ (*c*)
 *i_kórvǎ – *lopǎtǎ (*a*); *na_bǝrdǎ – *kopŷtǎ (*a*); *na_selǎ – *rešētǎ³⁰ (*b*);
 *na_zvonǎ – *nebesǎ (*c*)

Iz svega rečenoga proizlazi da su se, zanemarimo li sporadične duge odraze recesivnog akuta u ukrajinskom i u starotorlačkom, dužine u zadnjem otvorenom slogu u slavenskim jezicima odražavale na više-manje isti fonetski način. Kasnije razlike (tipa kratkoga češ. *-a* prema dugom slč. *-ǎ* u mn. sr.r.) su posljedice naknadnih ujednačavanja kračine iz dvosložnih ili dužine iz trosložnih oblika³¹. Takva situacija podsjeća na opće-

²⁸ Takav pokraćeni stari akut imaju zacijelo i dijalekatalne varijante *selǎ – *rešetǎ (uz *selǎ – *rešetǎ u drugim dijalektima) u n. p. *b*. Ovdje jednako pišemo nepokraćeni stari akut (prije stapanja u naglašenom zadnjem slogu) i pokraćeni stari akut (nakon stapanja u naglašenom zadnjem slogu).

²⁹ Diboova primjedba da postoji razlika između odrazǎ staroga *~ , koji su uglavnom dugi, i odrazǎ staroga *~ , koji su rjeđe dugi (a što on tumači različitom fonetskom naravi ovih prozodema) [Дыбо 2000: 39], ne stoji. Dugi ili kratki odrazi ovisе o kasnijem ujednačavanju na osnovi izvornih odraza u dvo-/trosložnim riječima, a ne o izvornom naglasku u pojedinom obliku.

³⁰ Nije sigurno ima li igdje u n. p. *B* dužine (tj. ~) kod pomaknutog naglaska, a da je to pouzdano stara dužina a ne moguć utjecaj n. p. *C*. Čini se da u n. p. *b* dugi nastavci idu s nenaglašenošću, tj. izostankom pomaka naglaska (npr. *na_selǎ), dok pokraćeni nastavci idu s pomicanjem naglaska (npr. *selǎ).

³¹ Tri dijalekatska tipa odrazǎ dužinǎ u zadnjem slogu, o kojima govori MAŠ [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 22–26, Дыбо 2000: 40–43], u principu se mogu svesti na različite tendencije ujednačavanja dužinǎ na različitim područjima.

slavenske uvjete kraćenja prednaglasnih i zanaglasnih unutrašnjih starih dugih slogova, gdje također postoje mnoge zajedničke tendencije.

U nastavku ćemo dati kratak pregled odražâ dužine kod imensko-pridjevsko-zamjениčkih, a onda i nekih glagolskih, nastavaka u pojedinim slav. jezicima — dakako, iz perspektive gore iznesene teorije i s naglaskom na razvoj u štok/čak/kajk.

Imenski oblici

Prvo dajemo popis izvorno dugih recesivnih imenskih nastavaka³², koji, uz već spomenute iznimke, imaju uvijek kratke odraze:

CIRKUMFLEKTIRANI

nastavak	slavenski	n. p. c	litavski ³³	indoeuropski
G. (o-osn.)	*-a	*bõga	-o	*-õd ³⁴
G. (i-osn.)	*-i	*kõsti, *pęti	-iẽs ³⁵	*-eys
D. (o-osn.)	*-u	*bõgu	-ui	*-õy ³⁶
D. (i-osn.)	*-i	*kõsti		*-eyey
L. (o-osn.)	*-ě/-i	*bõžě/ mõži	-iẽ	*-oy
D. (ā-osn.)	*-ě/-i	*võdě/ dūši	-ai	*-eh ₂ ey ³⁷
A. (ā-osn.)	*-q	*võdq ³⁸	-q	*-eh ₂ m ³⁹

³² Usp. [Дыбо 2000: 37].

³³ Neakutiranost lit. nastavaka se očituje po izostanku de Saussureova zakona.

³⁴ Dugi vokal ovdje nastaje kontrakcijom (od *-o-od ili *-o-ed) pa na njemu ne nastaje bsl. akut.

³⁵ Ovaj je nastavak u lit. očuvao izvornu dominantnost, a u slav. je postao sekundarno recesivan, uz ostatke u brojevima i drugdje.

³⁶ Kao i kod *-õd, riječ je o kontrakcijskoj dužini, koja, čini se, ne daje bsl. akut. Ako bi se pretpostavilo da i dugi vokali (a ne samo vokal + laringal) daju bsl. akut, kod kontrakcijskih bi se dužina moglo pretpostaviti da je do stezanja *-ood > *-õd i *-oey > *-õy došlo tek nakon nastanka bsl. akuta pa da ga tu zato nema. U slučaju *-ood bi to dodatno moglo objašnjavati i zašto u lit. imamo -o (< *-ãd < *-aad < *-ood). Vidi i dolje za *-õys u instrumentalu mn. Za bsl. cirkumfleks od kontrakcijske dužine usp. [Дыбо 2000: 38^f].

³⁷ Laringal nestaje između vokala (*-eh₂ey > *-ah₂ay > *-aay > *-ãy) i stoga ne uzrokuje bsl. akut.

³⁸ Stara se dužina vidi u prilogu *zimõsǫ > štok. *zimūs*, gdje je nastavak u unutrašnjem slogu pa se dužina očuvala.

³⁹ Laringal u praie. rano nestaje prije nazala u zadnjem slogu (*-eh₂m > *-ãm) pa nema bsl. akuta.

AKUTIRANI

nastavak	slavenski	n. p. c	litavski ⁴⁰	indoeuropiski
nv. (<i>o</i> -osn., m.r.)	*-i	*bǫzi	pridj. -ì < *-ie < *-óì ⁴¹ , im. -aĩ	pridj. *-oy
a. (<i>o</i> -osn., m.r.)	*-y/-ĕ	*bǫgy/mǫžĕ	-ùs < *-úos	*-ons ⁴²
nav. (<i>ā</i> -osn.)	*-y/-ĕ	*vǫdy/dúšĕ	a. -às < *-ás	*-eh ₂ (n)s ⁴³
a. (<i>i</i> -osn.)	*-i	*kǫsti	-ìs < *-ís	*-ins ⁴⁴
a. (<i>u</i> -osn.)	*-y	*sýny	-ùs < *-ús	*-uns ⁴⁵
NAV. dv. (<i>o</i> -osn., m.r.)	*-a	*bǫga	-ù < *-úo	*-oh ₁
NAV. dv. (<i>ā</i> -osn.)	*-ĕ/-i	*vǫdĕ/dúši	-ì < *-ie	*-eh ₂ ih ₁

Za kračinu usp. štok. G. *bǫgǎ*, GD. *kǫstī*, D. *bǫgŭ*, Sčak. L. *grádĕ*, D. *vǫdĭ*, A. *vǫdŭ*, nv. *zǫbĭ*, a. *zǫbĕ*, nav. *vǫdĕ*, a. *kǫstī*, *dvǎ bǫgǎ* i češ. G. *boha*, GD. *kosti*, D. *bohu*, L. *hradĕ*, D. *ženĕ*, A. *ženu*, nav. *bohy*, nav. *ženy*, a. *kosti*. Za staru dužinu ovih nastavaka usp. štok. *zǫmŭ* < *zǫmǫ prema prilogu *zǫmŭs* < *zǫmǫsǫ < *zǫmǫsǫ (dosl. 'ovu zimu').

Navodimo zatim i izvorno duge dominantne nastavke, usp. [Дубо 2000: 38–39] (u slav. s njihovim izvornim naglaskom prije kraćenja⁴⁶):

CIRKUMFLEKTIRANI

nastavak	slavenski	n. p. c	litavski	indoeuropiski
G. (<i>ā</i> -osn.)	*-y, *-ĕ	*vodŷ, *dušĕ	-ǫs	*-eh ₂ es
G. (<i>u</i> -osn.)	*-u	*synŭ	-aŭs	*-ows
g. (<i>o</i> - i <i>ā</i> -osn.)	*-ǫ/-ǫ	*bogŷ, *vodŷ	-ŭ	*-ǫm ⁴⁷
i. (<i>o</i> - i <i>u</i> -osn.)	*-y/-i	*bogŷ	-aŭs	*-ǫys ⁴⁸
GL. dv. (<i>o</i> - i <i>ā</i> -osn.)	*-u	*bogŭ, *vodŭ (?)	-aŭ (?) ⁴⁹	*-ow
N. (<i>r</i> -osn.)	*-i	*dŷŭ	-ĕ	*-ĕr ⁵⁰

⁴⁰ Akutiranost lit. nastavaka se očituje po djelovanju de Saussureova zakona.

⁴¹ Akut je ovdje zacijelo analogijom prema *-eh₂ (n. sr.r.) i *-oh₁ (N. dv. m.r.).

⁴² Akut u bsl. nastaje vjerojatno analogijom prema *ā*-osnovama (tako poopćeno u svim akuzativima mn.).

⁴³ U ie. samo a. (kao i u lit.), ali u slav. analogijom postaje i nastavak n.

⁴⁴ Akut u bsl. analogijom prema *ā*-osnovama.

⁴⁵ Akut kao i kod *o*- i *i*-osnovâ.

⁴⁶ Izvorne se intonacije u psl., kako rekosmo, mogu rekonstruirati samo vanjskom rekonstrukcijom s litavskim jer se u slav. stari *~ i *~ stapaju ovisno o broju slogova. Stoga prema samim slav. odrazima nikako ne možemo znati je li riječ bila o izvornom *~ ili *~.

⁴⁷ Bsl. cirkumfleks se ovdje očekuje prema kontrakcijskom ie. *-ǫm od *-o-ǫm (*o*-osn.) i *-eh₂-ǫm (*ā*-osn.) ako se pretpostavi da u lat. *-um* ili stir. *-Ø* imamo odraz

AKUTIRANI

nastavak	slavenski	n. p. c	litavski	indoeuropiski
L. (<i>i</i> -osn.)	*-i	*kostī		*-ēy ⁵⁰
L. (<i>u</i> -osn.)	*-u	*synū		*-ōw ⁵¹
L. (<i>ā</i> -osn.)	*-ě	*vodě (?)		*-eh ₂ i ⁵²
N. (<i>ā</i> -osn.)	*-a	*vodā	-ā < *-ǎ	*-eh ₂
n. (sr.f.)	*-a	*poľǎ		*-eh ₂
i. (<i>ā</i> -osn.)	*-ami	*vodāmī	-omīs ⁵³	*-eh ₂ miHs
i. (<i>i</i> -/ <i>u</i> -osn.)	*-mi	*gostьmī, *synьmī	-mīs < *-mīs	*-miHs
DI. dv. (<i>ā</i> -osn.)	*-ama	*vodāmā		*-eh ₂ moh ₁
DI. dv. (<i>i</i> -/ <i>u</i> -osn.)	*-ma	*gostьmǎ, *synьmǎ		*-moh ₁

U nastavku ćemo pogledati odraze dominantnih nastavaka u slav. jezicima i dijalektima.

G. *vodŷ, *dušě

Slavenski u Gnav. ima, ne gledamo li naglasak, isti nastavak: *-y (tvrde osnove), *-ě (meke osnove)⁵⁴. Za razliku od toga, lit. je tu imao

izvornog *-ōm, dok je drugdje (npr. u stind. -ām i grč. -ων) poopćena varijanta sa stezanjem (*-o-om > *-ōm) iz o-osnovā. U svakom slučaju, lit. -ī i psl. *-ī (s duženjem prethodnog sloga i odrazom -ā u štok.) upućuju na dugo *-ōm kao i stind. i grč.

⁴⁸ I ovdje vidimo bsl. cirkumfleks na mjestu ie. kontrakcijske dužine (vidi gore za *-ōd i *-ōy).

⁴⁹ Vidi i [Дубо 2000: 38^F]. S obzirom na ie., ovdje bi se očekivao cirkumfleks.

⁵⁰ Ovdje vidimo, čini se, bsl. akut na mjestu ie. prijevodne nekontrakcijske dužine (*-ēy vjerojatno nastaje starim kompenzatornim duženjem od *-ey-i). To se može uzeti kao pravilno, no onda kao sekundarno treba objašnjavati lit. -uō (npr. vanduō 'voda') < ie. *-ōn, lit. -ē (npr. duktē 'kći') < ie. *-ēr, lit. -āš (npr. nešāš 'noseći') < ie. *-ōn(ts), gdje je također riječ o nekontrakcijskoj prijevodnoj dužini. Nikolajev [Николаев 2012: 46; 2013: 161] cirkumfleks u tim nominativnim oblicima objašnjava metatoniom zbog dominantnoga *-s prisutnog u pretpostavljenom starijem *-ons, *-ers i *-onts, no nije jasna razlika između *-ēy i *-ēr.

⁵¹ Za akut ovdje vrijedi isto što i kod L. na *-ēy.

⁵² Akut se ovdje vjerojatno pravilno očekuje prema ie. Usp. lit. *dīeveris*, latv. *dīvēris* (~ štok. *djěvēr*) < ie. *deh₂iwēr s istim razvojem *-eh₂i-. Akut je teoretski iz L. tipa *vodě mogao analoški prijeći i na L. tipa *synū i *kostī (ako se neće da prijevodne dužine u *-ēy i *-ōw fonetski daju akut).

⁵³ Lit. se naglasak ne slaže sa slavenskim.

⁵⁴ Za razliku od tvrdoga nastavka *-y koji je jednak u svim slav. jezicima i izvodi se

G. *-ōs* (naglašen u n. p. 3/4), nv. *-os* (uvijek nenaglašen) i a. *-ās* (akutiran i naglašen po de Saussureovu zakonu). Litavsko je stanje, sudeći po ie., očito starije. U slav. se, naime, dogodilo sljedeće. Izvorni su bsl. nastavci zacijelo odgovarali litavskima te smo imali G. **-ās*, nv. **-ās*, a. **-āns*⁵⁵. No problem je u slav. bio to što bi G. i nv. **-ās* (koji su se razlikovali samo naglaskom/valencijom⁵⁶) nakon zakona otvorenih slogova u slav. dali **-a*, isto *ōnō* što bismo dobili i od **-ā* u N. jd. Dakle, dobili bismo **kōrva* – G. **kōrva* – n. **kōrva*, koji bi bili isti osim što bi se razlikovali naglaskom (**-a* u N. je bilo visoko i akutirano, u G. visoko i cirkumfektirano, a u nv. nisko i cirkumfektirano). Vjerojatno zbog te činjenice je negdje u doba kada je počeo djelovati zakon otvorenih slogova izvorno **-ās* u nominativu mn. zamijenjeno mlađim **-āns*, što je bio stari nastavak akuzativa množine. Slično ujednačavanje vidimo u nav. **kosti* (*i*-osn. ž.r.), a nav. su otpočetka bili jednaki u sr.r. Analogijom prema mn. je i **-ās* u G., kako je G. već otprije imao isti nastavak kao n. (ne gledajući naglasak), prešlo u **-āns*. No, iako je starije **-ās* bilo zamijenjeno mlađim **-āns*, nastavak je genitiva jd. ipak zadržao svoje naglasne karakteristike⁵⁷. Tako psl. **golvÿ* svojim odrazom (+)cirkumfleksa izravno odgovara lit. G. *galvōs* iako je sâm nastavak inovativan.

Nakon kraćenja u zadnjem slogu dvosložicâ imamo sljedeću situaciju:

**kōrvÿ* – **ot kōrvÿ* – **lopātÿ* (*a*)

**ženÿ* – **ot žènÿ* (*b*)

**vodÿ* – **ot vodÿ* – **polninÿ* (*c*)

od starijega **-ūns* < **-āns*, iza palatalâ **-ēns* daje u Sslav. meki nastavak **-ĕ*, a u Jslav. **-ĕ*. Može biti da se to razvilo iz starijega nastavka **-ĕ* (»nazalnog jata«), glasa koji bi postojao samo na kraju riječi u toj poziciji, pri čemu bi na sjeveru pobijedila jatovska, a na jugu nazalna komponenta. Druga je mogućnost da se staro **-ēns* jednostavno odmah razvilo drugačije u Sslav. i Jslav. te da »nazalni jat« nikada nije bio postojao. U tom slučaju takvo bilježenje treba shvatiti kao formulu.

⁵⁵ Od ie. G. **-eh₂-es*, N. **-eh₂-es* (usp. izostanak akuta tu zbog laringala između vokalâ) i a. **-eh₂-(n)s* (usp. stind. *-ās* i got. *-os* za izostanak očekivanoga **-n*). U bsl. u a. nalazimo **-n*- i laringal (koji se onda analogijom prenosi i u druge deklinacije — u **-o-ns*, **-i-ns* i **-u-ns*).

⁵⁶ G. **-ās*, nv. **-ās*.

⁵⁷ To da naglasak može ostati isti unatoč promjeni nastavka nije toliko neobično kako može izgledati na prvi pogled. Usp. npr. štok/čak. dij. *-ōm* u I. *ā*-osnovâ (*ženōm*, *vodōm*) koje nastaje od starijega *-ōv* (*ženōv*, *vodōv* — potvrđenoga u starijim tekstovima i nekim čak. govorima u okolici Zadra) < **-oū* < **-ojō* (n. p. c) analogijom prema nastavku *-om* < **-omъ* u I. *o*-osnovâ. Iako se preuzima *-m* iz drugoga oblika, naglasak ostaje isti te se i dalje razlikuje *sestrōm* ali *popōm* (B — u govorima bez predsonantskog duženja) i *vodōm* ali *brōdom* (C).

Takva se kombinacija dugih i kratkih varijanata ujednačava na različite načine u različitim dijalektima. U svim pozicijama postoje odrazi svih varijanata osim što oblik *ot_žen̄y (usp. na. *rešētā) u potpunosti nestaje i potiskuje ga *-y analogijom prema n. p. c⁵⁸. U štok. su se poopćili uvijek dugi nastavci te dobivamo stštok. *vodē* (> *vòdē*), *ženē* te *krāvē*. U sln/kajk. je u n. p. C (analogijom i u n. p. B) također poopćena dužina (kajk. *vodē*, *ženē*, sln. st. *vodē*, *ženē*⁵⁹) ali ne i u n. p. A, gdje je poopćena kraćina (kajk. *krāve*, sln. *krāve*). S ujednačavanjem dugog nastavka -ē ide i pokrata osnove (*glāvē* prema *glāvā*).

U čakavštini je najraznolikija situacija⁶⁰. Ondje u dijelu govora nalazimo isto što i u štok., usp. npr. na Vrgadi *kūcē* (A), *ženē* (B), *vodē* (C) [Jurišić 1966: 77], u Novom *krāvē* (A), *ženē* (B), *gorē* (C) [Белић 2000: 160, 162] ili na Grobniku *kūcē* (A), *Lūkē* (B), *vodē* (C) [Lukežić, Zubčić 2007]⁶¹. U Ščak., gdje često prevladava (u potpunosti ili uglavnom), stari tvrdi nastavak -i (od *-y), za razliku od većine ostalog ZJslav. područja, obično nalazimo ujednačeno kratko -ī (prema izvornim dvo-složnim oblicima tipa *vodý, *kōrvý)⁶². No u trsatsko-bakarskim govorima [Vranić 2005: 231] nailazimo i na, što je rjeđe, odraze *-ȳ (iz izvornih trosložnih oblika) — G. *sestrī*, *ženī*, *vodī*. U Omišlju na Krku [Vermeer 1982: 330^f, 1984: 278] pak nalazimo kratko -e i pod naglaskom i bez njega — G. *kūcē* i *zemjē*. Na Kastvu [Jardas 1957: 14, 301, 340, 385, 403], gdje se razlikuju stari tvrdi i meki nastavak u G., nalazimo uvijek kratko -ī/-ī (*gorī*, *z_vodī̄*, *zorī*, *glāvī̄*, *črēđī̄*; *z_būkvī̄*, *od_smōlī̄*) ali uvijek

⁵⁸ Neoakut bi u n. p. *b* mogao nastajati i fonetski pomakom *ot_žen̄y > *ot_žen̄ȳ, no u štok., recimo, vidimo *ženē* ali g. *nōgū*, što bi upućivalo na to da je u tipu *ženē* (B) ipak riječ o analogiji prema tipu *vodē* (C).

⁵⁹ Varijanta *vodē* u sln. [Toporišić 2004: 293] je sekundarna i nastaje analogijom prema A. *vodō* < *vōdō itd. [Šekli 2006: 147].

⁶⁰ Slična se neujednačenost u čak., za razliku od kajk. i, u manjoj mjeri, štok., javlja i kod dužine -a u mn. sr.r. i kod pomicanja naglasaka u n. p. *b*. To su samo neki pokazatelji koji upućuju na izrazitu neprikladnost naziva »čakavski« u genetsko-povijesnom smislu.

⁶¹ U Selcima (grada Nataše Šprljan) je *gorē* ali *krāvē* zasigurno posljedica sekundarnog fonetskog kraćenja dužine u zadnjem otvorenom slogu (usp. *rēkā* itd.). Tako je vjerojatno i u Donjem Selu na Šolti, gdje Hraste ne bilježi dužinu u G. n. p. A (*bābē* ali *vodē*), a gdje se zanaglasna dužina ne čuva dosljedno [Hraste 1948: 132, 148].

⁶² Usp. npr. G. *ženī* (B), *gorī* (C) u Orlecu [Houtzagers 1985: 55–56] (govor nema zanaglasnih dužina) ili u Orbanicama [Kalsbeek 1998: 78, 110] G. *ženī* (B), *brādī* (C). Uz poopćen kratki naglasak ide, naravno, i duga osnova — dakle G. *glāvī* na čak. sjeveru prema G. *glāvē* drugdje.

dugo *-ē* (*prez_kùcē, s_kùcicē, kùšćericē, devicē* itd.). Tu opet vidimo tendenciju da se kod **-y* poopći kračina a kod **-ę* dužina. Zanimljivi su podaci sa Suska [Hamm, Hraste, Guberina 1956: 110–111]: tamo se navode i kratke i duge oblike u G. kod svih imenica — *ženē, žen'ē* i *žen'ē* itd. Međutim, Vermeer u svojim podacima sa Suska [Vermeer 1979] kaže da distribucija ovih nastavaka na Susku nije slobodna nego leksički uvjetovana te da se čini da se u n. p. C javlja dužina (G. *vod'ē, dic'ē*) a u n. p. B kračina (G. *sestrē, kozē, trovē, mükē* te sekundarno *starinē, živinē*)⁶³. Takva bi distribucija mogla biti povezana s činjenicom da smo u n. p. B izvorno imali pokraćeno **ženŷ* i možda nigdje posvjedočeno **ot_žēnŷ* (s nepomaknutim naglaskom), dok trosložnih imenica uopće nije bilo. Stoga ne bi bilo nelogično da se tu na Susku odrazi kratko **ženŷ* u n. p. B, a da se u n. p. C odrazi neoakut prema prijedložnim svezama tipa **ot_vodŷ* i čestim trosložnim imenicama tipa **polninŷ*. Osim već navedenih, sasvim je moguće da bi se u kojem drugom (ponajprije čakavskom) govoru mogla naći i još kakva drugačija kombinacija, a u svakom slučaju ovolika raznolikost upućuje na izvorno javljanje i dužine i kračine ovisno o određenim uvjetima. Što se tiče Zslav., spomenimo tu kratko češ/slč. G. *riby, ženy, duše* (prema izvornim dvosložnim odrazima).

Genitivni nastavak u ZJslav.

štokavski		kajkavski/slovenski		čakavski		
<i>-ē</i>	<i>*-ē</i>	<i>-ē</i>	<i>-ě</i>	<i>-i</i>	<i>-i</i>	<i>-ē</i>
<i>-ě</i>	<i>-ě</i>	<i>-ē</i>	<i>-ě</i>	<i>-ě/-ē</i>	<i>-ĩ -ĩ</i>	<i>-ĩ/-i</i>

G. **synŷ*

Prema lit. *sūnaŷs* bismo i u slav. u n. p. *c* očekivali G. **synŷ* s dočetnim naglaskom⁶⁴, no nije sigurno je li takav naglasak doista gdje i odražen⁶⁵. Dužina je toga nastavka ipak posvjedočena u Islav. oblicima

⁶³ Vermeer to pogrešno uspoređuje s bednjanskim [Jedvaj 1956: 300] G. *žanā – storešēinā*. U *žanā* imamo uobičajen nastavak **-ē* i izostanak kanovačkog duženja ispred dužine, dok u *storešēinā* vidimo zacijelo kraćenje **-ē* iza prednaglasne dužine, inače uobičajeno u više kajk. i čak. govora.

⁶⁴ Usp. npr. [Stang 1957: 80–81; Дыбо 2000: 57], koji ostavljaju mogućnost rekonstrukcije dočetnog naglaska u G. na **-u*. Ista je situacija i s G. *i*-osnova, no ovdje ga ne razmatramo jer se kod toga **-i* nigdje ne vide tragovi duljine u slav.

⁶⁵ Srbug. građa [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 175–176; 1993: 29] upućuje na ortotonički oblik s naglaskom na prvom slogu. Tu bi se mogla razmatrati i mogućnost Nikolajevljeve metatonije. Zanimljivo je da je tu opet riječ o izvorno kratkom dvoglasu (G. **-ows*) kao u GL. dv. (**-ow*), gdje također vidimo meta-

poput G. *dvóru* uz *dvorá* (B), gdje izostaje pomak naglaska na dužinu (*dvōrū ali *dvorà). U štok/čak/kajk. nastavak *-u* u potpunosti nestaje, a u sln. u primjerima kao *gradū*, gdje se još čuva stari nastavak kao varijanta, u n. p. C nalazimo odraz čeonoga naglaska. Kratka je varijanta ujednačena i u češ/slč. — usp. G. *hradu*. Odraz dugoga *-ū se u genitivu jd. pak javlja u slovinskom⁶⁶.

g. *bogŃ, *vodŃ

Zanimljivo je da ie. *-ōm daje *-Ń u g. (kao i *-ōm > *-Ń u A. *o*-osn. i 1. l. jd. aor.), dok ie. *-oh₂-m daje *-q (u 1. l. jd. prez.) a *-eh₂m također *-q (u A. *ā*-osn.). Takav bi vokalski razvoj prije govorio u prilog kratkom *-Ń u genitivu mn., koje bi se izvodilo iz ie. varijante *-ōm (no treba primijetiti da je dodavanje *-m u 1. l. jd. prez. u slav. vrlo kasno, usp. lit. *-ū*), ali to ne bi odgovaralo lit. *-ū*, niti bi moglo objasniti slav. dij. *kōŃvŃ, *žēŃŃ, *vodŃ i dij. štok. *-ā* (što izgleda kao izravna vokalizacija pretpostavljenoga *-Ń). Unatoč tome što dūžī prethodni vokal u nekim slav. dijalektima, ovaj dugi poluglas u Zslav. i Islav. nestaje kao i bilo koji drugi dočetni jer. To vrijedi i za čak/kajk. u ZJslav. Međutim, u štok. i nekim sln. dijalektima (i knjiž. sln.) nalazimo u g. i odraze koji izgledaju kao izravni odrazi naglašenoga *-Ń — štok. dij. *-ā*, knjiž. sln. *-á*. Usp. tako u Posavini [Ivšić 1913/II: 26] *vōdā* uz *vōd* (od starijeg *vōdā* se izvodi i nštok. *vōdā*), a u knjiž. sln. g. *gorá* uz *gōr* itd. u n. p. C.

Pitanje je može li štok. *-ā* i sln. *-á* biti izvorni odraz naglašenoga *-Ń u n. p. *c*?⁶⁷ Razmotrit ćemo neke moguće argumente za i protiv, krećući od onih za. Kao prvo, *-ā* u štok. i *-á* u sln. je upravo ono što bi se očekivalo od *-Ń⁶⁸, a dugo *-Ń moramo rekonstruirati i iz drugih razloga (usp. ie. *-ōm, lit. *-ū* i dijalektalno duženje osnove u slav.). Također, iako ima i takvih objašnjenja⁶⁹, nastavak *-ā* nije lako sekundarno objasniti, tim više

toniju (štok. *nōgū*).

⁶⁶ Za duge imenske nastavke u slovinskom vidi npr. [Stankiewicz 1993: 298–299].

⁶⁷ U *žēŃŃ > *žēŃŃ (*b*) se naglasak nije pomicao na sljedeći slog.

⁶⁸ U štok. se zna da ovo *-ā* nastaje od starijega šva jer u nekim crnogorskim dijalektima nalazimo tu *-ēh* (tamo gdje na mjestu šva nalazimo otvoreno *e*). Ivić [Brozović, Ivić 1988: 24] napominje da se nastavak *-a* u štok. tekstovima počinje javljati krajem 14. i početkom 15. stoljeća, upravo u doba prelaska poluglasa u *a*, dok se u strp. ćirilničnim spomenicima 14. st. često pisalo *-bb*, što je zacijelo stajalo za *-Ń. Dakako, teoretski bi dugo *-Ń (pisano ćirilicom kao *-bb*) moglo imati i kakvo drugo porijeklo, ali to bi, u svjetlu drugih argumenata za *-Ń, bilo jako neobično.

⁶⁹ Usp. [Kapović 2010b: 104–105]. To što se u crnogorskim štok. govorima javlja

što se ne javlja samo u štok. nego i u sln., a zajednička je inovacija tu praktički nemoguća⁷⁰. Dugo *-ã* se javlja samo u *o*-/*ã*-osn. (u ie. *-õm stezanjem od *-o-om i *-eh₂-om), u *i*-osn. je samo kratko *-ьj-ь (tj. odrazi poput hrv. dij. -ĩ, sln. -í a ne nekakvo **-ĩjã ili sl.) — što bi moglo (unatoč lit. -iũ) biti od ie. *-ey-om s očekivanim kratkim *-om (posavsko -õvã < *-ovъ može biti i sekundarno prema *o*-osnovama nakon miješanja genitivã *o*- i *u*-osnovã), a kratko je, čini se, i zamjeničko *-хъ od ie. *-som (ipak usp. dij. štok. *nĩhã* u BiH).

Što se tiče argumenata protiv *-ã* kao arhaizma, na prvi je pogled uvjerljiv argument da se nastavak *-ã* javlja upravo u inače prozodijski i deklinacijski najinovativnijim nštok. govorima, dok se nulti nastavak javlja u čak/kajk., u stštok. te u arhaičnim ostacima i u nštok. (kao i u svim drugim slav. jezicima). Ali to može biti i slučajno — nastavak *-ã* je izvorno mogao nastati samo u nekim štok. govorima u nekim pozicijama pa se tek naknadno proširiti (kao inovacija). To što se nešto kasnije širilo kao inovacija ne znači da porijeklom nije odraz nekog starijeg elementa u jeziku⁷¹. Nije, dakle, nimalo nemoguće da bi u nštok. tek naknadno prevladao nastavak *-ã*, koji bi tako slučajno postao obilježje inovativnijih govora iako bi sâm nastavak izvorno bio jednako arhaičan kao i nulti nastavak. Razumno izgleda pretpostavka da je u štok. (i sln.) *-ř u određenim uvjetima (u trosložnim riječima pod naglaskom) davalo *-ã (a inače -Ø)⁷², dok je drugdje (u dijelu stštok., čak. i kajk.) *-ř, kao i u Zslav. i Islav., nestajalo bez traga kao i svi drugi (kratki) poluglasi na kraju riječi. Moglo bi se, naravno, teoretski pretpostaviti i da se i u čak. i kajk. izvorno

varijanta *-ãh*, tj. *-ěh* (i različiti odrazi toga nastavka), ne znači ništa — ona vrlo lako može biti sekundarna prema pridjevskom nastavku *-ih* (preuzimanje pridjevskog nastavka kod imenicã možemo npr., usporedbe radi, vidjeti i u više čak. i kajk. govorã). Također, treba napomenuti i to da je npr. u Dubrovniku posvjedočeno samo *-ã* u g. (bez dočetnoga *-h*) iako se ondje glas *h* inače uvijek čuva, što bi upućivalo na to da u tom nastavku izvorno glasa *h* nije bilo.

⁷⁰ Naravno, teoretski nije nemoguća zasebna sln. inovacija — usp. [Stankiewicz 1978: 679–680] (također [Kapović 2010b: 103^F]).

⁷¹ Tako se npr. u Jslav. naknadno kao inovacija širio nastavak *-m* < *-mъ na štetu odrazã staroga nastavka *-q (npr. štok. *budem* umj. starijeg *budu*, *velim* umj. starijeg *veľu* itd.) iako su oba nastavka ie. porijekla.

⁷² Da i -Ø i *-ã* nastaju od *-ř u različitim (ali nepoznatim) uvjetima pa da se onda *-ã* u štok. širi nauštrb prve varijante pretpostavljaju i Ivić [Brozović, Ivić 1988: 24] i Matasović [Matasović 2008: 186]. Matasović na temelju najstarijih potvrda nagada da se *-ã* možda isprva javljalo samo u n. p. B i C (to nije potpuno u neskladu ni s tezom koja se ovdje iznosi pretpostavi li se rano ujednačavanje n. p. B prema C).

javljalo i *-ã, ali da ga je rano nestalo.

Što bi se uopće izvorno tu moglo očekivati u skladu s našim općim pretpostavkama o odrazu dužinã u zadnjem slogu? Možemo pretpostaviti sljedeću početnu shemu za (dio) ZJslav.:

*krãv (A)⁷³ – *žẽn (B)⁷⁴ – *võd⁷⁵ – *iz_võdã/planinã^{76, 77} (C)

Alternativno za neke dijalekte (ćak. i kajk.) možemo pretpostaviti, dapače to je prilično izgledno, da je *-ř nestao kao i bilo koji drugi doćetni slabi poluglas (kao što se dogodilo u Sslav.). S druge strane, od gore je pak pretpostavljenog sustava lako dobiti kasniji knjiž. sln. i nštok. sustav. U knjiž. sln. je iz izvornih trosložnih oblika nastavak -ã (kao u *gorã*)⁷⁸ opstao fakultativno kod n. p. C, a u štok. je u većini govora takvo -ã poopćeno naknadno kao općeniti nastavak u svim oblicima – nenagla-

⁷³ S otpadanjem doćetnog dugog nenaglašenog poluglasa — to nije samo neutemeljena pretpostavka nego se za štok. može i dokazati. Da je -ã sekundarno u oblicima tipa *lõpãtã* se vidi po tome što je tu za retrakciju neocirkumfleksa u *lopãt > *lõpãt nužno da taj neocirkumfleks bude u zadnjem slogu. Da je tu od početka bilo **lopãtã, neocirkumfleks ne bi bio povućen. Pretpostavka je da je do duženja osnove u n. p. a, b i c zbog dugoga poluglasa došlo prije početka kraćenja svih zadnjih otvorenih slogova u dvosložnim rijećima.

⁷⁴ S nepomicanjem naglasaka na doćetni poluglas (usp. i *sẽlã* u mnogim govorima, gdje pomicanja nema ćak ni na puni dugi slog) i onda s otpadanjem doćetnog dugog nenaglašenog poluglasa.

⁷⁵ S kraćenjem *võdř > *võdř (s pokraćenim starim akutom) u dvosložici (nakon duženja osnove *vodř > *võdř) i onda s pomakom naglasaka s pokraćenog (= kratkog) poluglasa po Ivšićevu pravilu.

⁷⁶ S ćuvanjem dužine u trosložnim oblicima. Ispred toga *-ã bi osnova bila izvorno očekivano pokraćena.

⁷⁷ Pitanje je kako se u g. ponašao središnji jer u rijećima tipa *jьgьlã, *metьlã (c), gdje je bio ispred drugog jera (što je inaće jaki položaj). No tu je završni jer bio dug i naglašen i očekivala bi se vokalizacija (kao u *planinã). Ako bi se oba fonetski vokalizirala, dobili bismo *igãlã (kao *iz_võdã/planinã). Druga je opcija da se u rijećima kao *metьlã poluglas nije računao kao 3. slog (usp. kao donekle usporedive fenomene za *gũmьnõ i *õtьčũxь koji se ponašaju kao *vĩnõ i *kõrãkь) i da su se one ponašale kao dvosložne rijeći tipa *vodã. Onda se *jьgьlř ne bi ponašalo kao trosložno *polninř nego kao dvosložno *vodř pa bismo dobili *igã (s otpadanjem završnog skraćenog jera i retrakcijom naglasaka na produženi izvorno središnji jer). Onda bi *igãlã* poopćilo -ã prema *iz_võdã/iz_võdã* i sl. Analogijom prema tipu *igãlã* (dij. *igãl*), *metãlã* nastaje i tip *dasãkã* (dij. *dasãk*, *dasãkã*), gdje izvorno nije bilo poluglasa (*ďskã) i gdje bi se očekivalo **dãs(ã)k (bez duljenja prvog sloga) — **iz_dãskã (kao *iz_võdã). U štok. se može naći i naglasak kao *dãsãkã*, no pitanje je može li to igdje biti staro.

⁷⁸ Varijantni g. *gorã* u sln. [Toporišić 2004: 293] nastaje analogijom prema na. *vodẽ* < *võdy.

šeno *-ā* se uzima u n. p. A, u n. p. C pobjeđuje naglasak trosložnih oblika (*vōdā* prema *iz vōdā*), a onda se takav naglasak ujednačava i u n. p. B (*žēnā* umj. *žēn*). Dužina osnove u štok. *vōdā* > *vōdā*, *glāvā* > *glāvā* pak postaje miješanjem izvornoga **vōd*, **glāv* i **iz vōdā*, **iz glāvā*, gdje bi se pred neoakutom očekivalo kraćenje. Na kraju se može zaključiti da pretpostavka da je štok. *-ā* arhaizam izgleda dosta uvjerljivo, no tu bi svakako trebalo izvršiti detaljnije terensko i povijesno-filološko istraživanje na starim tekstovima.

i. **bogŷ*

U instrumentalu mn. za psl. treba, prije kraćenja nastavka, prema lit. *-aĩs* rekonstruirati (+) cirkumfleks (**bogŷ* – **korakŷ* – **vermenŷ* itd.). Nakon kraćenja u dvosložnim riječima, očekuje se:

**gādŷ* – **sʙgādŷ* – **jezŷkŷ* (*a*)

**volŷ* – **sʙvolŷ* – **životŷ* (*b*)

**bogŷ* – **sʙbogŷ* – **korakŷ* (*c*)

U instrumentalu mn. nalazimo i duge i kratke odraze, ovisno o tome koja se varijanta gdje ujednačila. Usp. u Posavini [Ivšić 1913/I: 231–232, 241] uvijek ujednačenu dužinu — *s_kōnĩ* (B), *sa_zubĩ*, *nebesĩ* (C)⁷⁹ itd. Kratko *-i*, koje vidimo u nštok. u arhaičnim ostacima (gdje dolazi do miješanja staroga lokativa i instrumentalna), kao što je Iherc. l. *pò_pleći* [Ивић 2001: 181], zacijelo je instrumentalnoga porijekla jer to ne može biti od lokativnoga **-iñ*⁸⁰. U sln/kajk. vidimo neocirkumfleks u n. p. A (*prāgi*), a u kajk. i neoakut u n. p. B (*stōli*), koji upućuju na poopćeno nenaglašeno dugo **-ȳ*. Što se tiče n. p. C, usp. knjiž. sln. *bogí*, *darí* te slične oblike u južnim kajk. govorima⁸¹. Dakle, u sln/kajk. je u svim oblicima poopćena dužina. Što se tiče čak., nastavak *-ĩ* je ondje (oskudno) posvjedočen u južnijim govorima — usp. na Rabu [Kušar 1894: 31] i. *zubĩ*, kod Kašića [Kašić 1604: 27] i. *golubĩ*. Usp. još kod Križanića [Križanić 1984: 69] *Zubĩ*. Na čak. sjeveru nalazimo i poopćenu dugu vari-

⁷⁹ Ipak, Ivšić ima zabilježeno jednom i (*na*) *nebesi* s kratkim nastavkom.

⁸⁰ Dijalektalni nštok. oblici tipa dlj. *zùbĩn* (npr. u Prapatnicama) mogu odražavati i stari i. **zùbĩ* i stari l. **zùbĩh* (gdje se u zatvorenom slogu uvijek čuva dužina) pa nisu relevantni. Isto je i s takvim nastavkom (*-ĩn*) u čakavskom kao i s nštok. oblicima poput *nà_konĩ*.

⁸¹ Usp. u Turopolju [Šojat 1982: 391] *z_vragĩ*, *z_možĩ*, u Prodin Dolu li. *vozĩ* [Rožić 1893-4/I: 102], *z_drvĩ* [Rožić 2002: 9], u Ozlju [Težak 1981: 255] li. *plotĩ*. No tu treba upozoriti i na miješanje s lokativom.

jantu, npr. u Matuljima (moji podaci) *z_gādī* (A), *stōlī*, *kjūčī*, *sēlī* (B) (stari C-naglasak je nestao), no češće je, čini se, ujednačena kračina (iz starih dvosložnih oblika) — usp. u Omišlju i. *vōlī* [Vermeer 1980: 440]⁸², i. *kōñī* [Vermeer 1984: 278], *ž_zūbī* [id.: 280^F]⁸³. Za kračinu u n. p. C usp. još i. *rozī* u Orlecu [Houtzagers 1985]. Kračinu u n. p. A i B vidimo još u Novom [Белић 2000: 151, 154] i. *čāsī*, *susēdī* (A), *krovī/krōvi*, *brēstī/brēsti* (B) i Grobniku [Lukežić, Zubčić 2007: 83–84] i. *sēli/selī*, *krīli/krīlī* (u n. p. C se izvorni dočetni naglasak izgubio u oba govora). Što se pak tiče Zslav., ujednačenu kračinu nalazimo u knjiž. češ. i. *hrady*, ali dužina se javlja u češ./slč. dij. -ý [Trávníček 1935: 249] te u slv. -ī.

GL. dv. *bogū, *vodū (?)

U GL. dvojine n. p. *c* bi se mogao rekonstruirati dočetni naglasak, no nštok. bi *nōgū* – *rūkū* ukazivalo na izvorno **nōgu* – **rōku* s Nikolajevljevom metatonijom, poopcenjem dužine iz trosložnih prijedložnih kombinacija i različitim pomakom naglasaka ovisno o dužini osnove kao u nštok. *sēla* – *vīna*. U knjiž. štok. se javlja još i *slūgū/slūgū*, a u dijalektima ima više primjerâ — usp. još u Visokom i Varešu [Rešetar 2010: 227] *vrātū* i u Posavini [Ivšić 1913/II: 16] *pětū* (s analoškim naglaskom prema *nōgū*, kao i *rūkū*). U nštok. se, čini se, uvijek javlja dugo -ū, prema izvornim prijedložnim svezama kao *od_nōgū*, dok u Posavini [Ivšić 1913/I: 243, 254] u s.r. uz *s_vrātū*, *krīlū*, *jājū* (prema izvornim višesložnim prijedložnim svezama) nalazimo i *s_vrātū*, *od_vrātū*, *na_vrātu*, *s_lēđū* (prema izvornim dvosložnim oblicima). Odras dugog *-ū se javlja i u slovinskom, a za dug odraz u češ. usp. g. *nohou*, *rukou*.

*dъtī

Prema lit. bi se *duktē* očekivalo izvorno slav. **dъtī* prije kraćenja. Kako je riječ o dvosložnom obliku, tu bi se očekivalo kraćenje, koje se vjerojatno vidi u dijalektalnim oblicima *čī* u crnogorskom govoru Gorane [FO: 532] i *kčī* u Dubašnici na Krku [SMŠF: 441]. Većina drugih dijalekata ima *kčī* < **dъtī* analogijom prema padežima s izvornim čeonim naglaskom.

⁸² Ovaj oblik zacijelo ima sekundarnu kračinu analogijom prema n. p. C, usp. na *voľi* od kojega se razlikuje po mjestu naglasaka, što je moguće samo ako je u i. izvorno bila dužina (usp. i omišaljski sekundarni g. *vōlī*, gdje dužina nije prema čemu imala biti analoški uklonjena).

⁸³ Usp. očekivano čuvanje dužine osnove u *zūbī* u jednim govorima prema očekivanom kraćenju u *zūbī* u drugima.

L. *kostí

Na akut u L. *i*-osnovâ upućuje lit. infinitivni nastavak⁸⁴ *-ti* (sekundarno uvijek nenaglašen), čiji vokalizam (*-i*), čini se, upućuje na staro **-tie* > **-ti* s kraćenjem po Leskienovu zakonu. U slav. dijalektima se u lokativu javljaju i dugi i kratki odrazi. U štok/čak. u skoro svim govorima nalazimo kraćinu, usp. knjiž. štok. L. *smřtī* (A), *kōsti* (C) te dij. štok/čak. *kosŕi*. Jedinu iznimku u štok. nalazimo u nekim stštok. slavonskim govorima — usp. u Bizovcu u Podravini [Klaić 2007: 81] u *bolesŕi*, u Šaptinovcu [Ivšić 1907: 136–137] L. *cevī*, *kosŕi*, *bolesŕi* itd. (Ivšić u govoru ne bilježi neoakut) i u Podvinju u Posavini [Ivšić 1913/II: 24] L. (*na*)*pečŕ*. Tu je zacijelo riječ o još jednoj kajkavsko-slavonskoj izoglosi⁸⁵. Što se tiče sln/kajk., ondje je dužina dobro posvjedočena u n. p. A, gdje u L. nalazimo neocirkumfleks (*rŕiti*), a, za razliku od sln. (usp. knjiž. sln. L. *kōsti*, *česŕi*), u kajk. je u južnim govorima i Podravini dobro potvrđena i naglašena duljina u n. p. C, tj. oblici poput L. *kosŕi* < **kosti*⁸⁶. U drugim kajk. govorima nalazimo L. tipa *kosŕ*⁸⁷, kao u knjiž. sln., svim čak. i većini štok. govora, dok se u nekim kajk. govorima trag starog **-i*, čini se, može vidjeti posredno. Usp. u G. Konjščini [Gudek 2013: 62] L. *na_kuōsti* (prema *kuōst* – G. *kōsti*), gdje je dužina (staro **kōsti* gdje je **ō* diftongiralo) analoška prema tipu *v_rĭĕči* < **rĕči* gdje vidimo, čini se, Ivšićevu re-

⁸⁴ Bsl. infinitivni nastavak se izvodi od ie. **-tēy*, tj. od lokativa jd. imenicâ na **-tis*. Dakle, slav. L. **moŕi* od **mōŕь* je istovjetan infinitivu **moŕi* (usp. štok. L. *mōci* = inf. *mōci*).

⁸⁵ Ovo je jedini takav primjer koji Ivšić bilježi za Posavinu, inače tu nalazimo kratko *-i* [Ivšić 1913/II: 24–25]. Za kratko *-i* usp. npr. i L. *svŕstŕ* itd. u Orubici [Kapović 2010c: 27].

⁸⁶ Usp. u Prodin Dolu [Rožić 2002] *po_niči* [id.: 3, 18, 24, 32, 34, 222, 282], *v_jesenŕ* [id.: 42, 100–102, 110 itd.], *v_pečŕ* [id.: 77], *po_kisŕi* ‘po_kōsti’ [id.: 85], *v_kisŕi* [id.: 239]. Za izostanak takvih oblika u [Rožić 1893–4] usp. Ivšićev [Ivšić 1936: 59^(F)] komentar. U Ozlju [Težak 1981: 262] imamo L. *misŕi*, *na_spoviđi*, *na_pameŕi*, u Tuškanima (Matija Mužek — usmeno) *po_noči*, u Samoboru [Ivšić 1936: 71] *f_pečŕ*, u V. Rakovici [March 1981: 261–262] L. *noči*, *reči*, *jesenŕ*, u Virju [Fancev 1907: 360] L. *pečŕ*, *noči*, a u Vedešinu i Umoku [Houtzagers 2013a: 159] *noči*. Ni u jednom od tih govora se na kraju riječi ne može javiti neoakut (što je često u kajk.) pa nam oni ne govore ništa o izvornoj intonaciji kod toga nastavka. U Turropolju [Šojat 1982: 397–398], gdje također nema neoakuta na kraju riječi, je posvjedočen L. *v_mladostŕi*, *po_noči*, *na_pečŕ*, *v_jesenŕ* itd., a izvorni se neoakut vidi u enklizi: *f_pečŕ_mi* [id.: 382].

⁸⁷ Usp. L. *rĭĕči* u Bednji [Jedvaj 1956: 303] i L. *pĕčŕ* u G. Veterničkom [Jembrih, Lončarić 1982: 37].

trakciju⁸⁸ — usp. i L. *v nřōsu* s analoškom dužinom (i Ivšićevom retrakcijom) prema *v grādu*. No taj se rekonstruirani *-ī ne slaže s turopoljsko-slavonskim očekivanim -ī iako se slaže s također nejasnim *-ū u L. starih *u*-osnova. Što se tiče Zslav., kračinu vidimo u češ/slč. (L. *kostī*), ali dužinu u slv. -ī⁸⁹.

Lokativno je *kostī, gdje je, osim u kajk. i kaš., skoro svugdje prevladala kračina (prema izvornim dvosložnim oblicima), zgodno usporediti sa stštok/čak/kajk. g. *kostī*, knjiž. sln. *kostī*, češ/slč. *kostī*, gdje svugdje vidimo dužinu. Jasno je i o čemu je riječ. U genitivu mn. je riječ o kontrakcijskoj dužini (*-ī < *-ījǫ), koja se čuva u svim dijalektima u svim pozicijama (bez obzira na broj slogova), a u lokativu jd. o dužini koja se čuva samo u trosložnim oblicima (L. *na_kostī, *moldostī) a u dvosložnima ne (L. *kostī) pa je tu dolazilo do ujednačavanja ili kračine (češće) ili dužine (rjeđe), kako u kojem dijalektu.

L. *synū

Što se tiče samoga nastavka, nemamo izravnih dokaza da je tu doista riječ o starom akutu, no nema razloga vjerovati da se odraz ie. *-ōw razlikovao od onoga kod *-ēy u L. jd. *i*-osnovâ. No odrazi u L. *i*- i *u*-osnovâ u slav. nisu isti. U svim dijalektima, osim u sln/kajk. i kaš/slv., nalazimo kračinu kao odraz. Usp. nštok. *prāgū* (A) – *vōlu* (B) – *nōsu* (C). Isto tako je i u štok/čak. dijalektima sa starijim naglaskom (*volū*, *nosū*). Za Zslav. usp. češ. L. *hradu*, slč. L. *boku* ali slv. *břegŕ*. U sln/kajk. vidimo neocirkumfleks u n. p. A (*prāgu* < *pōrgū), a u kajk. i neoakut u n. p. B (*stōlu* < *stōlū). U južnom kajk. pak kod kratkih osnova vidimo i dugi nastavak u L. pod naglaskom (izvorno samo u n. p. C), usp. u Prodin Dolu *v redū* 'u rōdu' [Rožić 2002: 159]⁹⁰, u Ozlju [Težak 1981: 255] *na_gnojū*, *na_plotū*, *o_godū*, *v_lanū*⁹¹ i u Samoboru [Ivšić 1936: 71] *na_ognū*. U svim pak kajk. govorima vidimo staro *-ū kod dugih osnova u vidu Ivšićeve retrakcije,

⁸⁸ Po samim se dugim osnovama, bez analogije kod kratkih osnova, ne može znati je li tu riječ o Ivšićevoj retrakciji ili o lokalnoj retrakciji " sa zadnjeg sloga.

⁸⁹ Na mjestu G. *-ī kod *i*-osnovâ, gdje je uglavnom prevladao sekundarni čeonni naglasak (G. *kōstī umj. pretpostavljenog starijeg *kostī), i u onim slučajevima gdje se čuva staro *-ī nalazimo kračinu — usp. češ. G. *devīti*, *desīti*. Tu je kračina zacijelo prema -i u ostalim (dvosložnim) brojevima.

⁹⁰ Analogijom i u riječima koje nisu izvorno n. p. c — *svedrū*, *zdenčū* [Rožić 1893-4/I: 103–104], *v_košū* [Rožić 2002: 50], *na_sejmū* [id.: 51], *ne_sejmū* [id.: 63], L. *octū* [id.: 84], *v_čednū* 'u tjednu', *v_kablū* [id.: 140].

⁹¹ Analogijom i *na_čavlū*, *f_čednū* [id.: 252].

tj. L. *grādu* < *grādū⁹² prema D. *grādu*, usp. [Kapović 2010b: 92–93]. To nam dokazuje da je tu doista bio cirkumfleks (u prigorskim i samoborskim govorima na kraju riječi nema neoakuta), koji ovdje nije lako objasniti — očekivao bi se, kao i u drugim slučajevima dugoga odraza *~ i *~ u zadnjem otvorenom slogu, neoakut.

L. *vodě (?)

Nije potpuno sigurno je li ovaj nastavak bio akutiran ili cirkumflektiran. Prema ie. *-eh₂i (> *-ah₂i > *-ay) u ovom obliku ne bismo očekivali akut, no kako na akut tu upućuje moguća »nova ortotoničnost« [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 31], moglo bi se pretpostaviti da tu akut nastaje analogijom prema L. *i-* i *u-*osnovā⁹³. U svakom slučaju, i kod ovoga nastavka nalazimo i kratke (uglavnom) i duge (rjeđe) odraze⁹⁴.

Kratke odraze (iz izvornih dvosložnih oblika) nalazimo u većini slav. dijalekata — usp. knjiž. štok. L. *vòdi*, isto tako i u dij. *vodī* (štok/čak/kajk.). Usp. još i knjiž. sln. *vódi* te češ. *vodě*, slč. *vode*. Duljina se ne odražava ni posredno u vidu duljenja osnove u sln/kajk. uobičajenoj n. p. A i n. p. B. No dužina se javlja rubno u kajk. L. u n. p. A, kod slovinskoga *-ī* (analogijom također i u dativu jd.) i u ZJslav., gdje se u rubnim sjevernim dijalektima pod naglaskom čuva dužina (poopćena iz višesložnih oblika) — u podravskom kajkavskom L. *zemļeⁱ*, *roķeⁱ* [Fancev 1907: 360 itd.], u Hrvatskom Grobu u Gradišću DL. *dici*, *nogi* [Ivšić 1971: 763] i u štštok. Baranji [Sekereš 1977: 349, 384] DL. *sestrī/sestrē*, *zemļi/zemļē* itd.⁹⁵ Vjerojatno neće biti baš slučajno što se to javlja u potezu Podravina—Baranja, koji i inače dijeli neke druge izoglose. Osim toga, L. *zimī*, *o_zorī* i D. *dici/dęci* je zabilježen i u Vedešinu i Umoku [Houtzagers 2013a: 160, 162, 169, 172]. Usp. i dij. *menī/tebi*.

⁹² Duljina je ovdje zacijelo unesena prema ostalim padežima ili prema varijanti s kratkim odrazom (u izvornim dvosložnim oblicima). Tip *grādu* se može poopćiti i kod kratkih osnova (L. *nōsu*) u nekim govorima (npr. u Bednji i G. Konjšćini), čime se uklanja vjerojatno starije *nosū.

⁹³ Teoretski bi se moglo razmišljati i o kakvom *ad hoc* razvoju *-eh₂y (umjesto *-eh₂i) u akutirano *-āy.

⁹⁴ Dibo [Дыбо 2000: 37^f] ovaj padež pogrešno navodi kao jedinu iznimku što se tiče nastavaka naglašenih u n. p. *c* jer tu prema njemu nigdje nema posvjedočene dužine (te spekulira da je to možda zbog izvornog čeonog naglaska).

⁹⁵ Ovdje je stari lokativni naglasak poopćen i u dativu. Kako u DL. vidimo odraze i staroga *-ě i *-i, teoretski bi se moglo pomišljati da je tu neoakut i analoški prema G. koji također ima *-ě* (*sestrě*, *zemļē*), što je uobičajeno svuda u štok.

N. *vodā

Kao što je već rečeno, nastavak *-a u jd. *ā*-osn. i nastavak *-a u mn. *o*-osn. sr.r. je genetski jedan te isti nastavak⁹⁶. Međutim, akcenatski gledano se u slav. jezicima prilično različito ponašaju. Kod jedninskoga *-a tragove dužine nalazimo samo u n. p. A u sln/kajk. (i to uglavnom tamo gdje se to izvorno i očekuje — u trosložicama), dok je svugdje drugdje ujednačena kraćina (usp. knjiž. štok. *krāvā, ženā, vodā*). S druge strane, u mn. je u mnogim dijalektima očuvana dužina ili bar njezini tragovi. To se može objasniti, kako rekosmo, time što se u jd. nominativ nije upotrebljavao s prijedlozima, za razliku od akuzativa mn., a u n. p. B i time što su trosložne B-osnove (gdje bi se očekivala dužina) u jd. bile nepostojeće. Izostanak dugih odraza u n. p. B u jd. (zbog nepostojanja trosložica s dočetnim naglaskom) objašnjava i zašto ondje imamo samo tip *ženā s pomaknutim naglaskom (tu je možda dodatnu ulogu mogla vršiti i analogija s drugim padežima, gdje je to *-a- bilo u sredini — d. *ženāmъ, l. *ženāxъ, *ženāmi). S obzirom na nefrekventnost oblika tipa *iženā, nije čudno što tip **ženā nije nigdje očuvan, uz iznimku mogućih posrednih kajk. odraza tipa *(pro)bòdlā.

Poseban su pak tip imenice na *-ja, gdje je dužina iz nekoga razloga bila očuvana, tj. poopćena, što se onda vidi u odrazu dužine u lehitskom te u stvaranju neocirkumfleksa na prethodnom slogu u sln/kajk. Dužina u tipu *sūšā i *vòlā je tu morala izvorno biti i u dijalektima koji je danas nemaju. Da u *sūšā i *vòlā izvorno nije bila dužina, ne bi se mogao objasniti izostanak pomaka naglaska udesno u štštok/čak. *sūša, vòla* u odnosu na *trūbā, osā*. Očito je tu dužina, kakvog god porijekla, izvorno zapriječila pomak naglaska, da bi onda naknadno tu bilo ujednačeno kratko -ā kao i u svim drugim *ā*-osnovama.

nav. *polā

U množini sr.r. se zbog čestih trosložica i prijedložnih sveza, za razliku od jd. ž.r., duga varijanta *-ā dobro držala. Stoga ne čudi da je tu dužina (često poopćena u svim primjerima) dobro posvjedočena u mnogim dijalektima. U knjiž. češ. i slv. je, recimo, ujednačeno kratko -a prema izvornim dvosložnim oblicima, no u knjiž. slč. je zato (za razliku od jd. ž.r.) poopćeno dugo -ā u mn. sr.r. Slično ali raznoliko je i u ZJslav.

⁹⁶ Stari akut se dobro vidi u lit. -à (s Leskienovim zakonom u zadnjem slogu) te u -óji u odr. pridjevima u neposljednem slogu (npr. *gerà* 'dobra' – *geróji* 'dobra').

dijalektima. U sln/kajk. u n. p. A imamo neocirkumfleks (*lêta*), u kajk. i produženi neoakut u n. p. B (*sêla*)⁹⁷. Dugo *-ā* je poopćeno u svim n. p. u Posavini⁹⁸, dok je kratko *-a* poopćeno u svim n. p. npr. na Braču, Hvaru i Visu⁹⁹. U nekim govorima pak vidimo i *-ǎ* i *-â* (npr. u Orlecu), a u Novom vidimo *-ã* samo u trosložnim riječima n. p. C pod naglaskom kao *nebesã* (i u sekundarnom *mestã*), dok je inače vokal uvijek kratak, npr. *břďã* (A) – *čělã, písmã, vretenã* (B) [Белић 2000: 158–160]. No u nekim govorima se (npr. u novljanskom čak. i nštok. govorima) po mjestu naglasaka vidi da je dužine u povijesti bilo i ondje gdje je danas više nema. U nštok. tako danas nalazimo uvijek kraćinu u množinskom *-a* (npr. *břďã* (A) – *sělã, vínã, rešětã* (B) – *slòvã, nebesã* (C)). Ali u prošlosti se tu dužina nužno morala nalaziti i u bar nekim oblicima n. p. B da bismo mogli objasniti današnji naglasak¹⁰⁰. Da je u nav. *sělã* nastavak bio otpočетка kratak (tj. pokraćen), nikako se ne bi moglo objasniti zašto se taj oblik naglaskom razlikuje od G. *sèla* (gdje duljine nije bilo pa se neoakut pomakao na sljedeći slog). Dakle, tu nam sama pozicija naglasaka ukazuje na starije **sělã*¹⁰¹, gdje je dužina tek kasnije uklonjena analogijom prema oblicima u kojima se ona fonetski očekivala ili je već ranije bila analoški uklonjena (npr. **poļã*). Danas je te ranije postpraslavenske obrasce prajednačavanja kratkih i dugih nastavaka teško pouzdano rekonstruirati, no sasvim je sigurno da je npr. u sustavima od kojih su nastali nštok. govori množinsko *-a* u nekim pozicijama bilo sigurno dugo. Tu se mjesto naglasaka vjerojatno poopćavalo zajedno s kraćinom/dužinom nastavka (iako nije nemoguće i da je do pomicanja naglasaka udesno u n. p. *b* dolazilo tek nakon fonetskih kraćenja u zadnjem otvorenom slogu i kasnijeg ujednača-

⁹⁷ U n. p. C je u sln/kajk. uglavnom nestao stari naglasak. Iznimke su, recimo, *nebesã* < **nebesã* (sa sekundarnom kraćinom) u Ozlju [Težak 1981: 266] i *imãnã* (s očekivanom dužinom) u Vedešinu i Umoku [Houtzagers 2013a: 157^f, 159]. Usp. još i knjiž. sln. *drvã* s očekivanom kraćinom.

⁹⁸ Usp. *mijěstã* (A), *sělã* – *rešětã* (B) i *poļã* – *nebesã* (C) [Ivšić 1913/I: 249–251].

⁹⁹ Usp. na Braču [Šimunović 2009: 38–39] *jũtra* (A) (od **jũtrã* bi bilo ***jũtro*, usp. G. *zdròvjo* < **zdrãvjã*) – *selã, krilã* (B) – *tilesã* (C).

¹⁰⁰ U štok. naglasku *sèla* odgovara *vòla* (u oba se tipa može rekonstruirati staro **-ã* koje objašnjava nepomaknut naglasak), ali u **vòļã* vidimo nepomaknut naglasak u čitavom ZJslav. (i šire), čak i u dijalektima koji imaju *selã*.

¹⁰¹ Na izvornu dužinu nastavka (bar u trosložnim oblicima) upućuje i štok. dij. odnos *vrãta* – *nã vrãta*, gdje se izostanak pomaka naglasaka u *nã vrãta* može objasniti samo nekadašnjim **-ã*. U dijalektu-pretku nštok. je sigurno postojala faza kada je **-a*, nakon različitih analogija i ujednačavanja, moglo biti i kratko i dugo ovisno o obliku, ali kratke i duge varijante više nisu bile raspoređene kako bi se to fonetski očekivalo.

vanja kračine ili dužine u pojedinim nastavcima ovisno o pojedinim dijalektima/jezicima).

i. *gostьmǐ, *synьmǐ

Kako kod ovih oblika osnova sa sufiksom (*-ь/-ь-) i nastavkom (*-mi) po definiciji čini trosložan oblik, ovdje bismo očekivali redovne duge odraze. I doista, dužina je kod ovih nastavaka dobro posvjedočena — usp. sln. knjiž. *kostmí, hčermí*, sekundarno u *o*-osnovama kao *rogmí, možmí* itd. Nastavak *-mǐ* je izvrsno posvjedočen i u kajk.¹⁰², a i u slv. nalazimo oblike poput *gqsmǐ*. Kračina u knjiž. češ. *kostmi* (sekundarno i u *koňmi* i sl.), slč. *dubmi* i sl. zacijelo postaje analogijom prema kratkim odrazima instrumentalnoga *-y, gdje se poopćava kračina starih dvosložnih oblika.

DI. dv. *gostьmǎ, *synьmǎ

U DI. dvojine bi se, s obzirom na dvosložno *-ьma/-ьma očekivala uvijek dužina. Ona je i posvjedočena u nekim dijalektima — usp. npr. u Šaprinovcu *gosmā, očmā, ušmā* [Ivšić 1907: 136], u Orubici (sa sekundarnim *-i*) *pečimā, vlastimā* itd.¹⁰³ [Kapović 2010c: 29–30] te u štok. varijante *dvāmā/dvámā, trīmā/trímā* i sl.¹⁰⁴ Međutim, često nalazimo i kratko *-ma*, usp. u Posavini *ludma* [Ivšić 1913/I: 232], *kokošma, ričma* [Ivšić 1913/II: 28], *ričma, lūdmā* [Kapović 2010c: 29], u Ibos. *vrátma/vrátmā* [Brozović 2007: 125] itd. Odras *-ma je (za razliku od *-mǐ) kratak i u slovinskom. S obzirom na nepostojanje izvornih dvosložnih oblika kod ovih nastavaka, kračinu je ovdje nešto teže objasniti¹⁰⁵.

¹⁰² Usp. npr. u Bednji [Jedvaj 1956: 295, 303] *lydmǐ, rečmǐ* itd. ili u G. Veterničkom [Jembrih, Lončarić 1982: 37] *pečmǐ, lienostmǐ*. Nastavak *-mǐ* često u *o*-osnovama zamjenjuje starije *-ǐ*, usp. bednjansko *zubmǐ* itd.

¹⁰³ Nastavak *-imā* s ovakvim naglaskom inače nije baš čest, a može se, jasno, teoretski tumačiti i na druge načine.

¹⁰⁴ Usp. npr. *dvāmā* [Brozović 2007: 132, 171]. Kraćenje u knjiž. *dvāma, trīma* bi također možda upućivalo na izvornu dužinu nastavka. Duljina se u nekim govorima javlja i u zamjeničkim oblicima kao *svīmā, ōnimā* i sl. (npr. *nāmā* i rijetko *nā_namā, nīmā – nímā* u dolini Fojnice [Brozović 2007: 128]), ali tu možda nije toliko pouzdana jer u zamjenicā ima sekundarnih dužina i u drugim oblicima (npr. *tōgā, tōmē*).

¹⁰⁵ *Ad hoc* bi se moglo pretpostaviti da je riječ o analogiji prema starome *-oma u *o*-osnovama, gdje bi *-ma bilo pokraćeno prema recesivnom nav. *-a m.r. ili o analogiji prema množinskom *-mi, gdje bi to bilo pokraćeno analogijski prema dvosložnom *-y (čijih tragova, doduše, danas više u Posavini nema).

i. *vodāmī

Kod nastavka *-āmi bi se također očekivalo čuvanje dužine u svim okolnostima¹⁰⁶, no to nije uvijek slučaj. Duljinu vidimo u sln/kajk. govori- ma s -āmi u n. p. B i C, u nekim posavskim govori- ma (npr. *nogāmī*, *nāmī*) [Ivšić 1913/II: 18, 35] i u dij. češ/slč. (-*ami*), usp. npr. [Habovštiak 1965: 219]¹⁰⁷. No, isto tako, u drugim posavskim govori- ma vidimo -āmī, kao i u većini drugih štštok/čak. govora, a kratko -ami nalazimo i u knjiž. češ/slč. Vjerojatno je kratko -ami tu najlakše objasniti prema kratkom *-y (o-osn.) iz izvornih dvosložnih oblika, npr. dij. štok. *žēnamī* prema *nā_lēdī*, češ. *ženami* prema *hrady*, čak. (Omišalj) *ofcāmī* [Vermeer 1984: 278] prema i. *kōñī* i sl.

DI. dv. *vodāmā

Odras očekivane dužine nalazimo npr. u knjiž. sln. *vodāma*, no inače je uglavnom kratak, usp. knjiž. štok. *vòdama*, odraz kratkog *-ma u slv/kaš., češ. *rukama/nohama* itd. Kratko -ma tu vjerojatno treba objašnjavati nešto složenijim analogijama, slično kao i u -mi, -ami.

DL. *mьně

U DL. osobne zamjenice 1. l. jd. treba, čini se, rekonstruirati *mьně, usp. [Kapović 2006a: 38–39] (izvorni naglasak zadnjega sloga nije siguran) — isto i *tebě, *sebě. U dvosložnim bismo oblicima tu očekivali *menī a u trosložnima *_na_menī. I doista, u govori- ma (koji čuvaju stari naglasak)¹⁰⁸ nalazimo ili *menī/mèni* (tako npr. u knjiž. srp. i općenito u nštok. govori- ma s takvim naglaskom) ili *menī*^{109, 110}.

¹⁰⁶ To uključuje i zamjeničke oblike kao *nāmi koji uvijek idu s prijedlozima (npr. *o_nāmī).

¹⁰⁷ Slv. -*ami* je analoško prema -ī od *-y, što se vidi po nepalataliziranom -m- [Stang 1957: 38].

¹⁰⁸ U nštok. se obično na zapadu ujednačava *mēne – mēni*, a na istoku *mène – mēni* prema starom *mēne – mēni*.

¹⁰⁹ Usp. u Posavini [Ivšić 1913/II: 34–35] *mēni*, *tēbi*, *sēbi/sebī* i *menī*, *tebī*, *sebī* te u Ibos. [Brozović 1960: 348] *menī*, *tebī*, *sebī* (prema *mēne*, *tēbe*, *sēbe*). Za štok. usp. i staro dubrovačko [Grčević 2011: 39] *menije* (s -ije) i *menī* prema kasnijem *mēni* [Rešetar 1900: 143]. Inače se u nštok. dužina javlja u nekim govori- ma u G. *mēnē* (vidi npr. [Николић 1970: 112]), što je analogija prema ā-osn. (kao *žēnē*), dok je u D., čini se, uvijek kraćina. Za čak. usp. lumbardsko *menī* (ali i G. *menē* što može biti prema *vodē*) (citirano u [Ivšić 1913/II: 35^F]).

¹¹⁰ Nije jasna dužina u posavskom [Ivšić 1913/II: 59] *vanī* prema nštok. *vāni*. To

Glagolski oblici

inf. *bostǐ

U infinitivu, čiji nastavak povijesno odgovara nastavku L. *i*-osnovâ (ie. *-tēy), je skoro svugdje poopćena kračina iz dvosložnih oblika kao *krástǐ (*a*), *moťǐ (*b*)¹¹¹, *bostǐ (*c*). Usp. štok/čak. *-ti*, češ. st. *-ti* itd. Jedino se u sln. i kajk. u nekima oblicima i dijalektima (i to vrlo često upravo ondje gdje se i očekuje — u trosložnim oblicima) u vidu neocirkumfleksa može vidjeti trag stare nenaglašene dužine kod *-tǐ.

2. l. jd. prez. *jesǐ

Akut u ovom obliku potvrđuje lit. *esi*. Ovaj oblik se ne može izvesti izravno iz ie. atematskog *h₁esi (usp. stind. *ási*), nego je došlo do miješanja s medijalnim *-soy (usp. stprus. *assai*, *essei* za diftong). Na *-soy se ne bi očekivao akut, ali je zacijelo unesen analogijom prema tematskom nastavku *-eh₁i (usp. lit. *vedǐ* s akutom i grč. φέρεις), a utjecaj je možda moglo izvršiti i ie. optativno (tj. slav. imperativno) *-oyh₁ (vidi dolje). Kračina knjiž. štok. *jěsi* (dij. štok/čak. *jesǐ*), knjiž. sln. *jési*, knjiž. češ. *jsi* itd. ne iznenađuje s obzirom na to da je to dvosložan oblik koji nije mogao ići s prefiksima osim s negacijom, gdje je rano dolazilo do stapanja (usp. štok. *nijěsi*).

imp. *čini!

U n. p. *c* su, čini se, postojale varijante *čini! i *činǐ! u 2/3. l. jd.¹¹² Naglasak *čini! može biti jednostavno analoški prema *činimo! – *činíte! (s Hirtovim zakonom¹¹³) i prema *nosi! u n. p. *b* (nakon pomaka naglaska udesno), a moglo bi se špekulirati i o »novoj ortotoni«. Kod odrazâ imperativnoga *-i vidimo samo kračinu — usp. knjiž. štok. *bǔdǐ!* (A),

izgleda kao L. *ā*- ili *i*-osnovâ, što se ne slaže s *izvâna* (što izgleda kao G. *o*-osn.). Vrgadinsko [Jurišić 1973] *vanǐn* je moglo nastati i predsonantskim duženjem.

¹¹¹ Iz istog razloga je i u n. p. *b* kao *moťǐ naglasak uvijek pomaknut (naglasak se pomiče na kratku varijantu, a na dugu ne) — Zštok/čak/kajk. *mòći* neće biti od nekakvog *(po)mòťǐ s kasnijom ujednakom kračine jer se takav naglasak javlja i u n. p. *c* tipa *pěći* (psl. *peťǐ), gdje je oksitoneza izvorna, a i u kajk. bismo u takvim oblicima mogli očekivati, da je tako, i sekundarni neocirkumfleks (ili izvorni neoakut) kao u tipu *bôla*.

¹¹² U ZJslav. u jd. imperativa n. p. C vidimo odraze dočetnog naglaska, ali odraz čeonog naglaska vidimo npr. u bugarskom.

¹¹³ *čini! ali *činíte! > *činǐte! (Hirt).

nòsi! (B), *čini!* (C) (dij. štok/čak. *nosì!*, *čini!*) ili češ. *spi!* Ako se kao polazište uzme dočetni naglasak (tj. ako je varijanta **čini!* postojala već u psł.), tu je onda pobijedio naglasak osnovnih dvosložnih oblika, zacijelo poduprt množinskim *-imo/-íte. U n. p. *b* nema oblikâ poput ***nòsi!* jer je izvorno riječ o recesivnom nastavku, a ako se i uzme sekundarna dominantnost (prema mlađim oblicima n. p. *c*), može se svejedno pretpostaviti ujednačavanje kračine iz dvosložnih oblika ili prema mn. (gdje je akut bio u sredini).

aor. **klešě*

U aoristu vidimo dužinu u 2/3. 1. jd. i 3. 1. mn. u nekim štok. govovima, npr. *izdā* (uz *izdā* drugdje), *ùlovī* (uz *ùlovī* drugdje), *ulòvišē* (uz *ulòvišē* u drugim govovima) itd. U jednini bi se na recesivnim nastavcima (usp. štok. *pròklě*), očekivala kračina, dok bi se u 3. 1. množine na dominantnom nastavku (usp. štok. dij., npr. u bosanskim govovima, *počěšě* za izvorni dočetni naglasak, tj. dominantnost nastavka) očekivala dužina. Kračina u jd., koja se javlja u nekim dijalektima, je, dakle, izvorna, dok je dužina tu vjerojatno analogijom prema prezentu (*izdā* prema *izdā*, *ùlovī* prema *ùlovī*)¹¹⁴ i potpomognuta očekivanom dužinom u 3. 1. mn. (*ulòvišē*). U 3. 1. mn. vidimo pravilno čuvanje dominantne dužine u *ulòvišē*, koja se može pokratiti analogijom prema *ulòvismo* – *ulòviste*. Izvorno bi se, dakle, tu očekivalo *ùlovī* – *ulòvišē* s kasnijim analoškim ujednačavanjima kračine (3. 1. mn. ugledanjem na ostale oblike) ili duljine (3. 1. jd. ugledanjem na 3. 1. mn. i prezent) ovisno o govoru. Očekivanu distribuciju ipak nalazimo u nekim dijalektima — usp. u dolini Fojnice kratko *nāučī*, *òdazvā* itd.¹¹⁵ prema uvijek dugom -šē [Brozović 2007: 116, 142].

Literatura

- Белић 2000 — *Белић А.* Белешке о чакавским говорима // О дијалектима (Изабрана дела А. Белића 10). Београд, 2000. С. 136–186.
 Brozović 1960 — *Brozović D.* Dijalektološka istraživanja u Bosni (okolica Livna i visočki kraj) // Ljetopis JAZU, 1960, 64. S. 347–351.
 Brozović 2007 — *Brozović D.* Govor u dolini rijeke Fojnice // Hrvatski dijalektološki zbornik, 2007, 13.

¹¹⁴ Moglo bi se eventualno pomišljati i na čuvanje dužine u neposljednem slogu ispred dočelnoga *-tъ koje se tu moglo javljati u n. p. *c* u nekim glag. vrstama [Дыбо 2000: 304–309].

¹¹⁵ Brozović tvrdi da je takva kračina u 3. 1. jd. tipična za sve bosanske govore.

- Brozović, Ivić 1988 — *Brozović D., Ivić P.* Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.
- Carlton 1991 — *Carlton T. R.* Introduction to the phonological history of the Slavic languages. Columbus, 1991.
- Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва, 1981.
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. Москва, 2000.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Москва, 1990.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1993 — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. Москва, 1993.
- Fancev 1907 — *Fancev F.* Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie: der kaj-Dialekt von Virje, mit Berücksichtigung der Dialekte Podravina's (Koprivnica-Pitomača) // Archiv für Slavische Philologie, 1907, 29. S. 305–389.
- FO — Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Grčević 2011 — *Grčević M.* Jezik Marina Držića prema jeziku Bartola Kašića i Dubrovačkoga misala // Filologija, 2011, 56. S. 23–49.
- Gudek 2013 — *Gudek V.* Opis govora Gornje Konjščine. Diplomski rad. Filozofski fakultet u Zagrebu, 2013.
- Habovštiak 1965 — *Habovštiak A.* Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
- Hamm, Hraste, Guberina 1956 — *Hamm J., Hraste M., Guberina P.* Govor otoka Suska // Hrvatski dijalektološki zbornik, 1956, 1. S. 7–213.
- Houtzagers 1985 — *Houtzagers H. P.* The čakavian dialect of Orlec on the island of Cres // Studies in Slavic and general linguistics. Amsterdam, 1985.
- Houtzagers 2013a — *Houtzagers H. P.* Obilježja kajkavskoga govora Vedešina i Umoka // Od indoeuropeistike do kroatistike. Zbornik u čast Daliboru Brozoviću. Zagreb, 2013. S. 151–180.
- Hraste 1948 — *Hraste M.* Osobine govora otoka Šolte, Čiova, Drvenika i susjedne obale // Rad JAZU 272, 1948. S. 123–156.
- Ивић 2001 — *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Сремски Карловци–Нови Сад, 2013.
- Ivšić 1907 — *Ivšić S.* Šartinovačko narječje // Rad JAZU, 1907, 168. S. 113–162.
- Ivšić 1913 — *Ivšić S.* Današnji posavski govor // Rad JAZU, 1913, 196 (I); S. 124–254; 1913, 197 (II). S. 9–138.
- Ivšić 1936 — *Ivšić S.* Jezik Hrvata kajkavaca // Ljetopis JAZU, 1936, 48. S. 47–88.
- Ivšić 1970 — *Ivšić S.* Slavonska poredbena gramatika. Zagreb, 1970.
- Ivšić 1971 — *Ivšić S.* Izabrana djela iz slavenske akcentuacije (Gesammelte Schriften zum slavischen Akzent). München, 1971.
- Jardas 1957 — *Jardas I.* Kastavština. Građa o narodnom životu i običajima u kastavskom govoru // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena, 1957, 39 [dio tekstova i rječnik akcentuirali Milan Moгуš i Slavko Pavešić].
- Jedvaj 1956 — *Jedvaj J.* Bednjanski govor // Hrvatski dijalektološki zbornik, 1956, 1. S. 279–330.

- Jembrih, Lončarić 1982 — *Jembrih A., Lončarić M.* Govor Gregurovca Veterničkog // Rasprave Zavoda za jezik, 1982–1983, 8–9. S. 5–62.
- Jurišić 1966 — *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. I dio, Uvod. Zagreb, 1966.
- Jurišić 1973 — *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade, uspoređen s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. II dio, Rječnik. Zagreb, 1973.
- Kalsbeek 1998 — *Kalsbeek J.* The Čakavian Dialect of Orbančić near Žminj in Istria. Amsterdam–Atlanta, 1998.
- Kapović 2006a — *Kapović M.* Rekonstrukcija baltoslavenskih osobnih zamjenica s posebnim osvrtom na naglasak. Doktorska disertacija. Sveučilište u Zadru, 2006.
- Kapović 2009d — *Kapović M.* The Accent of Slavic *ja(зь) ‘I’ // *Olander T., Larsson J. H.* (ur.). Stressing the past: papers on Baltic and Slavic accentology (= Studies in Slavic and General Linguistics 35). Amsterdam–New York, 2009. P. 53–73.
- Kapović 2010b — *Kapović M.* Naglasak *o*-osnova muškog roda u hrvatskom — povijesni razvoj // *Filologija*, 2010, 54. S. 51–109.
- Kapović 2010c — *Kapović M.* Naglasak imeničnih *i*-osnova u Orubici // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 2010, 36/1. S. 23–31.
- Kapović 2015 — *Kapović M.* Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.
- Kašić 1604 — *Kašić B.* Institvionvm lingvæ Illyricæ libri dvo. Romæ, 1604 [pretisci: Osnove ilirskoga jezika u dvije knjige. Zagreb, 2002; Osnove hrvatskoga jezika. Zagreb–Mostar, 2005].
- Klaić 2007 — *Klaić A. B.* Bizovačko narječje. Bizovac, 2007.
- Križanić 1984 — *Križanić J.* Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku. Zagreb, 1984.
- Kušar 1894 — *Kušar M.* Rapski dijalekat // *Rad JAZU*, 1984, 118. S. 1–54.
- Lukežić, Zubčić 2007 — *Lukežić I., Zubčić S.* Grobnički govor XX. stoljeća (gramatika i rječnik). Rijeka, 2007.
- March 1981 — *March W. J.* Kajkavian Inflectional Morphophonemics: an Analysis of the Morphology of Dialects of Velika Rakovica, Virje, and Bednja // *Rad JAZU*, 1981, 388. P. 237–312.
- Matasović 2008 — *Matasović R.* Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2008.
- Николаев 2012 — *Николаев С. Л.* Восточнославянские рефлексy а.п. *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных м. р. с *o*- и *u*-основами // *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура* 2. Москва, 2012. С. 32–189.
- Николаев 2013 — *Николаев С. Л.* К реконструкции акцентных классов балто-славянских глаголов // *Балто-славянские исследования*, 2013, XIX. С. 151–250.
- Николић 1970 — *Николић Б. М.* Основи млађе новоштокавске акцентуације. Београд, 1970.
- Rešetar 1900 — *Rešetar M.* Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.
- Rešetar 2010 — *Rešetar M.* Štokavski dijalekat. Podgorica, 2010.
- Sekereš 1977 — *Sekereš S.* Govor Hrvata u južnoj Baranji // *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1977, 4. S. 323–484.
- Sihler 1995 — *Sihler A. L.* A New Comparative Grammar of Greek and Latin. New

- York–Oxford, 1995.
- SMŠF — *Sujoldžić A., Marković A., Šimunović P., Finka B.* Govori otoka Krka — Uvod u antropološka istraživanja // *Filologija*, 1992–1993, 20–21. S. 431–449.
- Stang 1957 — *Stang Chr. S.* 1957, Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Stankiewicz 1978 — *Stankiewicz E.* The inflection of Serbo-Croatian substantives and their genitive plural endings // *American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists (Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978)*, Vol. 1: Linguistics and Poetics, Henrik Birnbaum (ur.). Columbus, 1978. P. 666–682.
- Stankiewicz 1993 — *Stankiewicz E.* The Accentual Patterns of the Slavic Languages. Stanford, 1993.
- Šekli 2006 — *Šekli M.* Naglas samostalnikov tipa *ključ ključa* pri Valjavcu in Škrabcu ter v slovenskem knjižnem jeziku in slovenskih krajevnih govorih // *Toporišič J.* (ur.). Jezikoslovci in njihova dela v Škrabčevih očeh. Škrabčeva misel V: zbornik s simpozija 2005, Frančiškanski samostan Kostanjevica. Nova Gorica, 2006. S. 145–160.
- Šimunović 2009 — *Šimunović P.* Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb, 2009.
- Šojat 1982 — *Šojat A.* Turopoljski govori // *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1982, 6. S. 317–493.
- Težak 1981 — *Težak S.* Ozaljski govor // *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1981, 5. S. 203–428.
- Toporišič 2004 — *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor, 2004.
- Trávníček 1935 — *Trávníček F.* Historická mluvnice česko-slovenská. Praha, 1935.
- Vermeer 1979 — *Vermeer W.* Brief report on the Susak dialect, August 1979 (rukopis).
- Vermeer 1980 — *Vermeer W.* Die Konjugation in der nordwestčakavischen Mundart Omišalj // *Studies in Slavic and general linguistics*, 1980, 1. S. 439–472.
- Vermeer 1982 — *Vermeer W.* On the principal sources for the study of Čakavian dialects with neocircumflex in adjectives and *e*-presents // *Studies in Slavic and General Linguistics*, 1982, 2. P. 279–340.
- Vermeer 1984 — *Vermeer W.* Опозиција типа 'живо/неживо' у множини у једном чакавском говору (Омишаль) // *Научни састанак слависта у Вукове дане: реферати и саопштења*, 1984, 13/I. С. 275–288.

Mate Kapović: mkapovic@ffzg.hr

Акцентуация глаголов на *-iti*, производных от существительных праславянской а. п. *d*: пробный шар¹

1. Введение и постановка проблемы

Цель данной работы — изучение акцентуации глагольных образований на *-iti* в реально зафиксированных славянских языках от существительных, относившихся в праславянском языке к а. п. *d*.

Работа Станга [Stang 1957], в которой устанавливалось прямое соответствие трёх акцентных парадигм глаголов *a*, *b*, *c* трём акцентным парадигмам производящих имён *a*, *b* и *c*, была написана за шесть лет до «Именной акцентуации в балтийском и славянском» Иллич-Свитыча [ИАБС], где было впервые показано, что разнообразие парадигм имён существительных не ограничивается тремя. Поэтому задаться вопросом, как ведут себя дериваты от четвертой парадигмы, присущей праславянским именам существительным, Станг не мог.

Начиная с [Булатова, Дыбо, Николаев 1988], четвертая акцентная парадигма праславянских имён существительных получает название «а. п. *d*».

В. Г. Складенко [Складенко 1998] и Р. Дерксен [Derksen 2008], указывающие ударение во всех праформах, относят существительные а. п. *d* к а. п. *c*. Соответственно, туда же относятся этими авторами и образованные от них глаголы, ср.: **stūditi*, **stūdītĭ* [Складенко 1998: 162], **studiti* [Derksen 2008: 471]². Дерксен напрямую заявляет: «I am not convinced that there ever was a Proto-Slavic paradigm (d)» [Derksen 2008: 16–17].

В [Булатова, Дыбо, Николаев 1988] утверждается, что глагольные дериваты от существительных а. п. *d* имеют в праславянском а. п. *b*₂, а не а. п. *c*, и цитируются многочисленные праформы таковых глаголов, например: **brusīti*, **brusjŏ* и др. [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 53]. При этом среди них встречаются и такие формы, какие не-

¹ Доклад не был прочитан на конференции по не зависевшим от автора причинам (*ped.*).

² Ср. примеры нотации глагола а. п. *b*: **lūiti*, **lūītĭ* [Складенко 1998: 159], **lūiti* [Derksen 2008: 282].

возможно реконструировать на основе зафиксированных славянских языков, например: **gьrbǫiti*, **gьrbjǫ* [там же: 53] (славянские языки указывают только на а. п. *a*), **nersǫiti*, **nersjǫ* [там же: 54] (славянские языки указывают на а. п. *c*).

Поэтому было решено рассмотреть весь доступный материал и выяснить, какие а. п. у каких глаголов восстанавливаются в действительности.

2. Акцентная парадигма *d*

Акцентная парадигма *d* в праславянском языке и её судьба в современных славянских языках впервые была описана в [ИАБС: 118–119], а более подробно — в [ОСА: 129–154]. Списки существительных а. п. *d* приводятся в [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 53–59] и [ОСАС: 149–304].

М. Шрагер [Shrager 2011] приводит свежие данные говора выходцев с острова Сусак, подтверждающие, что существование отдельной а. п. *d* в этом говоре не было ошибкой интерпретации записей, и заодно свой собственный список праславянских существительных а. п. *d*.

Наиболее подробная работа об а. п. *d* — [Николаев 2012]. Она содержит самый свежий (впрочем, неполный) список праславянских слов, относящихся к этой парадигме, и данные восточнославянских диалектов, сохраняющих а. п. *d* в виде, близком к предполагаемому праславянскому. Кроме того, в статье Николаева широко используются акцентологические параллели из других индоевропейских языков.

3. Акцентуация глаголов на *-iti*: каузативы/деноминативы и итеративы

Большинство глаголов на *-iti* являются каузативами или деноминативами (которые, впрочем, тоже иногда называют каузативами) и повторяют акцентную парадигму своего производящего: **prǫvъ A³*: **prǫviti A*, **gōlъ B*: **gōliti/goliti B₂*, **krivъ C*: **kriviti C*.

Однако среди глаголов на *-iti* выделяется и четвёртая парадигма,

³ Поскольку акцентовки производных имён, обозначаемых латинскими заглавными буквами от А до G [Дыбо 2000: 98], в настоящей работе не рассматриваются, заглавные латинские обозначения А, В, С, D, В₁, В₂ следует читать как сокращения от «а. п. *a*» и т. д. Такие обозначения используются, в частности, в [ОСАС].

получившая название *b*₁. Глаголы, относящиеся к этой парадигме, образованы не напрямую от имён, а от других глаголов, во многих случаях не сохранившихся, и содержат исторически другой суффикс с иными акцентными характеристиками⁴. Списки этих глаголов можно увидеть в [ОСА: 116, 120]. Имена, имеющие одинаковую с этими глаголами основу, могут при этом относиться как к а. п. *b*, так и к а. п. *c* [Дыбо 1981: 259]. Глаголы этой парадигмы оказались крайне устойчивыми (т. е. их акцентное поведение не подверглось какой-либо перестройке) во всех славянских языках.

Поскольку а. п. *d* в историческом развитии представляет собой дрейф от а. п. *b* к а. п. *c*, не всюду завершённый, на акцентную парадигму соответствующего итератива это не влияет никак, ср. **brodъ D* и **broditi B₁*, **vozъ D* и **voziti B₁*, **moltъ D* и **moltiti B₁*.

Но в случае с деноминативами это не так. Если существительное меняет а. п. *b* на а. п. *c*, ровно то же может сделать производный от него глагол. В разделе 5 мы выясним, что же произошло на самом деле.

Сводная таблица:

а. п. основы	итератив на <i>-iti</i>	деноминатив на <i>-iti</i>
A <i>*lázъ, *práвъ</i>	A <i>*láziti</i>	A <i>*právitъ</i>
B <i>*žená, *gòlъ</i>	B₁ <i>*žènitъ</i>	B₂ <i>*gòlitъ/golitъ</i>
D <i>*mòltъ, *gòrdъ</i>	B₁ <i>*mòltiti</i>	B₂? <i>*gòrditъ/gorditъ?</i> C? <i>*gorditъ?</i>
C <i>*světъ, *krivъ</i>	B₁ <i>*světiti</i>	C <i>*krivitъ (< *krivitъ)</i>

4. Отражение праславянских акцентных парадигм глагола в отдельных славянских языках

4.1. Восточнославянские языки. В современном русском литературном языке часть глаголов праславянских а. п. *b*₂ и а. п. *c* имеют в презенсе ударение на корне, а часть — на окончании. Такая же картина наблюдается в литературных украинском и белорусском. В русском также часты колебания. Примечательно, что отличить прасл.

⁴ «...*-i-* итеративов должен получить маркировку (+), а каузативов и деноминативов — маркировку (-)» [ОСА: 120].

а. п. *b*₂ от а. п. *c* в этом материале невозможно, а наборы глаголов с ударением на корне и на окончании в этих языках в значительной степени пересекаются. То же можно сказать и о материале галицких диалектов украинского языка, хотя С. Л. Николаев утверждает, что рефлексы праславянских а. п. *b*₂ и *c* в галицком диалекте отличимы друг от друга у краткостных глаголов и совпадают у долготных (2-й тип оттяжек: **lōžiti*, **xvaliti*) [ОСА: 110].

Отражение глаголов прасл. а. п. *c* в восточнославянских языках:

прасл.	рус.	укр.	блр.	вост. гал. ⁵	зап. гал.
* <i>dojiti</i>	В	В	В	С	В
* <i>gnojiti</i>	С	С (/В)	В	С	С
* <i>koriti</i>	С	С	В	С (/В)	(В/С)
* <i>prostiti</i>	С	С (/В)	(В)	С	С/В
* <i>roditi</i>	С	В	В	В/А	А
* <i>topiti</i>	В	В	В	В	В
* <i>borniti</i>	С	В	В	В (/С)	В (/С)
* <i>dariti</i>	В	В	В	С	(С)
* <i>miriti</i>	В/С	С	В	С (/В гуц.)	(С)
* <i>poršiti</i>	С	С	В	В/С	В
* <i>variti</i>	В	В	В	С	С

Отражение глаголов прасл. а. п. *b*₂ в восточнославянских языках:

прасл.	рус.	укр.	блр.	вост. гал.	зап. гал.
* <i>dobriti</i>	А	С	А	(А/С)	С (/В)
* <i>kositi</i>	В	В	В	В	В
* <i>seliti</i>	В/С	В	В	С/В	(С)
* <i>běditi</i>	С	С	С	С	С
* <i>běliti</i>	В/С	В	В	С/В	В/С
* <i>čьrniti</i>	С	С	В	С	С (/В)
* <i>gnězditi</i>	С	С	С	С/В	С (/А)
* <i>kuriti</i>	В (/С)	В	В (/С)	В	В
* <i>paliti</i>	С (/В)	В	В	С (/В гуц.)	В (/С)
* <i>xvaliti</i>	В	В	В	С бук., В гуц.	В (/С)

⁵ Галицкие реконструкции в таблицах взяты из материалов С. Л. Николаева, любезно им предоставленных.

Хотя может оказаться, что восточнославянская или одна только прагалицкая система на самом деле выводится из системы, противопоставляющей а. п. *b*₂ и *c*, в рамках данной работы решено не привлекать восточнославянский материал для отличения а. п. *b*₂ от а. п. *c*, так как без дополнительной обработки он в любом случае неиллюстративен.

Материал древнерусского акцентного словаря [Зализняк 2011] при сплошном просмотре обнаруживает следующую тенденцию: краткостные глаголы прасл. а. п. *b*₂ имеют в позднем древнерусском большей частью ударение на окончании (*орѹти с*, *творѹти с* (следы *b*)), долготные — большей частью на корне (*купѹти b*, *хоронѹти b*), однако имеются и исключения (*добрѹти b* (нов. а); *тѣснѹти с*), что, скорее всего, связано с диалектными различиями. Так, согласно [ОСА], на восточнославянской территории можно встретить три типа отражения прасл. а. п. *b*₂: **lōžitъ*, **xvalitъ* (второй тип оттяжек), **ložitъ*, **xvālitъ* (третий тип) и **ložitъ*, **xvalitъ* (четвёртый тип) [ОСА: 109–110]. Так как в [Зализняк 2011] данные приводятся «как есть», без указаний на диалектные различия, можно предположить, что замеченная тенденция связана с преобладанием рукописей третьего типа в материалах, лёгших в основу словаря, в то время как отклонения от этой тенденции и колебания — с рукописями иных типов.

Более подробно позиция Зализняка по поводу развития акцентуации *i*-глаголов в презенсе в древне- и средневеликорусском изложена в [Зализняк 1985], где описывается нижеследующая картина.

1. Ещё в раннедревнерусском некоторые глаголы перешли в а. п. *c* из а. п. *b*: *крестити*, *-ложити*, *поститися*, *разорити*, *селити*, *творити*, *-ключити*, *мутити*.

2. В западной зоне в XVI–XVII вв. появляются инновации вида *просѹиши*. Это единственное место, где Зализняк указывает на какие-либо диалектные различия в акцентуации *i*-глаголов.

3. Инновация: глаголы с отчётливой книжной окраской (*вкусѹтъ*) и отгымённые глаголы (*казнѹтъ*) переводятся из а. п. *b* в а. п. *c*, то есть получают насуффиксальное ударение.

4. Обратная инновация: изредка встречается замена насуффиксального ударения накоренным, причём «приведённые ударения в подавляющем большинстве случаев выступают в соответствующих памятниках только как исключения» [Зализняк 1985: 359–362].

Пункт 4 похож на правду (последствия этого процесса мы видим в русском языке сейчас). Пункт 2, как отчётливо региональный, мож-

но не рассматривать. Пункт 3 сомнителен: неясно, какой фонетический процесс или грамматическая аналогия в средневеликорусском может лежать в основе такого перехода. Для пункта 1 с большей вероятностью можно найти фонетическое обоснование сдвига ударения на суффикс, учитывая, что это могло произойти ещё в поздне-праславянскую эпоху, но в таком случае сдвиг должен быть во всех глаголах, а не только в нескольких, или же перечисленные глаголы должны объединяться каким-либо общим фонетическим признаком.

Не исключено, что к изложенной выше интерпретации привела неполнота данных и неразграничение рукописей по диалектам.

Поскольку сортировка древнерусских рукописей по диалектам и отслеживание изменения древнерусских глагольных парадигм в пространстве и времени — это тема для отдельного масштабного исследования, древне- и средневеликорусский материал использоваться в качестве основного в текущей работе также не будет. В то же время материал из [Зализняк 2011] используется для отличия b_1 от остальных парадигм там, где это необходимо.

4.2. Московский говор. Стройную картину — возможно, местный архаизм, начавший в XIX веке активно отступать под натиском приезжих и/или по внутренним причинам, — обнаруживает старый литературный русский язык, зафиксированный, в частности, в «Словаре русского языка XVIII века». На момент написания данной статьи вышло 20 томов этого словаря. Последнее слово последнего тома — *подняться*. В этом словаре глаголы прасл. а. п. b_2 и c в подавляющем большинстве случаев имеют в презенсе ударение на окончании или, изредка, колебания, отчётливо противопоставляясь таким образом рефлексам а. п. b_1 :

а. п. c : рус.⁶ *говори́т, запороши́т, борони́т, дари́т(ся)* и т. д., хотя есть небольшое количество примеров с колебаниями: *ва́рит, губи́т*;

а. п. b_2 : рус. *всели́тся, запали́т, кури́т(ся), гнѣзди́тся* и т. д., пример с колебанием: *бѣли́т*;

а. п. b_1 : рус. *ходи́т, броди́т, води́т, носи́т, люби́т*.

К сожалению, во многих случаях ударение в презенсе не представлено, так как не могло быть достоверно установлено на основе анализа источников.

⁶ Здесь и далее помета «рус.» будет означать отсылку к [СРЯ-18], если не указано иначе.

4.3. Западнославянская система. Чешский и словацкий языки противопоставляют прасл. долготные а. п. b_1 и b_2 (корень с долготой) долготной а. п. c (корень с краткостью): чеш. *libit(i)*, *libim* и *pálit(i)*, *pálim* : *dělit(i)*, *dělím*, словц. *l'úbit'*, *l'úbim* и *pálit'*, *pálim* : *delit'*, *delím*.

То же и в словинцком: *l'úbjā*, *páclā* : *ziēlā*, однако словинцкий сохраняет более старую систему долгот. Противопоставление наблюдается здесь только в презенсе, инфинитивы всех парадигм содержат краткий гласный: *l'ābjīc*, *pālēc*, *ziēlēc*⁷. Продление гласного в инфинитиве в чешском, словацком и польском по аналогии с презенсом — процесс поздний и нефонетический [Дыбо 2000: 90–91].

Несмотря на подвижность, место ударения в словинцких i -глаголах унифицировано и зависит от формы и вида глагола и наличия приставки, а не от праславянской а. п. [Lorentz 1925: 99].

В случае, если корень содержит прасл. $*o/ę$ или $*ToRT/TeRT$, релевантным также оказывается польский язык: в глаголах а. п. b_2 гласный корня отражается как q и $ó$: *mącić*, *sądzić*, *młócić*, а в глаголах а. п. c — как $ę$ и o соответственно: *tępić*, *dębić*, *mroszczyć się*.

В случае $ToRT/TeRT$ аналогичное польскому распределение показывает верхнелужицкий: *młócić*, *włócić*.

Для реконструкции глаголов с краткостным корнем западнславянские языки непоказательны.

4.4. Болгарская система. Болгарский язык противопоставляет любые глаголы а. п. b_1 или b_2 (ударение на корне во всех формах, кроме императива) глаголам а. п. c (ударение на суффиксе): *хòдя*, *лòбя*; *стòря*, *пàля* : *родя*, *деля*.

Старогырновская система [ОСА: 229 и далее] устроена аналогично: ударение на корне в большинстве форм у глаголов а. п. a , b_1 и b_2 и подвижное ударение у глаголов а. п. c .

4.5. Словенская система. В литературном словенском языке находим особенно полезное для реконструкции различие краткостных а. п. b_1 , b_2 и c : *hodíti*, *hódim* : *tvóriti*, *tvórim* : *rodíti*, *rodím*. Долготные b_1 и b_2 противопоставляются долготной а. п. c : *ljúbiti*/*ljubíti*,

⁷ Словинцские формы цитируются по [Lorentz 1908]. Знаки $\underset{~}{\cdot}$, $\underset{\cdot}{\cdot}$ в словинцской орфографии Лоренца ставятся над гласными «краткой ступени» (Kurztstufe), т. е. гласными, исторически соответствующими чешским, словацким и древнепольским кратким (a , e , i и т. д.), $\hat{\cdot}$ и $\acute{\cdot}$ — над гласными «долгой ступени» (Langstufe), соответствующими чешским, словацким и древнепольским долгим ($á$, $é$, $í$ и т. д.).

ljúbim, páłiti / palíti, páłim : delíti, delím. Вариант с ударением на корне вторичен [Šekli 2005: 46], при этом некоторые глаголы (например, *píłiti*) не сохранили варианта с ударением на окончании. [ЭССЯ] приводит больше примеров первичного ударения, чем [SSKJ]. Глаголы прасл. а. п. с вариаций в ударении не имеют.

4.6. Штокавско-чакавская система. Литературный штокавский (сербохорватский) язык, равно как и старохорватский диалект Крижанича, всегда отличает краткостные итеративы (ударение в презенсе на корне) от краткостных каузативов/деноминативов а. п. *b₂* и *c* (ударение в презенсе на суффиксе): лит. шток. *hòdīm : tvòrīm, ròdīm*, Криж. *xòdim : tvorīm, rodīm*. При этом подавляющее большинство каузативов/деноминативов в лит. штокавском при присоединении приставки меняет ударение на накоренное: *ùtvorīm, ìzrodīm*.

Для определения парадигм долготных глаголов литературный сербохорватский язык нерелевантен, так как подавляющее большинство глаголов долготных а. п. *b₁*, *b₂* и *c* слились в нём в результате фонетических и морфологических перестроек в одну парадигму с долготным предударным корнем в инфинитиве и долготным ударным корнем в презенсе: *ljúbiti, ljúbīm; páłiti, páłīm; dijèłiti, dijèłīm*.

Ситуация с долготными глаголами у Крижанича не так однозначна.

М. В. Ослон высказывает мнение, что долготная а. п. *b₂* продолжается в диалекте как долготная *b* (*búłim*), а долготная а. п. *c* — как а. п. *c* с краткостью в большинстве форм (*gluším*). Имеются списки исключений в обе стороны:

гришím, красím (< прасл. а. п. *b₂*);

блáжим, крп́тим, л́ним се, н́стим, сл́ним, ж́вим, тв́рдим, ц́лим, л́шим (< прасл. а. п. *c*) [Осло́н 2008: 64].

Первые два глагола Ослон не комментирует никак, а второй список описывает общими словами: «В некоторых случаях его, вероятно, можно объяснять аналогией с членными формами прилагательных, однако оно может быть и проявлением рано начавшейся (и далеко зашедшей в современных чакавских диалектах) тенденции к обобщению оттяжки с суффикса на гласные *ě, i, u*» [Осло́н 2008: 64].

Такое же мнение находим у Р. В. Булатовой: «В кайкавско-чакавском говоре XVII в. Ю. Крижанича <...> отражён один из ранних этапов перехода от праславянского состояния к современному сербохорватскому состоянию: глаголы *a* и *c* а. п. образованы соответственно

от имён *a* и *c* а. п., в а. п. *b* остались глаголы от имён *b* а. п. с долготным корнем, глаголы же от краткосложных имён *b* а. п. перешли уже в *c* а. п.» [Булатова 1975: 112].

Однако при сплошном просмотре материала обнаруживается, что число «исключений» сравнимо с числом глаголов, «продолжающих» праславянскую парадигму. Это особенно странно выглядит на фоне последовательного противопоставления в говоре Крижанича рефлексов краткостных прасл. парадигм *b*₂ и *c* парадигме *b*₁.

Из изученного мной материала⁸ около 60 глаголов долготной прасл. а. п. *b*₂ отражаются как долготная а. п. *b* (*бїдим*, *кльўчим*, *льўтим се*) и более 25 — как а. п. *c* (*зришїм*, *језїм*, *мертвїм*); более 40 глаголов долготной прасл. а. п. *c* дают у Крижанича а. п. *c* (*будїм*, *глушїм*, *зїмим*) и около 30 — а. п. *b* (*злїсим*, *зрўбим*, *мїрим*). Колебания а. п. отмечены у 5 глаголов прасл. а. п. *b*₂ (напр., *кратїм* и *кратїм*, *жолтїм* и *жолтїм*) и у 2 глаголов прасл. а. п. *c* (*тиснїм* и *тїсним*, *кривїм* и *крївим*).

По-видимому, диалект Крижанича отражает более раннюю стадию процесса, произошедшего в литературном штокавском: глаголы с сократившимися по фонетическим причинам⁹ корнями (вида **кривїти*, *кривїм*) постепенно приобретают долготу в корне по аналогии с производными вида *крївївь*, *крївост* и императивом **крївї*, в результате чего появляются глаголы вида **крївїти*, *крївим*. Диалекты, лёгшие в основу литературного штокавского, практически завершили этот процесс, однако среди штокавских и чакавских диалектов встречаются и менее прогрессивные. Кайкавско-чакавский говор села Махично Карловацкой жупании, находящегося в 14 км от родной деревни Юрия Крижанича, показывает в целом ту же картину, что и диалект Крижанича, с небольшими отклонениями: среди долготных *i*-глаголов девять имеют суффиксальное ударение у Крижанича и накоренное в Махичном; шесть — наоборот. Подробнее см. [Каровїс 2011b: 168–172].

Таким образом, несмотря на то, что диалект Крижанича был отнесён Николаевым к третьему типу отяжек (**ložitь*, **xvalitь*) [ОСА: 111, 112, в т. ч. сноски], а штокавский — ко второму (**lōžitь*, **xvalitь*) [ОСА: 110, 112], более вероятным представляется, что и штокавская

⁸ Для исследования использовался корпус трудов Ю. Крижанича в программе [Verba], автор М. Ослон.

⁹ Подробное описание процесса см. в работе [Каровїс 2011a].

система, и «старохорватская» система Крижанича выводятся из состояния, в котором глаголы а. п. *b₂* имеют в презенсе ударение на суффиксе (4-й тип отяжек **ložitъ*, **xvalitъ*).

Даже если моё мнение окажется неверным, на достоверность выводов настоящей работы это не повлияет: штокавские и «старохорватские» глаголы с долготным корнем попросту не используются в исследовании.

4.7. Обобщение. Вышеизложенные данные можно суммировать в следующих таблицах.

Глаголы с кратким гласным в корне:

прасл. а. п.	рус.	слвн.	болг.	тырн.	шток.	Криж.
B₁	<i>ходѹтъ</i> <i>ходѹт</i>	<i>hoditi</i> <i>hōdīm</i>		<i>ѡходѹти</i> <i>приходѹтъ</i>	<i>hōditi</i> <i>hōdīm</i>	<i>ходѹти</i> <i>ходѹм</i>
B₂	<i>творѹтъ</i> <i>творѹт</i>	<i>tvōriti</i> <i>tvōrim</i>		<i>творѹти</i> <i>творѹмъ</i>	<i>tvōriti</i> <i>tvōrīm</i>	<i>творѹти</i> <i>творѹм</i>
C	<i>родѹтъ</i> <i>родѹт</i>	<i>roditi</i> <i>rodīm</i>		<i>родѹти</i> <i>родѹтъ же</i>	<i>rōditi</i> <i>rōdīm</i>	<i>родѹти</i> <i>родѹм</i>

Глаголы с долгим гласным в корне:

прасл. а. п.	рус.	слвн.	болг.	тырн.	чеш.	слвц.	слвнц.
A	<i>избѡвить</i> <i>избѡвит</i>	<i>izbāviti</i> <i>izbāvim</i>		<i>izbāvily</i> <i>izbāvity</i>	<i>zbavit(i)</i> <i>zbavim</i>	<i>zbavit'</i> <i>zbavim</i>	<i>zbāvȳc</i> <i>zbāvȳq</i>
B₁	<i>любѹтъ</i> <i>любѹт</i>	<i>ljūbiti</i> / <i>ljubiti</i> <i>ljūbim</i>		<i>любѹти</i> <i>възлюбѹшии</i>	<i>libit(i)</i> <i>libim</i>	<i>lūbit'</i> <i>lūbim</i>	<i>lābjȳc</i> <i>lūbjȳq</i>
B₂	<i>палѹтъ</i> <i>палѹт</i>	<i>pālit(i) / paliti</i> <i>pālim</i>		аор. <i>распāли сѧ</i>	<i>pālit(i)</i> <i>pālim</i>	<i>pālit'</i> <i>pālim</i>	<i>pālȳc</i> <i>pāljȳq</i>
C	<i>делѹтъ</i> <i>делѹт</i>	<i>deliti</i> <i>delim</i>		аор. <i>рāздѣли</i>	<i>dēlit(i)</i> <i>dēlim</i>	<i>delit'</i> <i>delim</i>	<i>zĳelȳc</i> <i>zĳelȳq</i>

5. Материал

5.0. Праформы исследуемых существительных и глаголов

Наличие акцентной парадигмы *d* отмечалось хотя бы в качестве варианта у следующих слов. Слова взяты из [Николаев 2012: 171–173], если не указано иначе.

**bergъ*, **blōdъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 59], **bobrъ*, **bobъ* V/D [ОСАС: 152], **bodъ* D? [ОСАС: 155], **bojъ* [Зализняк 2011: 88], **bokъ*, **borvъ*, **borъ* (V/D [ОСАС: 164]), **brodъ* (D/C [ОСАС: 167]), **brusъ* V/D, **cēpъ* V/D, **časъ* A/D, **čerdъ* V/D, **činpъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 58], **čьlnъ* [ОСА: 141, Зализняк 2011: 238], **dolъ* [ОСАС: 172], **drobъ* C/D [ОСАС: 181], **drozdъ* V/D [ОСАС: 183], **dъlgъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 59], **glogъ* V/D [ОСАС: 190], **gněvъ*¹⁰ [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 53], **gonъ* V/D [ОСАС: 193], **gordъ*, **grobъ* V/D, **gromъ* V/D (D/C по [ОСАС: 199]), **gvozďъ* V/(D) [ОСАС: 204], **gъrbъ* [ОСА: 141, Зализняк 2011: 209], **kljunъ* [Shrager 2011: 217], **kolo*, **kolsъ*, **kotъ* D/(B) [ОСАС: 208], **korbъ*, **kosъ* [ОСАС: 210], **kotъ* V/D [ОСАС: 212], **kōsъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 53], **krojъ* [Shrager 2011: 217], **krovъ* V/D [ОСАС: 214], **krogъ*, **květъ*, **kujъ* [ОСА: 142, Зализняк 2011: 159], **ladъ* A/D?, **lazъ* A/D?, **listъ* (видимо, V/D) [ОСА: 142], **logъ* D? [ОСАС: 219], **lomъ* V/D [ОСАС: 220], **lovъ* V/D [ОСАС: 221], **lōkъ* (?), **lōgъ*, **lъnъ* V/D, **měxъ* V/D?, **moltъ*, **morkъ* [ОСА: 143], **mostъ* V/D [ОСАС: 226], **mozgъ*, **mъxъ* V/D, **nadъ* D/C, **nerstъ/norstъ*, **nizъ* [ОСА: 143], **norvъ* V/D, **nosъ*, **razъ* [ОСА: 143], **pepeľъ/popelъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 58], **platъ* [ОСА: 144] (C по [Зализняк 2011: 246]), **plodъ* D/(B) [ОСАС: 238], **plotъ*, **podъ* V/D, **polъ* V/D [ОСАС: 247], **polъ*, **porxъ*, **postъ* V/(D) [ОСАС: 250], **potъ*, **porъ* [Зализняк 2011: 241], **pridъ* A/V/D, **prōtъ* [ОСА: 144], **pъrstъ* V/D, **rēdъ*, **rēpъ* [Shrager 2011: 217], **rogъ*, **rojъ* [ОСА: 145], **rovъ* V/D [ОСАС: 267], **rъtъ* [Зализняк 2011: 249], **sernъ* V/D, **sitъ* V/D, **slēdъ*, **slojъ* [ОСА: 146], **slonъ* (V/D?) [ОСАС: 270], **směxъ* V/D, **smokъ* [ОСАС: 271], **sněgъ*, **sokolъ* D?, **somъ* V/D [ОСАС: 277], **sormъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 55], **sōkъ*, **stanъ*, **stavъ* A/D, **(s)termъ* V/D, **stogъ*,

¹⁰ В [Николаев 2012: 171] имеет индекс «С (?)», однако акцентуация производного глагола (см. ниже) показывает, что а.п. *d* (или а.п. *b*) тоже, вероятно, имела место.

**straxъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 57], **stropъ* В/D [ОСАС: 284], **studъ* [Зализняк 2011: 217] и **stydъ* [ОСА: 147], **svekrъ*, **srъrъ* [ОСА: 147], **tokъ* [ОСАС: 285], **tvorъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 55], **udъ* В/D?, **valъ*, **večerъ*, **verdъ* [ОСА: 147], **versъ*, **věкъ*, **volsъ*, **vorgъ*, **vortъ* [ОСА: 148], **vosкъ* В/D, **vozъ* (С/D по [ОСАС: 294]), **vъrxъ* В/D, **xoldъ*, **xvorstъ* В/D, **zidъ* [Shrager 2011: 218], **zobъ* D? [ОСАС: 301], **zorkъ* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 56], **zqbъ*, **zvонъ* D (В) [ОСАС: 302], **žarъ*, **želbъ*, **žirъ*.

В список не попали следующие спорные случаи:

1. Слово **sadъ* причисляется Зализняком [Зализняк 2011: 214] к а. п. *d* на основе русского материала, однако в [Николаев 2012: 68, 111] обосновывается его принадлежность к а. п. *c*.

2. Слово **xodъ* имеет сложную маркировку С; В/D в [ОСАС: 297], но в [Николаев 2012: 98] объяснено, что D не имела места.

3. О слове **znakъ* мнения различны: а. п. *d* [Shrager 2011: 218; Зализняк 2011: 219; Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 56], хотя в [Николаев 2012: 119] утверждается, что Шрагер на самом деле приводит рефлекс а. п. *c*. Так или иначе, все глагольные примеры указывают на а. п. *c* либо а. п. *a*, а значит, никак не указывают на возможную а. п. *d* производящего: рус. *znáčitъ* а. п. *a*, однако «Что ваших войск приход значит?» (Ломоносов); слвн. *znáčiti*, *znáčim*, по музыкальной норме *znáčiti*, *znáčim* — рефлекс а. п. *a*; чеш. *značit*, слвц. *značit'*, словинц. *znāčis*, *znāčq* — а. п. *a* или *c*; лит. шток. *znāčīt*, Криж. *znāчим* — общий рефлекс а. п. *c* и *b*₂.

В исследуемых языках были обнаружены следующие *i*-глагольные дериваты от перечисленных существительных (или, в случае восстанавливаемой прасл. а. п. *b*₁, глаголы с той же основой):

**blōditi*, **bočiti*, **broditi*, **brusiti*, **cēpiti*, **činiti*, **drobiti*, **dълžiti*, **goniti*, **gněviti*, **gorditi*, **gromiti*, **gvozdit*, **gъrbiti*, **kolesiti*, **kolsiti*, **komiti*, **korbiti*, **kotiti*, **kōsiti*, **krojiti*, **kroviti*, **krožiti*, **květiti*, **laditi*, **laziti*, **listiti*, **lomiti*, **loviti*, **ložiti*, **lōčiti*, **moltiti*, **morčiti*, **mostiti*, **možžiti*, **mъšiti*, **naditi*, **nerstiti*, **niziti*, **norviti*, **pepeliti*, **platiti*, **ploditi*, **polziti*, **poršiti*, **postiti*, **potiti*, **pъrstiti*, **rojiti*, **roviti*, **rēditi*, **slojiti*, **sloniti*, **slēditi*, **směšiti*, **sněžiti*, **sormiti*, **staviti*, **strašiti*, **studiti*, **stydit*, **točiti*, **tvoriti*, **valiti*, **verditi*, **vortiti*, **voržiti*, **voziti*, **voščiti*, **vъršiti*, **xolditi*, **xvorstiti*, **zobiti*, **zorčiti*, **zvонiti*, **zqbiti*, **čerditi*, **žariti*, **želbiti*.

Их можно разделить на следующие группы:

5а. Глаголы, непоказательные для исследования

5.1. А. п. b_1 (итеративы). На эти глаголы однокоренные существительные а. п. d не могли оказать и не оказывали никакого влияния. 7 глаголов:

1. **broditi*: болг. *брѡдя*, слвн. *bróditi*, рус. *брѡдѣть* без ударения в презенсе, в поэзии XVIII в. только *брѡдим* (Кантемир, Майков, Державин, Карамзин). Итератив к **bresti*, **brědŏ* С [Дыбо 1981: 259] (хотя по [Николаев 2014: 62] В). Лит. шток. *bròditi*, *bròdīm*, Криж. *брѡдѣм*, очевидно, следует считать поздним дрейфом в открытый класс.

2. **goniti*: болг. *гѡня*, тырн. *гѡна*, лит. шток. *gòniti*, *gònīm*, Криж. *гѡним*, слвн. *góniti*, *gónim*, рус. *гѡнишь*.

3. **lomiti*: слвн. *lomíti*, *lómim*, Криж. *лѡмим*, рус. *ломѣть(ся)* без ударения в презенсе, в поэзии XVIII в. только *лѡмит* (Третьяковский, Сумароков, Державин, Херасков, Петров, Капнист; — здесь и далее цитаты из [НКРЯ]). Болг. *ломѣ* вторично, см. [Дыбо 2000: 435]; лит. шток. *lòmiti*, *lòmīm*, по-видимому, позднее, так как у Крижанича закономерный рефлекс (*лѡмим*).

4. **moltiti*: болг. диал. *млѡтя*, рус. *молѡтум*, словен. *mlátiti*, чеш. *mlátit*, слвц. *mlátit'*, словинц. *mlŏcěc*, *mlŏcŏcŏ*, также ст.-польск. *mlócić* (при совр. *młocić*), влуж. *mlŏcić*. В [ЭССЯ: XIX-194] ошибочно назван каузативом¹¹.

5. **točiti*: рус. *затѡчѣть*, *натѡчѣть*, в презенсе ударения нет; совр. рус. *тѡчит* (ранее встречалось и инновационное *точѣть* [Зализняк 2011: 129]); «и тѡчит лѣзвее косы» (Державин, 1779); «как рѡтай тѡчит серп» (Муравьев, 1770-е гг.); слвн. *točiti*, *tóčim*, болг. *тѡча*, тырн. *тѡчить* [ОСА: 236], Криж. *тѡчим*. Лит. шток. *tòčiti*, *tòčīm*, очевидно, инновация. Глагол считается каузативом от **teŭi*, но большинство языков показывают рефлекс а. п. b_1 , свойственной итеративам.

6. **voziti*: болг. *вѡзя*, рус. *вѡзим*, слвн. *vóziti*, чеш. *vožit*, слвц. *vožit'*, лит. шток. *vòziti*, *vòzīm*, Криж. *вѡзим*.

7. **vortiti*: болг. *врѡтя*, тырн. *разврѡму* (аорист), слвн. *navrátiti se* 'einlenken, einkerhen', чеш. *vrátit*, слвц. *vrátit'*, польск. *wrócić*, влуж. *wrócić*, рус. *ворѡтѣть*, *ворѡтум*.

¹¹ В [ЭССЯ] каузативами называются в том числе и деноминативы, т. е. по их версии этот глагол означает «орудовать молотом».

5.2. А. п. а в качестве единственного варианта. Все эти глаголы имеют производящее а. п. а. 6 глаголов:

1. **gʹrbiti*: болг. *gʹrǒbja se*, лит. шток. *gʹrbiti*, Криж. *poǵérbim se*, слвн. *gʹrbiti, gʹrbim*, чеш. *hrbiti*, слвц. *hrbitʹ (sa)*, влуж. *horbić (so)*, нлуж. *gjarbiś (se)*, польск. *garbić*, рус. *górbить*, укр. *górbити*, блр. *górbіць*. Производное от не сохранившегося **gʹrba* а. п. а?

2. **korbiti*: рус. лит. и диал. *коробить*, укр. *коробити*, чеш. *krabit* в разных значениях. Производное от **kórba* а. п. а.

3. **laditi*: чеш. *ladit*, Криж. *ládим*, рус. *ládить*, укр. *ládити*, блр. *ládзіць*. Производное от варианта **ládъ* а. п. а.

4. **laziti*: болг. *lǎzja*, лит. шток. *lǎziti*, Криж. *lázим*, слвн. *láziti*, чеш. *lazit*, слвц. *lazitʹ*, рус. *lázить*, укр. *lázити*, блр. *lázіць*. Итератив от **lěsti* а. п. а.

5. **naditi*: болг. диал. *nǎdja*, слвн. *náditi*, лит. шток. *nǎditi*, Криж. *nádim*, ст.-чеш. *naditi*, рус. диал. *náдить*, укр. *náдити*, блр. *náдзіць*. Производное от **nádo* а. п. а, ср. с.-х. уст. *nǎdo* 'сталь'.

6. **staviti*: болг. *postǎvja*, тырн. *óstavити*, рус. *stáвить*, лит. шток. *stáviti*, Криж. *stávим*, слвн. *stáviti*, чеш. *stavit*, слвц. *stavitʹ*. Производное от варианта **stávъ* а. п. а.

5.3. А. п. а наряду со следами других парадигм. 1 глагол:

1. **polziti*: слвн. *pláziti se, plázim se* наряду с *pláziti se, plázim se* 'ползать'; слвц. *plazitʹ sa* 'ползать'; рус. диал. *полóзить* 'ползать' [Даль 1903: III-667]; лит. шток. *plàziti* 'ползать'. Неясно, деноминатив от **polzъ* или итератив от **plysti*.

5.4. Рефлексы а. п. b₂ при наличии производящего а. п. b. 3 глагола:

1. **čerditi*: слвн. *čréditi*, чеш. *(s)trǐdit*, влуж. *črjódzić* закономерно указывают на прасл. а. п. b, так как кроме **čerdъ* В/D есть ещё более частое **čerdà* В и даже **čerdó* В [ЭССЯ: IV-61].

2. **lōčiti*: болг. *лѣча, отлѣча*, тырн. *ѡлѣчил са*, слвн. *lōčiti*, чеш. книжн. *loučiti* [ЭССЯ: XVI-133], *sloučit* 'соединить', слвц. *lúčitʹ sa*, словинц. *lačis, lóuča*, польск. *łączyć*. В [Зализняк 2011: 229] др.-рус. *лукъ* < **lōkъ* указан как С, несмотря на наличие формы *лукú* (вин. мн.). Лит. *lañkas* 2 говорит скорее за В/D. Следует предполагать, что а. п. b₂ обусловлена словом **lōkà* В.

3. **roviti*: болг. *рѡвъ* (болг. *рѡвѣт* — рефлекс а. п. b). Лит. шток. *rōviti, rōvīm*.

5.5. Каузатив от другого глагола. 1 глагол:

1. **ložiti*. В₂: болг. *лòжа*, тырн. *полòжити*, слвн. *ložiti, lóžim* (только бесприставочный) || С: слвн. также *ložiti, ložim*, с приставками только *-ložiti, -ložim* || В₂/С: лит. шток. *lòžiti, lòžim*, Криж. *ложйм*. Рус. *вложить, заложить, наложить* без ударения в презенсе; в русской поэзии XVIII в. только *полòжит* (Кантемир, Ломоносов, Муравьев, Петров, Радищев), согласно [Зализняк 2011: 113]: *с* (следы *b* и нов. *b*). Каузатив от **letì*. По поводу а. п. праславянского глагола нет консенсуса, см. подробнее [Скляренко 1998: 158, 168]. Возможность влияния существительного **logъ* на парадигму глагола едва ли стоит рассматривать.

5.6. Деноминативы (рефлексы а. п. *b*₂ или *с* неразличимы). 7 глаголов:

1. **kolesiti*: рус. *колесím*. По-видимому, нигде, кроме русского, не встречается.

2. **kroviti*: с.-х. диал. *крòвити* 'помещать под крышу, крыть' [ЭССЯ: XIII-20] без презенса.

3. **možžiti*: рус. *измождím, измождйм*. Польск. *móždžyc* 'думать, мудрить', *odmóždžyc* 'pozbawić kogoś zdolności samodzielnego myślenia' [SJP], не указанное в [ЭССЯ], — по-видимому, современное новообразование от *móžg*, в котором *ó* распространилось на всю парадигму. Ср. также совр. рус. *грóбить* а. п. *а*.

4. **mšiti*: слвн. *mašiti, mašim*, чеш. *mšit*, рус. *мишть* — нет показательных в плане ударения форм из-за редуцированного в корне.

5. **prstiti*: рус. *перстímь* 'воровать' [Даль 1903: III-256]. По-видимому, нигде, кроме русского, не встречается.

6. **komiti*: шток. уст. *kòmiti, kòmim* 'schälen (den Kukuruz); auskórnen' [Карацић 1852: 287], рус. диал. *комímь* 'сбивать или взбить в комья' [Даль 1903: II-377].

7. **zobiti*: рус. диал. *зобímься* 'заботиться, беспокоиться', шток. уст. *зобити, зòbitim* '(конья) füttern mit Körnern' [Карацић 1852: 213].

5б. Глаголы, показательные для исследования**5.7. Деноминативы (рефлексы а. п. *с*). 22 глагола:**

1. **dьžiti*: болг. *задължà*, слвн. *dolžiti, dolžim*, чеш. *dlužit se*, слвц. *dlžiť*. Рус. *одолжím*.

2. **drobiti*: болг. *дробя*, тырн. прич. *раздроблénна*, слвн. *drobiti*,

drobím. Рус. *дробить, дробím*, лит. шток. *dròbiti, dròbím*, Криж. *раз-дробím*.

3. **gorditi*: болг. *градя*, тырн. *òградíишж*, слвн *gradíti*, чеш. *hradit*, слвц. *hradiť*, словинц. *-grñǰěs, -grñǰziš*; рус. *(на-, за-)городит* — в [СРЯ-18] без ударения. В поэтическом подкорпусе [НКРЯ] всего две находки за XVIII век: «широкие усы и шапка набекрень, // и будто он горóдит дребедень» (Я. Б. Княжнин — родился во Пскове) и «то место, кое мы горóдим, сýем, плáтим, // колóтим и клеím, чтоб то поправить нам» (И. Ф. Богданович — родился в Курске; кроме *городить*, расходящегося с предполагаемой формой, здесь видим также *сýем*, расходящееся с присутствующими в [СРЯ-18] формами *засуёт* и *засуётся*); начиная с середины XIX века встречаются оба варианта ударения, хотя *горóдит* чаще.

4. **gromiti*: болг. *гromя*, рус. *громít*. Криж. *громím*.

5. **kolsiti*: болг. *клася*, слвн. *klasíti (se), klasím (se)*, чеш. диал. *klasit se*, слвц. *klasit' sa*, словинц. *klñǰěs sa, klñǰša sa*, польск. *kłosić się*. Рус. *колосíишься*.

6. **krojiti*: болг. *кроя*, слвн. *krojíti, krojím*. Рус. *кроítь, кроít*, лит. шток. *kròjiti, kròjím*, Криж. *крьóиm*.

7. **listiti*: болг. *листуишь* (Геров) [ЭССЯ: XV-144], чеш. *listit*, ст.-слвц. *listit'*.

8. **loviti*: слвн. *lovíti, lovím*, болг. *ловя*, тырн. *ловíиmи*. Лит. шток. *lòviti, lòvím*, Криж. *ловíиm*. При этом рус. *ловítь, ловít*. По свидетельству Зализняка [Зализняк 2011: 109], накоренное ударение в русском в этом глаголе начинает встречаться с XVII века: Колм. (1670) и Цел. (XVI–XVIII вв.). Остальные примеры показывают ударение на суффиксе.

9. **mostiti*: слвн. *mostíti, mostím*. Лит. шток. *mòstiti, mòstím*, Криж. *мостíиm*, рус. *мостíишь, мостíиm*.

10. **nerstiti*: болг. лит. *мръстя се*, слвн. *mrestíti se* (през. *mrestím se*), *mrstíti se, drestíti se, drstíti se* и т. д. (но и *mrèstiti se, mréstim se*), польск. *mroszczyć się* [ЭССЯ: XXV-8].

11. **norviti*: ст.-чеш. *nравiti*. Рус. *норовít(ся)*. Болг. *нрãвя се, нрãвил се*, по-видимому, заимствовано из русского.

12. **pepeliti*: болг. *изпенеля*, слвн. *pepelíti, pepelím*. Рус. *испенелíиm*, Криж. *пенелíиm*.

13. **potiti*: слвн. *potíti se, potím se*. Глагол общеславянский: сев. рус. *потíишь* [Даль 1903: III-926], также слвц. *potit' sa*, чеш. *potit se*, Криж. *потíиm се*.

14. *rojiti: слвн. *rojíti, rojím* (и *rójim*), болг. *роя се*. Совр. рус. *роу́ться, рои́шься*, лит. шток. *ròjiti, ròjím*, Криж. *роу́м се*.

15. *slojiti: слвн. *oslojíti, oslojím*. Совр. рус. *слои́ться, слои́тся*, лит. шток. *raslòjiti, ràslojím*.

16. *sloniti: слвн. *nasloníti, nasloním* (и *naslónim*), болг. *заслоня*. Рус. *заслоню́, заслоню́м*, лит. шток. *naslòniti, nàsloním*, Криж. *слоню́м*.

17. *sněžiti: болг. *снежю́*, слвн. *snežíti*, слвц. *snežit'*, чеш. *sněžít*, словинц. *snježěc, snježq*. Совр. рус. *снежю́м*.

18. *valiti: слвц. *valit'*, чеш. *valit*, словинц. *vālěc, vālq*, рус. *валю́м* и *ва́лут*, болг. *валя́*, слвн. *valíti, valím*.

19. *voščiti: слвн. *voščíti, voščím*. Рус. *вошцум* без ударения, совр. только *вошцум*, Криж. *вошци́ум*.

20. *xolditi: болг. *хладя́*, слвн. *hladíti, hladím*, чеш. *chladit*, слвц. *chladit'*, словинц. *χlùǰzěc, χlùǰziš*, польск. *chlodzić się*. Рус. *холодю́м*.

21. *xvorstiti: чеш. *chrastit* 'шелестеть'. Для рус. *хворостить* у Даля приводятся разные значения: '(дорогу) гатить хворостом, (кого) сечь или хлестать прутом; пск. хламостить, сплетничать' [Даль 1903: IV-1176], однако ср. пример из повести В. Ветрова «Кедровый дух» со значением, схожим с чешским: «А тайга, вечерняя, шепотит-хворостит» (1920–1929 гг.).

22. *zvoniti: слвн. *zvoníti, zvoním*. Рус. *звоню́м, звоню́м*, лит. шток. *zvòniti, zvòním*, Криж. *звоню́м*.

5.8. Рефлексы а. п. *b*₂ без производящего а. п. *b*. 7 глаголов:

1. *bočiti: слвн. *bóčiti (se)*. Рус. *бочу́ться*.

2. *blqđiti: слвн. *blodíti/blóđiti, blóđim*, чеш. *bloudit*, слвц. *blúdit'*, словинц. *blāžěc, blóžq/-zq*. Рус. *блудю́м*.

3. *brusiti: болг. *бруся́* 'сбивать, срывать плоды', слвн. *brúsiti* 'точить', чеш. *brousit*, слвц. *brúsit'* (при чеш., слвц. *brus* 'точильный камень!'). Рус. *брусить* 'разделять на брусья' — нет ударения.

4. *kqsiti: слвн. *kósiti* 'обедать, закусывать', польск. диал. *kónsić* [ЭССЯ: XII-66], словинц. *kāšěc, kóušq*. Рус. *вкусю́м, вку́сум*.

5. *směšiti: слвн. *směšiti* (при *sméh, sméha!*). Рус. *насмѣшю́м*.

6. *sormiti: болг. *сра́ма*.

7. *tvoriti: болг. *твора́*, тырн. *твóришии*, слвн. *tvóriti*. Лит. шток. *tvòrít*, Криж. *творю́м*, рус. *натворю́м*.

5.9. Деноминативы (рефлексы а. п. *b*₂ наряду с а. п. *c*). 25 глаголов:

1. **sěpiti*. В₂: болг. *цѣня*, слвн. *nasěpiti/nacěpiti*, бесприставочный только *sěpiti*, през. *(na)sěpim* || С: ст.-чеш. *sěpiti* ‘нести, тащить’. Рус. *нацѣпѣнѣ*; в поэтическом подкорпусе [НКРЯ] ударение за XVIII и XIX вв. только накоренное.

Общесл. **sěpъ* а. п. с [Зализняк 2011: 264] считают поздним производным от глагола [ЭССЯ: III-187].

2. **činiti*. В₂: болг. *чѣня*, слвн. *číniti/číniti*, *čínim* || С: тырн. *учи-нивь*, чеш. *činit*, слвц. *činiť*, словинц. *čīñic*, *čīñq*. Рус. *очинѣм*.

3. **gněviti*. В₂: болг. диал. *гнявя* [ЭССЯ: VI-169], слвн. *razgněviti* || С: болг. лит. *гневя*. Рус. *гнѣвѣтъ*, *гнѣвѣм*.

4. **gvozditi*. В₂: слвн. *g(v)ozditi*, *g(v)ozdim* || С: слвн. *g(v)ozditi*, *g(v)ozdim*. Совр. рус. *пригвоздѣтъ*, *пригвоздѣшь*, Криж. *гвоздѣм*.

5. **kotiti*. В₂: болг. *кѣтя се* || С: слвн. *kotíti*, *kotím*. Рус. *котѣться*, *котѣмся*, лит. шток. *kòtiti se*, *kòtīm se*, Криж. *котѣм се*.

6. **krōžiti*. В₂: чеш. *kroužít*, слвц. *krúžiť*, польск. *krążyć*, словинц. *krāžęc*, *króujúq*, слвн. *(ob)króžiti* и *(ob)krožíti*, *(ob)króžim*, тырн. *ѡкрѡжѣнь* || С: болг. редк. *крѣжѣ*. Рус. *кружѣм*, *закружѣмся*.

7. **květiti*. В₂: слвц. *kvietiti* || С: болг. стар. *цветя*, чеш. *květit*.

8. **morčiti*. В₂: влуж. *mrōčíc*, тырн. *пѡмрѣчи* (аорист) || С: болг. *мрѣчѣ*, слвн. *mračíti (se)*, *mračím (se)*, чеш. *mračit (se)*, слвц. *mračiti (sa)*, польск. *mroczyc (sie)*, словинц. *mārčic*, *mārčq*. Рус. *мрѣчѣтъ*, *мрѣчѣм*, рус. диал. *морѡчѣтъ*, *морѡчѣм* (ссылки см. [ЭССЯ: XIX-217]), также с накоренным ударением: рус. *морѡчѣтъ*, *морѡчѣм*, укр. *морѡчѣти*, блр. *марѡчыць*.

9. **niziti*. В₂: ст.-чеш. *níziti*, совр. чеш. *nížít*, слвц. *nížiti* || С: словинц. *ñižęc*, *ñižq*. В вост.-слав. перестройка в а. п. а: рус. *низѣтъ*, укр. *низѣти*. Словацкая и современная чешская формы перестроены под влиянием сравнительной формы **niže*.

10. **platiti*. В₂: слвн. уст. *plátiti*, *plátim* ‘оплачивать’ и книж. ‘ставить заплату’ || С: болг. *платя* ‘оплачивать’, слвн. *platíti*, *platím* ‘ставить заплату’ (вариант), чеш. *platit*, слвц. *platiť*, словинц. *plāčęc*, *plāčq*. Рус. *платѣтъ*, *платѣм* ‘оплачивать’ и ‘ставить заплату’, однако в [Зализняк 2011: 125] засвидетельствовано, что накоренное ударение в русском только с XVII в.

11. **ploditi*. В₂: тырн. *приплѡдѣти* || С: слвн. *plodíti*, *plodím*, болг. *плодѣ*. Рус. *наплодѣтъ(ся)* (ударения в презенсе нет), совр. рус. *плодѣм*, лит. шток. *plòditi*, *plòdīm*, Криж. *плодѣм се*.

12. **poršiti*. В₂: слвц. *prašiti*, чеш. *prášit*, болг. *прѣша* || С: слвн. *prašiti*, *prašim* ‘рассыпать пыль, посыпать порошком’ — помимо

уподобления слову *práh* (< а. п. *c*), возможно, намеренно разведено с *prášiiti* 'распахивать залежные земли' (от *práha* 'целина' — заимствование из немецкого, ср. нем. *Brache* 'целина'). Маловероятно, что чешский и словацкий могли сохранить долготу по аналогии с *prášek/prášok*. Рус. *запорошум*.

13. **postiti*. В₂: болг. *постя* || С: слвн. *postíti, postím* (и *póstim*). Совр. рус. *поститься, постимся*, лит. шток. *põstiti, põstīm*. Отклоняется Криж. *постіуми, ностим*.

14. **ređiti*. В₂: чеш. *říditi* 'управлять', слвц. *riadiť* 'тж.', польск. *rządzić* 'тж.', словинц. *řǎžěc, řóуzǎ* 'тж.' || С: болг. *редя* 'упорядочивать', слвн. *redíti, redím* 'питать', чеш. *řadit* 'ставить в ряд'. Рус. *нарядум, обрядум* — без ударения, совр. рус. *рядум*.

15. **slěditi*. В₂: чеш. *slídit*, слвц. *sliediť* || С: болг. *следя*, слвн. *sledíti, sledím*, словинц. *slěžěc, slězǎ*. Рус. *наслѣдум, совр. рус. следум*.

16. **strašiti*. В₂: слвн. *strašiti/strášiti, strášim* || С: чеш. *strašit*, слвц. *strašiť*, словинц. *strāšěc, strāšǎ*. Совр. рус. *страшум*.

17. **studiti*. В₂: слвн. *stúdiť se, stúdim se* || С: словинц. *stǎžěc, stǎžǎ*. Рус. *настудумь* и *застудумь* без през., совр. *остудум*, но ср. «Остудит мне сердце стужа» (Бернет, 1845).

18. **styditi*. В₂: слвн. *stídiť se, stídim se* (существительное **stydь* в словенском не сохранилось) || С: тырн. *постыдум сд*. Рус. *застыдуться, застыдуться*.

19. **verđiti*. В₂: болг. вариант *вредя*, слвн. *razvrédiť* 'обесценить, девальвировать', чеш. *rozvrědiť* 'растереть' [PSJČ: IV, 2, 1037] || С: болг. вариант *вредя*. Рус. *вредумь* без през., совр. *вредум*.

20. **voržiti*. В₂: болг. *вража* (вариант), польск. *wróżyć*, слвн. *vražiti/vražiti, vražim* || С: болг. *вража* (вариант), чеш. *vražít*. Рус. *ворожумся, ворожум* (без удар.), совр. *ворожум*.

21. **vršiti*. В₂: слвц. *vřšiť* (при *vrch*), болг. *вършиа* || С: слвн. *vršiti, vršim*. Рус. *вершум*.

22. **zobiti*. В₂: болг. *зѡбя се* 'скалить зубы' || С: слвн. *zobíti se, zobím se*, чеш. *zubit se* 'скалить зубы'.

23. **zorčiti*. В₂: слвн. *zračiti* || С: чеш. *zračit se*.

24. **žariti*. В₂: слвц. *žiarit'* 'сиять', чеш. редк. *žárit* и *žířit* 'сиять', слвн. *žáriti*, болг. *жаря* || С: слвн. *žaríti, žarím*. Рус. *жарумь* а. п. *а*.

25. **želbiti*. В₂: слвн. *žlébiti* || С: слвц. редк. *vyžlabit', užlabit'*, польск. *žłobić*, слвн. *žlebíti, žlebím*. Рус. *желобум*.

6. Статистика

В этом разделе даются сводные таблицы по глаголам, имеющим в зафиксированных языках двоякую рефлексацию: как а. п. *b*₂ и *c*.

Списки глаголов по языкам:

болг.		тырн.		слвн.	
<i>B</i> ₂	<i>C</i>	<i>B</i> ₂	<i>C</i>	<i>B</i> ₂	<i>C</i>
<i>вѣрша</i>	<i>крѣжѧ</i>	<i>о̀крѣженъ</i>	<i>постыди́м са</i>	<i>cérim</i>	<i>ko tím</i>
<i>жа̀ря</i>	<i>мрача̀</i>	<i>приплóдити</i>	<i>учини́вь</i>	<i>čínim</i>	<i>mračím</i>
<i>зѣбя се</i>	<i>платя̀</i>	<i>по̀мрачи</i>		<i>króžim</i>	<i>plodím</i>
<i>кòтя се</i>	<i>плодя̀</i>			<i>razgnévim</i>	<i>praším</i>
<i>праща</i>	<i>редя̀</i>			<i>stídím se</i>	<i>postím</i>
<i>пòстя</i>	<i>роя̀ се</i>			<i>strášim</i>	<i>rojím</i>
<i>цѣня</i>	<i>следя̀</i>			<i>vréditi</i>	<i>redím</i>
<i>чїня</i>	<i>цветя̀</i>			<i>vrážim</i>	<i>sledím</i>
				<i>zračim</i>	<i>valím</i>
					<i>žlebím</i>
					<i>zobím se</i>
<i>врèдя / вредя̀</i>				<i>plátim / platím</i>	
<i>гня̀вя / гневя̀</i>				<i>gvózdím / gvozdím</i>	
<i>вра̀жа / вражѧ</i>				<i>žárim / žarím</i>	

чеш.		слвц.		слвнц.	
<i>B</i> ₂	<i>C</i>	<i>B</i> ₂	<i>C</i>	<i>B</i> ₂	<i>C</i>
<i>kroužit</i>	(стар. <i>cěpiti</i>)	<i>krúžit'</i>	<i>činit'</i>	<i>króyžq</i>	<i>čínq</i>
(стар. <i>níziti</i>) / <i>nížiti</i>	<i>činit</i>	<i>kvietit'</i>	<i>mračit'</i>	<i>řóyžq</i>	<i>māřčq</i>
<i>prášit</i>	<i>květit</i>	<i>nížit'</i>	<i>platit'</i>		<i>nížq</i>
<i>slídit</i>	<i>mračit</i>	<i>prášit'</i>	<i>strašit'</i>		<i>plāčq</i>
<i>žárit / žírit</i>	<i>platit</i>	<i>riadit'</i>			<i>slēžq</i>
(стар. <i>rozvřiditi</i>)	<i>strašit</i>	<i>sliedit'</i>			<i>stāžq</i>
	<i>vražit</i>	<i>vřšit'</i>			<i>strāšq</i>
	<i>zračit se</i>	<i>žiarit'</i>			
<i>řidit / řadit</i>					

Число глаголов по языкам (B₂ : C):

болгарский	11 : 11
тырновский	3 : 2
словенский	11 : 15
чешский	7 : 9
словацкий	8 : 4
словинцкий	2 : 7

Частота парадигм по глаголам (B₂ : C):

<i>*morčiti</i>	2 : 6	<i>*strašiti</i>	1 : 3	<i>*zqbiti</i>	1 : 2
<i>*ręditi</i>	4 : 3	<i>*verđiti</i>	3 : 1	<i>*postiti</i>	1 : 1
<i>*krqžiti</i>	6 : 1	<i>*želbiti</i>	3 : 1	<i>*studiti</i>	1 : 1
<i>*činiti</i>	2 : 4	<i>*cępiti</i>	2 : 1	<i>*styditi</i>	1 : 1
<i>*platiti</i>	1 : 5	<i>*gnęviti</i>	2 : 1	<i>*zorčiti</i>	1 : 1
<i>*slęditi</i>	2 : 4	<i>*kvętiti</i>	2 : 1	<i>*kotiti</i>	1 : 1
<i>*voržiti</i>	3 : 2	<i>*niziti</i>	2 : 1	<i>*gvozđiti</i>	1 : 1
<i>*žariti</i>	4 : 1	<i>*ploditi</i>	1 : 2		
<i>*poršiti</i>	3 : 1	<i>*vvršiti</i>	2 : 1		

7. Вывод

Глаголы, показательные для исследования, относятся в зафиксированных языках к следующим парадигмам:

а. п. c (22)		а. п. c/b ₂ (25)		а. п. b ₂ (7)
<i>*drobiti</i>	<i>*pepeliti</i>	<i>*cępiti</i>	<i>*ręditi</i>	<i>*blqđiti</i>
<i>*dęlžiti</i>	<i>*potiti</i>	<i>*činiti</i>	<i>*slęditi</i>	<i>*bočiti</i>
<i>*gorditi</i>	<i>*rojiti</i>	<i>*gnęviti</i>	<i>*strašiti</i>	<i>*brusiti</i>
<i>*gromiti</i>	<i>*slojiti</i>	<i>*gvozđiti</i>	<i>*studiti</i>	<i>*kqđiti</i>
<i>*kolsiti</i>	<i>*sloniti</i>	<i>*kotiti</i>	<i>*styditi</i>	<i>*smęšiti</i>
<i>*krojiti</i>	<i>*snęžiti</i>	<i>*krqžiti</i>	<i>*verđiti</i>	<i>*sormiti</i>
<i>*listiti</i>	<i>*valiti</i>	<i>*kvętiti</i>	<i>*voržiti</i>	<i>*tvoriti</i>
<i>*loviti</i>	<i>*voščiti</i>	<i>*morčiti</i>	<i>*vvršiti</i>	
<i>*mostiti</i>	<i>*xolditi</i>	<i>*niziti</i>	<i>*zorčiti</i>	
<i>*nerstiti</i>	<i>*xvorstiti</i>	<i>*platiti</i>	<i>*zqbiti</i>	
<i>*norviti</i>	<i>*zvoniti</i>	<i>*ploditi</i>	<i>*žariti</i>	
		<i>*poršiti</i>	<i>*želbiti</i>	
		<i>*postiti</i>		

Можно заметить, что глаголов, так или иначе сохраняющих рефлекс прасл. а.п. *b*₂, больше, чем глаголов, имеющих только рефлекс а.п. *c* (32 против 22). Глаголы, имеющие однокоренное существительное а.п. *b*, в таблицу не попали. Таким образом, имеющиеся 32 случая сохранения а.п. *b*₂ нельзя объяснить какой-либо аналогией. Большинство из них (кроме единичных, но тоже показательных случаев, как чеш. *řadím/řídím* или слвн. *plátim/platím*) нельзя также объяснить необходимостью развести разные значения глагола. Эти глаголы, по-видимому, существовали ещё до появления а.п. *d* в праславянском языке; в то же время можно предположить, что по крайней мере некоторые глаголы, показывающие рефлекс а.п. *c*, не **сменили** парадигму в какой-то момент времени, а были **напрямую образованы** от форм существительных, совпадающих с формами а.п. *c*: **sněgъ* → **sněžitъ*.

Эти 32 глагола являются ещё одним доказательством существования в праславянском языке особой акцентной парадигмы *d*, что можно считать главным результатом настоящей работы.

К сожалению, русский литературный язык, обладая особой а.п. существительных, продолжающей прасл. а.п. *d* («1с» по классификации Зализняка: *нос, нóса — носы́, носóв, носáм*), никак не различает акцентуацию глаголов, производных от сущ. а.п. *b* и а.п. *c*. По-видимому, аналогичная картина и в диалекте острова Сусак. Остаётся открытым вопрос: если будет обнаружен славянский диалект, в котором одновременно сохраняется старая а.п. *d* существительных и различаются а.п. *b*₂ и *c* у *i*-глаголов, будут ли рассмотренные в этой работе глаголы относиться в нём исключительно к а.п. *b*₂?

Литература

- Булатова 1975 — Булатова Р. В. Старосербская глагольная акцентуация (Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения). Москва, 1975.
- Булатова, Дыбо, Николаев 1988 — Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. Москва, 1988.
- Даль 1903 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.–М., 1903–1909.

- Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва, 1981.
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. Москва, 2000.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. Москва, 1985.
- Зализняк 2011 — *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. Том II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII в.). Москва, 2011.
- ИАБС — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьбы акцентуационных парадигм. Москва, 1963.
- Караић 1852 — *Караић В. С.* Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караић. У Бечу, 1852.
- Николаев 2012 — *Николаев С. Л.* Восточнославянские рефлексy акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. Москва, 2012. С. 32–189.
- Николаев 2014 — *Николаев С. Л.* К реконструкции акцентных классов балтославянских глаголов // Балто-славянские исследования, XIX. Москва, 2014. С. 151–250.
- ОСА — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Москва, 1990.
- Ослон 2008 — *Ослон М. В.* Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа» // *Stadnik-Holzer E.* (Hrsg.). Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008). Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage I. Frankfurt am Main, 2011. С. 99–131.
- Скляренко 1998 — *Скляренко В. Г.* Праслов'янська акцентологія. Київ, 1998.
- СРЯ-18 — Словарь русского языка XVIII века. Л./СПб., 1984–.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва, 1986–1987.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Москва, 1963–.
- Derksen 2008 — *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden–Boston, 2008.
- Каповић 2011a — *Каповић М.* Shortening of the Slavic long circumflex — *one mora law* in Croatian // Wiener Slavistisches Jahrbuch, 2011, 57. S. 123–130.
- Каповић 2011b — *Каповић М.* Accentuation of *i*-verbs in Croatian dialects // Accent Matters. Papers on Balto-Slavic accentology. Amsterdam, 2011. S. 109–233.
- Lorentz 1908 — *Lorentz F.* Slovinzisches Wörterbuch. St. Petersburg, 1908–1912.
- Lorentz 1925 — *Lorentz F.* Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin und Leipzig, 1925.
- PSČJ — Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957.

Stang 1957 — *Stang Chr. S. Slavonic accentuation*. Oslo, 1957.

Shrager 2011 — *Shrager M.-M. Accentuation of masculine monosyllabic nouns of Susak speakers in New Jersey // Baltistica*, 2011, VII priedas.

Šekli 2005 — *Šekli M. Tonemski naglasni tipi glagola v (knjižni) slovenščini // Jezikoslovni zapiski*, 2005, 11, št. 2. С. 31–61.

Электронные ресурсы:

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika: www.bos.zrc-sazu.si/sskj.html.

Verba — Программа «Verba» (корпус трудов Ю. Крижанича), автор М. Ослон.

SJP — Słownik języka polskiego: www.sjp.pl.

Светозар Лашин: niekas33@gmail.com

Несколько замечаний об особенностях употребления акцентных (надстрочных) знаков в дечанском Законнике XVI в.

В настоящей работе исследование акцентных (надстрочных) знаков проведено на материале рукописной книги *Законник*¹ из собрания монастыря Высокие Дечаны (Косово и Метохия), написанной в период с 1525 по 1535 гг.² писцом иеромонахом Геннадием³. Эта рукописная книга написана полууставом с большим количеством скорописных элементов, язык — сербскославянский, ресавской редакции, с выраженными фонетическими особенностями сербского языка

¹ *Законник* — термин, который по отношению к сербским юридическим памятникам означает сборник отдельных юридических правил (законов), в отличие от современного значения, в соответствии с которым *законник*, или *кодекс*, означает правовой акт, регулирующий или все применяемые правила, или же конкретную широкую правовую область (уголовное, гражданское право). Средневековые законники обычно не устанавливали подобные правовые отношения, которые регулировались обычным правом, поскольку считалось, что людям они хорошо знакомы, вследствие чего, с современной точки зрения, в них имеется множество правовых лагун. В сербских юридических текстах слово *законник* чаще всего используется применительно к наиболее значительному правовому документу, возникшему у южных славян, — Законнику царя Душана, но встречается и в названии Законника о рудниках деспота Стефана Лазаревича («Законник благочестивого и христоролюбивого среди царей Стефана Деспота»). В то же время это слово мы находим и в других юридических памятниках, причём значения его весьма разнятся. Номоканон св. Саввы *законниками* называет знатоков византийского канонического права (канонистов), конкретно — знаменитого Алексея Аристина. В Синтагме Матфея Властаря приведено выражение *Законник* в качестве перевода названия XXVI главы Старого Завета «Проповедник» (Ἐκκλῆσιαστῶν). В Законе о рудниках упоминаются законники в значении выбранных смотрителей, [ЛССВ: 209]. Подробнее об этой рукописной книге см. [Богдановић и др. 2011: 482–485; Неделковић 2010: 325–334].

² Рукописная книга под названием *Законник* хранится в Национальной библиотеке Сербии в Белграде под сигнатурой Дечаны 116.

³ Писец Геннадий переписал текст целиком, не считая нескольких добавленных строк: начиная с 12-ой строки и до конца с. 96', с 1-ой по 7-ую строку на стр. 97 и с 11-ой по 14-ую строку на с. 97'. В записи на с. 161 иеромонах Геннадий не указал год написания книги, но судя по водяным знакам *Законник* увидел свет между 1525 и 1535 гг. [Гроздановић-Пајић 1995: 41–42].

ка и следами аналитизма в склонении, отсылающими к южным и юго-восточным диалектным территориям⁴. Из записи на стр. 161 следует, что книга переписана в храме Благовещения под Рудником⁵.

Рукописная книга, о которой идёт речь в данной работе, появилась, как мы предполагаем, в ареале современного призренско-южноморавского поддиалекта, который характерен для территории от границы с Албанией на линии Дечаны—Призрен до окрестностей Сталача и Сокобани [Ивић 1991: 215–216]. Призренско-южноморавские говоры распространены в южной части Метохии, в Подриме, Призренском крае, окрестностях Приштины и Урошевца, Сириничской жупе, Яневской и Новобрдской местности и в окрестностях Косовской Каменицы, Витины и Гнилана [Ивић 1991: 215–216]. Этим говорам⁶ сегодня свойственно экспираторное ударение, которое в основном сохраняет место «общеславянского ударения» (южная часть южноморавской диалектной зоны характеризуется специфическим местом ударения в некоторых категориях слов) [Белић 1905: 274].

В *Законнике*, о котором идёт речь, имеются следующие акцентные знаки⁷: оксия (акут) ´, вария (гравис) ` , периспомена (циркум-

⁴ Подробнее о признаках ресавской школы см. [Јерковић 1980: 19–28]; [Мошин 1964: 465–475].

⁵ Подробнее об этом монастыре см. [Петковић 1950: 29–31]. Следовательно, речь идёт не о монастыре Благовещения в Овчарско-Кабларском ущелье: † Сѣю кнѣгъ писа ѿемѣонах[ь] Генадіе- га[а]го[а]ле]моѿ Закон[нк?] и прѣложѣ ю храму Бл [а]гоѿвѣщенію. И ктѣ те ѣ ѿннѣнтѣ да ес[ть] проклет[ь]. ѿ [господ]а Б[ог]а ѿ Прѣч[н]стѣе ёго м[а]т[р]е. И ѿ тѣ[е]?[?] с[ве]тл[ь] ѿ[т]ь]ць: – І простите ѿ[т]ь]ци и в[р]атѣѿ ещ[е]? бех млод[?] наѣтѣѿ. Исправлайте а не кланнѣ[е] Господ[а] ради. Точно не установлено, когда книга оказалась в Дечанах. В 1742 г. она принадлежала попу Янко из Плава, когда и была «записана»: ѣн з[а]кнѣнкѣ попоа ѿанька в Плава пописна се ва лето 7 тисѣца смѣ годнне ѿ внтна (7242) ѿ рож[а]ст[ь]ва Х[р]и[с]т[ова] ѿѣв ([1]742, что означает, что летоисчисление велось по александрийской системе, т. е. с разницей в 5500 лет). При настоятеле Рафаиле она была выслана «с остальными книгами в Трокучани»: *Исти законикъ налазеѣи се при настоятеля Рафаила пошале се (?) сасъ остале книге за Трокуѣанѣ* (внутренняя сторона первого форзаца).

⁶ Подробнее о призренско-южноморавском диалекте см. [Ивић 1991: 216; 2009: 63–96].

⁷ Акцентные знаки и знаки придыхания (спиритусы) появляются в сербских рукописных книгах уже со второй половины XIII в. по образцу греческой письменности [Јовановић 1998: 13]. В «Шестодневе» 1263 г., переписанном с болгарского оригинала, мы находим и спиритусы, и ударения, а именно два спиритуса и два ударения [Ђорђевић 1971: 181]. Более широкое употреб-

флекс) ^, двойная вариа (кендема) ^, врахия (бревис) ^, дасия (спиритус аспер) ^, положенная дасия ^, псили (спиритус ленис) ^, положенная псили ^, псили и оксия ^ 8. Большинство слов снабжено надстрочными знаками, за исключением сокращений и слов с надстрочными буквами (в которых знак отсутствует по понятным причинам); число примеров без знаков очень невелико. И хотя не во всех словах представлены ударения, основные акцентные значения могут быть до некоторой степени выявлены при сравнении с современной ситуацией.

В материале чаще всего употребляется оксия, реже периспомена, в то время как вариа главным образом связана с окончанием слова. Данные знаки играют роль при изучении места ударения, но не при изучении количественных и тоновых характеристик акцентуированных гласных. Обозначение ударения дано последовательно, существенных отступлений не встречается, поэтому с большой степенью уверенности можно говорить о его месте.

Иеромонах Геннадий в основном чётко пишет акцентные знаки, однако некоторые написаны более мелким шрифтом, поэтому их

ление ударений в сербских памятниках появляется во времена короля Милутина и в дальнейшем в течение всего XIV века [Недельковић 1965: 489]. Вопрос об употреблении акцентных знаков в сербскославянских текстах изучен слабо. На важную роль надстрочных знаков и системы их обозначения первым в истории сербской акцентологии указал Джура Даничић [Даничић 1925: 237–320], а также Стоян Новакович [Новаковић 1877: 1–152]. Проблемой акцентуации в доресавских рукописях занималась Ольга Неделькович [Недельковић 1975: 243; 1964а: 25–51; 1964б: 255; 1967а: 100–134; 1967б: 24–32], тексты ресавского и постресавского периода также стали предметом интереса многих учёных [Новаковић 1879: 1–77; Ильинский 1908: 1351–1374; Кульбакинъ 1904: 18–47; Булатова 1971: 32–42; 1972: 38–85; 1975; 1977: 113–116; Пешикан 1977: 209–217; Стојменовић 1999: 277–287; Савић 2001: 7–97] и др. Результаты исследований варьируются от вывода, что акцентные знаки имеют фонетическое значение [Недельковић 1975: 243–254], вплоть до мнения, что смысл обозначения ударений в большинстве случаев сложен и неоднозначен. Анализ употребления акцентных знаков подразумевает значительные теоретические и практические ограничения, которые в большей или меньшей степени относятся и к другим средневековым текстам [Ивић 1955: 99–100]. Периодизация употребления надстрочных знаков в старых сербских рукописных книгах была предметом интереса и В. Загребина [Загребин 2006: 27–100].

⁸ Название акцентных знаков дано в соответствии со средневековой традицией [Новаковић 1877: 12–13; Стефановић 1970: 339–345; Ђорђић 1971: 179–182; Трифуновић 1990: 175–178].

сложно отличить друг от друга: псили ´ от положенной псили ˆ, или положенную псили ˆ от периспомены ˆˆ.

Спиритус⁹ чаще всего стоит над гласными один, во всех позициях слова, но встречается также вместе с акцентными знаками. Ленис («тонкое придыхание») ´ встречается в начале слова, а также в середине сложного слова, в начале слога, после приставки: над широким о: по́клонь 90', по́ставлати 38, ствóрити се 75', такоповрьженò 60'; над начальной омегой ω и в середине слова: óнъ 7, óсьмьдесеть 55, въ хáльхндóне 39, хóщеть 78, нéпорóчна 7'; часто над оу, но и с: оўморнть 124', оўбѣнеть 93, моўжа 124, наоўно се 2, боўде 81, въ свѣотѣ 145, вѣлажн 21', вкрѣпн 41', вчѣнтелн 50', слвжнтъ 46, златовстаго 4', испòвѣда намъ злò вѣрв 146; над а и я: а́нафе́ма 95', а́мннь 22, да́ 74', бра́та 85', ра́ба 94', прихòднта́ 10', женá 122, а́йца 78, 53, а́сть месá 102'; над е и ю: чéдо 131', болéмъ 62', кровомешéннє 87', ёсн 42, своéмъ 7, крѣщаёт се 25', врѣмѣ 110, ёмоу 93, подòбáеть 105', своéго 71; над ю: свою 83. Ленис ´ над *i* (в начале) и *u* (в середине) чаще всего обозначает *j*: ѝрѣа 14, сво́ймá 133, рáзбойннѣка 48', мáлн оўѣка 108, нсквнѣншѣн 76' и т. д., но писец ставит его и над *u* в начале: ѝхòднтъ 64, ѝсквшáтн 139, со́нѣва́ 152, ба́бн 122' и т. п.

В данной рукописной книге встречается и врахия (бревис) ˘ как особый реликт [Савић 2001: 92], обозначающий длину слога, чаще всего в корне слова, но также и в середине: по́ 140, ѣ, кѣларь 44, тѣко 114', ѣстрн 103–103', крòмѣтачѣ 93', да́ прѣнчестѣйт се 113, рѣчѣтъ 105, всакòмоу 125 и т. д.

В небольшом количестве примеров Геннадий ставит и дасию ˘, прежде всего в середине слова: тра́пѣзоу свою 191', да́ ѣдетъ 25', но́щъ 112', прочѣе 114', да́ ка́иет се 126', оўбнтн 48' и т. д.

Положенная дасия ˘ по происхождению является обычной дасией и также встречается очень редко, зачастую она похожа на периспомену и даже на спиритус ленис, что, безусловно, вносит беспорядок в графическую систему: жѣвотá ѣго 157, ѣмъ 112', слвшаётъ 192, оўдáренѣемъ малѣемъ 89, попѣчнѣе 48' и др.

В противоположных позициях в книге гораздо чаще, чем положенная дасия, употребляется положенная псили ˆ. Опорой этому зна-

⁹ Спиритусы, т. е. *spiritus asper* и *spiritus lenis*, дословно «острое» и «тонкое придыхание», над начальными гласными в древнегреческом языке обозначали начальное придыхание, в то время как в старославянском, а значит, и в старосербском, они свелись к механическому воспроизведению, поскольку ко времени возникновения старославянской письменности в греческой орфографии они уже являлись анахронизмом.

ку в *Законнике* служит спиритус ленис. Он появляется во всех позициях в слове: всегда над *ѡ*ще 14', *ѡ*го 112, *ѡ*жа 117', *п*окла*ѡ*нїе 89', *в*прѡш*ѡ*тїи 131', *в*ѡвѡ*ѡ*мо 124', *в*ѡвѡла*ѡ*вѡтъ 119, *ѡ*бръ*ѡ*чнѡвѡ сѡ сѡ нѡѡ 119', *ж*ен*ѡ*у сво*ѡ*до 126', *д*ног*ѡ* грѣх*ѡ*и 131 и т. п. Особым образом он обозначает *j*: *ѡ*жа 117', *н*їи*ѡ*х*ѡ*илом 146, *в*ѡвѡ*ѡ*мо 124', *п*одѡвѡѡтъ 13.

Кендема ` служила для обозначения долгих слогов, включая и стяжённые [Неделькович 1975: 255; Стојменович 1999: 562]. Таким образом, она обозначает долготу гласного: *в*ѡ 19, *т*ѡ 37; чаще всего встречается над короткими словами (местоимениями, регулярно над вопросительными), которые чаще всего находятся под логическим ударением: *т*ѡѡ *ѡ*во *к*о*ѡ*детъ 27', *н*ѡ сѡ прѣ*ѡ*данїе 39', *т*ѡ црк*ѡ*в ѡ*ѡ*новала сѡ кѡст 5, *в*ѡ тѡ час 128, *н*їк*ѡ*тѡ *ж*ѡ *к*ѡ творитъ 38, *к*ѡтѡ сѡ сѡдѡ без дрѣ*ѡ*вѡ 64 и т. п. Кендема встречается над гласными *a*, *o*, *e*, *i* и почти всегда над буквой *ы*, когда она стоит в конце слова, реже над *ь*: *н*едѡла*ѡ* меснѡ 4, *к*ѡтѡ 151, *д*нѡ 153, *т*рѡи коз*ѡ*и 149, *п*ѡдѡметѡ 112', *в*ѡзѡетѡ 107', *п*ощѡдетѡ 113', *н* *п*ѡклонѡвѡшьсѡ сѡ 66', но из примера *з*лѡ *з*а *з*лѡ 111 мы видим, что кендема обозначает и место ударения.

Вария ` («тяжёлая»)¹⁰ в *Законнике* чаще всего стоит на последнем слоге, в соответствии с греческой традицией¹¹: *к*о*ѡ*дѡ 4, *с*воѡѡ *н*менѡи 40', *д*ѡвѡкѡ *н* *к*авѡи 103, *ж*ѡнѡи 107, *ж*нѡкетѡ 81' и др. В этом случае она обозначает место ударения, но здесь уже происходит процесс его оттяжки на слог влево. Может быть, ударение уже было оттянуто. В то же время варию можно встретить и в начале слова, на месте оксии: *с*ѡстра*ѡ*ма 122, *гр*ѣхѡ 128', *ж*ѡна 109', *п*їтнѡ 73' и др. И здесь, по нашему мнению, она показывает место нестабильного ударения, что следует из наличия примеров одного и того же слова с тем же знаком ударения в другом месте при изменении падежа (*ж*ѡнѡ 109' и *ж*ѡнѡи 107). Это, очевидно, указывает на нестабильность ударения. Возможно, это так называемое двойное, т. е. наполовину оттянутое ударение, которое

¹⁰ В *Сказании о письменах* в гл. 15 акцентные знаки описаны подробнее; так, об оксии говорится: «...потому что когда заканчивается слово или предложение, напряжено горло, а не рот. Вария может встречаться и в начале, и в конце слова, т. е. там, где ей и место. Как и оксия, но у каждой своя (собственная) природа. Если ты об этом не думаешь, ты испортишь слово», [Јованович 1998: 14].

¹¹ Вария — это «второстепенное ударение, которое чаще всего ставится в конце слова» [Новакович 1877: 149]. Использование вариы в конце слова могло возникнуть по примеру греческой орфографии, но в той же позиции могут встречаться оксия и кендема (редко).

иногда слышится на первом, а иногда на втором слоге. Такая ситуация и сегодня встречается в некоторых диалектах¹² — она представляет собой состояние колебания между старым и новым ударением. Возможно (по крайней мере в некоторых примерах), это означало и предупредительную долготу, и старое ударение¹³, и вышеприведённый пример мог быть жѣна́, поэтому переписчик фиксировал оба варианта.

Оксия́ ' («острая»)¹⁴ отмечает выделенный слог в определённой ударной группе. Исследователи средневековых текстов выделяют оксию как обозначение главного ударения сложного фонетического слова или ударной группы [Новаковић 1877: 149; 1879: 9–77; Недельковић 1964б: 255; Булатова 1972: 55]. Конечно, чаще всего выделенным оказывается ударный слог, поэтому оксия отмечает и место ударения в слове, но лишь в его начале или в середине; вместе с тем она бывает и в конце слова: влѣс 38', вратъчѣдн 108, влѣвотѣне 39', трапѣзарь 44, малѣ лѣлѣ 108 ('тѣтя')¹⁵, вратъ 108, моу́жь 108', дѣдь ѣ баба 114', лнснѣамъ 120, въ рѣботѣ 49, ѣ шѣрѣ 106', коу́ль 108, вѣсѣвѣска вѣлѣсть 15, по́пъ 20, стѣпенѣ 105, дрѣво́ 88', жѣна́ 96, скрозѣ 33 и т. д. Это самый частотный знак. Он может стоять над первым закрытым слогом или любым из последующих. В одном ряду с данными примерами с ясным ударением оказывается и лексема вѣно 61'.

Оксию писец употребляет для обозначения то ударения, то долготы: хрѣмъ 7, по́сть 150, вѣрѣкъ 104', зѣконъ 117' (в данном примере неясно, долгота ли это), кнѣзь 37.

Отмечены также примеры, в которых писец ставит данный знак почти исключительно над слоговым рь и ль: ѿ сьдрѣтѣи 141, прѣвѣо 107',

¹² Похожая нестабильность наблюдается при долгом восходящем ударении, где иногда ставится данное ударение, а иногда долгота с кратким нисходящим. Встречается в центральной Сербии, Шумадии, Поморавье (староштоклавская область), см. [Ивић 1978: 143–147; Грковић 1967: 112]. В староштоклавских славонских говорах Посавины это довольно частое явление [Каровић 2008: 115–148; 2004: 100–101]. Такая ситуация отмечена также в некоторых чакавских диалектах южной Далмации, в основном на побережье, и в Молизе в Италии, ср. [Piccoli, Sammartino 2000].

¹³ В Посавине, например, вполне обычной является ситуация существования огромного количества вариантов в разных диалектах, ср. [Каровић 2008].

¹⁴ «...Потому что голосом выделяешь слово, на котором она находится; но не всё слово, а только (слог), на котором она стоит...» [Јовановић 1998: 14].

¹⁵ Ср. *леља* (у Вука Караджича, видимо, вблизи границы с Болгарией; ср. болг. *леля*) 'тѣтя', а также алб., рум. *lele* [ERHSJ II: 286].

жрѣтва 149', прѣсть 48, грѣлицъ 117, дълготрѣпелнь 32, вѣбка 117, вѣкѣи 143, плѣть 127', исплѣнати 153 и др.

Периспомена ^ («сердечный голос»)¹⁶ чаще всего появляется в односложных словах, а в многосложных — во всех позициях слова: ѿ 104, приложѣ ѿ 161, ѣдинь 101, ѣмоу 136, съвѣденіе 154', тайна 97', пѣть 53', смѣреніе 76', ѿн пѣлицѣ 90', своѣ 139' и т. д. В некоторых примерах она обозначает также долготу: крагуѣ 117, ѣреѣ 30' и др.

Знак ~ (псили и оксия) чаще всего встречается над начальной гласной¹⁷; иногда это единственный акцентный знак в слове: ѣко 26', ѿснованіа 5', ѿдн 106, ѿбрътница 109, ѿбрътникъ 119', ѣсть 110 и др., но в большинстве случаев он сочетается с каким-либо другим акцентным знаком: ѿбратн 39', малѣ ѿбръзѣ 39', ѿчн 34', ѿтроковнцъ 104, ѿсвѣтитъ ѣго 118, зѣло ѿпѣсно 114, оукаснитъ 117, оукрадетъ 126. В этом, конечно, проявляется орфографическая сторона данного акцентного знака, точно так же, как вария чаще всего ставится над конечной гласной в словах. И то, и другое соответствует греческим образцам, в которых акут стоит в начале, а гравис в конце слова (как позиционные варианты акута). В то же время данный знак в определённом количестве примеров фигурирует также и в середине слова: ѿѿдорѣ 57', кѣѣти се 85', п[о]нѣд[е]ѣнникъ 67, ѣреѣство 35' и др.

В нашей рукописной книге есть и примеры с двумя, тремя и даже четырьмя ударениями в слове: помнслнтѣ 115', ѿметѣ моуѣа 122, прѣзновѣтн 154, прѣкн свѣтѣкѣ 115', прѣвнѣа 156, въ мѣнѣстѣрь 148', братѣуѣдн, коукавнцоу 116, прѣвѣслѣвнн 142 и т. д. Подобная ситуация близка некоторым современным народным говорам (например, в Славонской Посавине: *жѣна, рѣка, жѣнѣ*) [Ресо 1971: 72] и встречается во многих других старых рукописных книгах¹⁸.

¹⁶ «Слово должно исходить из сердца, как будто произносишь лѣвѣе <...> Теперь возвысь голос там, где находится ^ периспомена; где оксия ' опору (ищи) в устах, а там, где вария ' — в горле» [Јовановић 1998: 14].

¹⁷ Данный знак над начальной гласной был также нормой церковнославянского правописания, ср. [Мразовић 1800: 35–36].

¹⁸ Ср.: *Четворојеванђеље*, около 1360/70, *Дечани* 70; *Синаксар Никифора Калиста*, первая треть XV века, *Дечани* 106; *Минеј службаби за новембар*, первая четверть XV века и конец XV века, *Дечани* 40; *Зборник*, первая треть XVI века Р 42 (Сборник НБС); *Зборник*, третья четверть XVI века; *Четворојеванђеље*, середина XVI века Рс 730 и мн. др.

Ударение существительных

а) существительные мужского рода

В односложных существительных с краткой основой и старым кратким ударением на окончании [Мулић 1978: 27]¹⁹ (конечноударная парадигма: совр. тип *кѡнь, кѡња*) очевиден процесс устранения заударных долгот. Оттяжка ударения с открытого окончания происходит последовательно, в то время как в закрытом оно сохраняется.

С открытого (а в большинстве примеров и с закрытого) последнего слога ударение регулярно переносится и у существительных с долгой основой [Мулић 1978: 26] (совр. тип *сѹд, сѹда*); в *Законнике* отмечены случаи: *грѣхъ* 129', *хра̑мъ* 161²⁰, но здесь может иметься в виду или предударная долгота, или двойное ударение.

В конечноударную парадигму входят и существительные мужского рода с суффиксальной основой [Мулић 1978: 55–56]. Ударение последовательно оттягивается с открытого последнего слога на предыдущий краткий слог (совр. *ѡтац, ѡца; жѡвѡт, жѡвѡта*) [Мулић 1978: 56] (*отѣць-отѣцѣ*); в *Законнике* данные лексемы отмечены следующим образом: *ѡцѣ* 103, *жѡвѡтъ* 3' с ударением на последнем гласном основы; с неравным статусом присутствуют как оттянутое ударение: *жѡвѡтѣ* 149', так и неоттянутое: прил. *жѡвѡтно* 35', *жѡвѡтъ* 48'.

Процесс оттяжки наконечного парадигматического ударения почти завершился и в тех случаях, когда предшествующий слог был долгим (совр. тип *вѣнац, -нца; зѡдѣр, -ѣра*): до конца 43.

Старое наконечное ударение было и у существительных с долгим гласным в суффиксе (совр. тип *ковѣч, ковѣча*); в нашей рукописной книге отмечен пример *пастырь* 72.

Двусложные существительные с долгим вторым слогом избавлялись от конечного ударения, если оно падало на долгий открытый последний слог, тогда как долгий закрытый последний слог в именительном падеже (после утраты слабого редуцированного в конце) сохранял ударение, что видно в нашей книге.

Что касается существительных со старым кратким ударением на конце основы (совр. тип *ѡбраз, богѡслов*), то здесь наблюдается по-

¹⁹ В северном поддиалекте можно найти примеры с заместительным переносом ударения на предшествующую долготу (род.п. мн.ч. *кѡня > кѡнѣ*) [Ивић 2009: 94].

²⁰ Строго говоря, данный пример не слишком показателен, поскольку может идти и по парадигме *хра̑м, хра̑ма*.

что равное количество примеров неоттянутого ударения и ударения, оттянутого на предыдущий краткий слог, чаще всего с оксией, например: *íęzykь* 11 [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 173], *ѡбръзь* 33. В южной части южноравских говоров и сегодня фиксируется оттяжка; в лексемах *ęzyкь*, *образь* под ударением находится последний гласный основы [Белић 1905: 253] (*гркальан*).

Особенно важно, что оттяжка нисходящих ударений с конечных и срединных слогов уже началась и получила широкое распространение²¹. Пример существительного с долгим первым слогом (совр. тип *закон*), *законь* 117' ясно иллюстрирует данный тезис (если здесь оксия не обозначает долготу). Здесь упомянем и пример с неоттянутым ударением — лексема *ѡтрьокь* 42'.

В многосложных основах со старым кратким ударением на срединном слоге ударение почти не перемещается (совр. тип *свѣтионѣкь*; *начелнѣкь*), что соответствует состоянию, отражённому в рукописи: *ѡчѣтель* 48, *рѣзвойнѣкь* 48'. В большинстве говоров со старой системой ударения, если что-то и изменилось, то это конечное краткое ударение, прежде всего в открытом слоге; оно особенно склонно к перемещению на предударную долготу, хотя встречаются и обратные случаи. Срединное краткое ударение чаще сохраняется на старом месте, что вообще для него характерно²². Отсутствие единого образца в случае с данными словами вполне понятно, оно объясняется тем, что они были частью стандартного языка и не подвергались сильному влиянию народных говоров. Писец в любом случае брал их из оригинала вместе с обозначениями ударения.

б) существительные среднего рода

В существительных с долгой основой и старым кратким ударением на окончании (конечноударная парадигма: совр. тип *лице*) про-

²¹ Существует определённое количество спорных примеров, принимая во внимание ударение этих слов в стандартном сербском языке, а также диалект, который мог лежать в основе языка писца. В то же время наибольшее количество слов, над которыми проставлено ударение, легко объяснить в сравнении с их современным состоянием.

²² В южной Истрии, например: *глава* > *глава*; *нога* > *нога* (кановацкое удлинение); *вретено* > *вретено*; *летѣте* > *летѣте* и т. д., но *носѣти*, *питѣти*; им. п. мн. ч., *закони*; род. п. ед. ч. *нарѡда*; *лопѣта*, *корѣто* и т. д., ср. [Pliško, Mandić 2007]; в Славонии, в селе Сиче, ударение переносится только на краткий слог, в очень редких случаях на долгий — вероятно, под влиянием новоштокавского, ср. [Karović 2008: 121–126].

исходит последовательная оттяжка, что подтверждается лексемой *лице* 64'. Ударный открытый конечный слог имелся в словах: *врѣме* 70', *чрѣво* 77, *плад чрѣва* 53, *н чрѣва* 73', *оўсты* 47, *вина* 4 и др.

Сохранение старого места ударения в данных лексемах в любом случае имеет опору в книжной традиции, поскольку подобных морфологических форм мы не находим в наблюдаемом сербском народном говоре²³.

Двусложные существительные среднего рода, которые в современном сербском языке имеют ударения $\hat{\text{~}}$ и ~ , в рукописной книге иногда встречаются без окситонезы. Примеры из данной группы с обозначенным местом ударения, которое отвечает новоштокавскому диалекту, приведены следующим образом: *ѣн* 79', *тѣло* 19.

в) существительные женского рода

Для существительных склонения на *-a* с краткой основой и старым кратким ударением на окончании (совр. тип *жена*) [Јовић 1968: 102, 104–105] характерно следующее состояние: *женá* 3', но и *жéна* 11', *ѡ жéнь* 127', *жéне* 9, *жéноу* 120, *все жéни* 122, *скóиѣд сестроѡ* 43, *сь женóѡ* 7', *сестрама* 122 и т. п.

Ситуация весьма неоднозначна в односложных основах со старым наконечным ударением и долгой основой (совр. типы *бéда*, *гла́ва*) [Белић 1905: 283], например: *роу́кама* 132', *рѡкоу́* 65', *рѡкама́* 51', *вóда* 25', *вóдн* 60', но и *вóдоу* 153, *вóдн* 145, *вóдоу* 4, *землѡ* 75, *на землѡ* 51'; в некоторых из них обозначены два слога. В существительных данного типа наблюдается процесс оттяжки с последнего гласного, но имеются и примеры, указывающие на старое место ударения. Это не соответствует состоянию южноморавского говора, в котором ударение последовательно падает на основу [Белић 1905: 213] (*лесѡца*).

В двусложных и многосложных основах со старым наосновным ударением, которому предшествует краткий слог (совр. тип *гусѡница*, *пшѡница*), место ударения не всегда одинаково. Старое место ударения сохраняют, например, *въ дрѡ́вѡ* 10', *оў дрѡ́вѡиѡ* 111, *лисѡцацѡ* 120, но в отношении антропонима *Марѡја*, *Мáриѡ* 143 ситуация иная. Эта оттяжка сближает наш материал с новоштокавскими говорами.

²³ Остатки старых форм данных основ отметил [Јовић 1968: 87]: *на небеса́* (форма род./местн. п. мн. ч.), *на небѡсима* (местн. п. мн. ч.), *чудѡса* (им./вин./зват. п. мн. ч.).

Существительные склонения на *-и* со старым ударением на конце основы находятся в неодинаковом состоянии. Переносится ударение в лексеме *любовь* 57' (совр. *лю́бав*).

Оттяжка с открытого конечного слога на краткий предшествующий слог происходит в значительном количестве лексем, например: *живѡта* 30', *вѡда* 3' [Елезовић 1998] (*вѡда*, *зѣмља*, *ленѡта*, *стѡла* и т. д.), *слоўжѣв* 6'.

Оттяжка на долгий предшествующий слог менее очевидна, её можно наблюдать в следующих лексемах: *лицѡ* 46', *лицѣ* 34', *о свѣтѣмъ хрѣмѣ* 67'.

Отмечены примеры с окситонезой: *съборнѣ* 28', *свѡю съборню* 50'.

Ударение на проклитиках в *Законнике* подтверждается следующими примерами: *на свадбахъ* 106', *на землѡ* 13', *на потрѣвѣ* 62', *на пятѣ* 67'. Но ср. примеры без перенесения ударения на проклитики: *ѡ рѡзвѡбѡннѣ* 46', *ѡ злѡго* 47', *ѡ старѡца* 50 на *лицѣ* 64', *на слѡжѣв* 67, *на дѣлѡ* 69' и др.

Средневековая практика обозначения долгих слогов удвоением буквы (она иногда встречается и в рукописях XIII века) [Неделькович 1967а: 175] подтверждается примерами из нашей рукописной книги: на *пѡкаянїѣ* 49, *дѡдѡль* 56', *тѡковаѡ* 93', *ѡстїи месѡа* 141', *моўжаѡ* 115', *велѡкаѡ* 23', *ѡсвѣщенѡа* 6', *мѡнастѡрскаѡ* 192, *злѡдѡ* 150', *вѣрѡ арменскаѡ* 148', *зѡпѡведнї* 67 и т. д.

Встречается значительное количество слов, которые нельзя подвести под какую-либо известную акцентную систему: *пѡклонѣ* 56', *правїла* 57', *ведї* 56', *взѡмѣть сѣѣѣ* 50, *Петрѡ* 142', *лѣпѡ* 133', *вѣрѡ* 148' и др.

Народный говор иеромонаха Геннадия характеризуют и формы аналитического склонения, встречающиеся в следующих примерах: *сѣѣ жрѣтѣв дѡдѣтъ дїѡвѡлѡ своѣ сѣме* 91', *їже сѣ мѡжа тѡѡ жѡноѡ ѡскрѣнт сѣ дѡ пѡкаѣт сѣ* 102, *ѡще ходнтѣ без ѡдеждѡ пѡпѡвскоѡ* 35 и др. Аналитическое склонение является одной из черт южноморавского поддиалекта и сегодня [Ивич 1956: 110].

К народному языку писца иеромонаха Геннадия относятся примеры форм 3-го лица единственного и множественного чисел настоящего времени без конечного *-т*: *нѣ вѣкѡшаѡ* 78', *сѣ хрѡнн* 15', *пѡмѡгѡю* 41' и т. п., как и 1-го лица множественного числа настоящего времени на *-мо*: *бѡвѡѣмо* 124'.

В нашей рукописной книге встречается интересный пример образования будущего времени I, в состав которого входит энклитиче-

ская форма 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола *хтети*: н ктѣ че ѿ ѿннлнтн 161; она и сегодня присутствует в призренском говоре с тенденцией к обобщению *че* для всех лиц [Реметић 1996: 502] (*че работамо; че видиш; че ти кажем; ја че ги чувам* и т. п.).

Наряду с местоимениями употребляются также частицы *-ждо*: нá котѳрѳждо лѳто 115; -зн [Ресо 1971: 58; Реметић 1996: 494] (*сине по своѳежи жѳлѳе, тејзи веселнице*): н прѳз' тѳѳѳзы постн дá покáет се 102'.

Интересны примеры вроде *дѳдъ* и *бáба* 114', в которых на второй лексеме обозначено старое место ударения, но не количество гласного; в то же время в примере *сѳчѳва* ударение обозначает именно количество, что относится к дифференциальным диалектным чертам [Николић 2000: 1080] (*сѳчѳво, сѳчиво*).

Лексема *сѳкнѳ* 64', кроме икавизма, указывает и на оттяжку.

То, что народный говор писца Геннадия обладает особенностями современного призренско-моравского поддиалекта, т. е. то, что в ряде случаев он соответствует данному диалекту, доказывают и следующие примеры: формы наречий и предлогов *далѳе* 47' ('далеко'), *дало пѳдала* 91, *скрозе* ('сквозь') *нглѳнѳ оѳши* 33, лексемы: *волѳвн* 143', *нтѳ* нá рáботѳ 111, *пѳннѳца* 102, *прѳдноѳѳѳмѳ* 160', *блѳвотнѳѳ* 39', *сѳдморѳцѳ* 145, *нз дѳѳѳка* ('в детстве') *нáоѳнл* 81 и др.

С. Реметич отмечает, что для современного призренского говора характерно главным образом сохранение согласного *-л*, хотя под влиянием литературного языка появляются и формы с *-о < -л* [Реметић 1996: 420–421] (*сѳл, кѳтол, трѳбáо, узѳо*). В нашей рукописной книге встречаются примеры, в которых согласный *-л* сохраняется в конце слова или слога, и принадлежат они к народному языку писца, но не исключено, что они могут быть свидетельством сербскославянского языка: *сѳлѳ* 88, *кѳталѳ* 60', *пáдноѳлѳ* 27, *пѳнедѳннѳ* 111' и др.

Свидетельствами народного языка являются и случаи с рефлексом *-о* вместо согласного *-л*: *нáѳѳѳ* 161, *пѳнедѳѳннѳ* 67.

Народный язык писца характеризует и упрощение групп согласных: *-вѳ-> -ѳ*: *нзѳѳѳлáлн* 71'; *-жд-* > *-ж-*: сѳ рѳженоѳ сѳѳѳѳ сѳстроѳ 43, но вместе с тем есть и пример *сѳвнѳ рѳѳѳѳѳѳѳ* 48' [Недельковѳ 2010: 329; Реметић 1996: 423–437; Белић 1905: 161 (*попрáѳа*)].

Все приведѳнные примеры позволяют нам с высокой степенью вероятности реконструировать данную диалектную картину как призренско-тимочскую — пусть и в виде следов, но следов, которые не могут быть истолкованы иначе.

Два графических примера из данной рукописной книги отчасти свидетельствуют об определённых фактах просодии. Удвоение буквы указывает на вокальную долготу или двойной гласный (дддль, тткооа). Один из надстрочных знаков (оксия), очевидно, обозначает место ударения²⁴: моўжь 108', блѣс 38 и т. д.

Остальные знаки точно не обозначают ударения в примерах бѣдѣ 56', прѣстѣе 151 и др.

Одно можно сказать определённо: система знаков и их употребление в *Законнике* не очень последовательны; они не содержат элементов, которые могли бы выражать специфическую музыкальную сторону современной сербской акцентуации, однако они существенны для изучения места ударения и долготы, поэтому анализ вёлся в этом направлении.

Даже при выдвижении самых осторожных гипотез нужно исходить из того факта, что акцентные знаки ставились с намерением обозначить некоторые различия. Иногда в достаточной степени информативен сам контекст, однако обозначение этих различий уже стало частью близкой писцу традиции. При подобном анализе интереснее всего то, оказываются ли для писца важнее долготы или же место ударения, и в нашем случае налицо второе.

Акцентная картина, представленная в рукописной книге, наводит на мысль о том, что уже во времена создания *Законника* квантитивно-калитативные фонологические признаки в какой-то степени отражались на письме в сербских рукописях.

Число просодических фонологических факторов было таким же, как и в диалектной основе современного сербского литературного языка. В то же время их распределение не идентично. Очевидное отличие от современного языка — большое количество неоттянутых ударений, прежде всего со срединных позиций. Всё это крайне важно, поскольку одна область данной диалектной зоны сохраняет старое место ударения²⁵, в ней не происходило оттяжки.

²⁴ Похожая ситуация встречается и в *Письмах султании Мары*, а примеры доказывают, что «оксия действительно указывает на место ударения, конечно, в соответствии с правилами старой акцентуации», ср. [Ивић 1973: 341; Недельковић 1964а: 37].

²⁵ По месту ударения данный диалект полностью соответствует той системе ударений, которая предположительно существовала в предшествующую эпоху и которую можно очень легко реконструировать, передвигая новые ударения на один слог вправо и сравнивая их с ударениями в левачском го-

Проведённый анализ показал, что обозначение акцентных (надстрочных) знаков в *Законнике* было обусловлено необходимостью и что их употребление очень корректно. Они в любом случае указывают на высокую степень последовательности самого писца, иеромонаха Геннадия, которого мы относим к числу образованных людей²⁶ (хотя в записи в конце книги он говорит о себе «мало (мало) назиѡ»). Такое обозначение акцентных знаков не является формальным, а народный говор писца обладает особенностями современного приزنско-южноморавского поддиалекта, что делает данную книгу ещё более интересной.

Литература

- Белић 1905 — *Белић А.* Дијалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905.
- Белић 1960 — *Белић А.* Основи историје српскохрватског језика I. Фонетика. Београд, 1960.
- Богдановић и др. 2011 — *Богдановић Д., Штаљанин-Ђорђевић Љ., Јовановић-Стипчевић Б., Васиљев Љ., Цернић Л., Гроздановић-Пајић М.* Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани. Књига прва. Београд, 2011.
- Булатова 1971 — *Булатова Р. В.* Из сербской исторической акцентологии. Две просодические системы XVI в. // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. Москва, 1971. С. 32–42.
- Булатова 1972 — *Булатова Р. В.* О надстрочных значках и акцентных системах трех книг Мардария-сербского печатника середины XVI в. // Исследования по сербохорватскому языку. Москва, 1972. С. 38–85.
- Булатова 1975 — *Булатова Р. В.* Старосербская глагольная акцентуация. Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения. Москва, 1975.
- Булатова 1977 — *Булатова Р. В.* К изучению систем надстрочных знаков в древнесербских рукописях // Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977. С. 113–116.
- Грковић 1967 — *Грковић М.* Акцент у говору села Чумића // Прилози проучавању језика, 1967, 3. С. 111–140.

воре (в котором только конечное краткое ударение не сохранилось на старом месте), чакавских диалектах и в русском языке. В соответствии с этим данный диалект в отношении места ударения находится на той же стадии развития, что и чакавский диалект и русский язык (сохранил старое место общего славянского ударения) [Белић 1905: 274; Jedvaj 1956; Каровић 2005].

²⁶ На эту образованность указывают частые примеры рефлекса *a* вместо бывшего полугласного, как и форма *клучите* (пример из записи, л. 161) с рефлексом *лу* в позиции *k* + слоговой *л* [Недельковић 2010: 331].

- Гроздановић-Пајић, Станковић 1995 — *Гроздановић-Пајић М., Станковић Р.* Ручкописне књиге манастира Високи Дечани. Водени знаци и датирање. Књ. 2. Београд, 1995.
- Даничић 1925 — *Даничић Ђ.* Прилог за историју акцентуације хрватске или српске // Српски акценти. Посебна издања Српске краљевске академије, LVII. Београд-Земун, 1925. С. 237–320.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Москва, 1990.
- Ђорђевић 1971 — *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози. Београд, 1971.
- ERHSJ — *Škok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga druga. Zagreb, 1972.
- Елезовић 1998 — *Елезовић Г. Г.* Речник косовско-метохишког дијалекта. 1, 2. Приштина, 1998.
- Загребин 2006 — *Загребин В. М.* Исследования южнославянской и древнерусской письменности. Москва–С.-Петербург, 2006.
- Ивић 1955 — *Ивић П.* О неким проблемима наше историјске дијалектологије // Јужнословенски филолог, 1955–1956, књ. XXI, св. 1–4. С. 99–100.
- Ивић 1956 — *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1956.
- Ивић 1973 — *Ивић П.* О језику писама султаније Маре // Јужнословенски филолог, 1973, књ. XXX, св. 1–2. С. 342–343.
- Ивић 1978 — *Ивић П.* Белешке о биограчићком говору // Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа, књига XXIV. Београд, 1978. С. 125–176.
- Ивић 2009 — *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци–Нови Сад, 2009.
- Ильинский 1908 — *Ильинский Г.* Апостол №28 Берлинской королевской библиотеки как материал для истории сербохорватского ударения // Сборник статей, посвященный почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Леманскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности, ч. II. Санктпетербург, 1908. С. 1351–1374.
- Jedvaj 1956 — *Jedvaj J.* Bednjanski govor // Hrvatski dijalektološki zbornik, 1956, 1. S. 279–330.
- Јерковић 1980 — *Јерковић В.* Средњовековне ортографске школе код Срба // Југословенски семинар за стране слависте, 31. Београд, 1980. С. 19–28.
- Јовановић 1998 — *Јовановић Г.* Акцентане и интерпункцијске поуке у »Сказанију о писменех« Константина Филозофа (Константина Костенечког) // Научни састанак слависта у Вукове дане, 1998, 27/2. С. 11–18.
- Јовић 1968 — *Јовић Д.* Трстенички говор // Српски дијалектолошки зборник, XVII. Београд, 1968. С. 31.
- Каровић 2004 — *Каровић М.* Jezični utjecaj velikih gradova // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2004, 30. S. 97–105.
- Каровић 2005 — *Каровић М.* Nove duljine u hrvatskom jeziku (nakon općeslavenskoga razdoblja) // Filologija, 2005, 44. S. 51–62.
- Каровић 2008 — *Каровић М.* О naglasku u staroštokavskom slavonskom dijalektu // Croatica et Slavica Iadertina, 2008, 4. S. 115–148.
- Кульбакинъ 1904 — *Кульбакинъ С. М.* Материјали и замѣтки по славяновѣдѣ-

- нию // Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1904, CCCLIV. Санкт-петербургъ. С. 18–47.
- ЛССВ — *С. Тирковић, Р. Михаљчић* (ур.). Лексикон српског средњег века. Београд, 1999.
- Мошин 1964 — *Мошин В. А.* »Революције« у историји старог српског правописа // Библиотекар, 1964 (год. 15; за 1963), бр. 6. С. 465–475.
- Мулић 1978 — *Мулић М. И.* Преглед руске и српскохрватске акцентуације. Сарајево, 1978.
- Мразовић 1800 — *Мразовић А.* Рѣководство къ славенстѣй грамматикѣ исправленѣй во употребленіе славно-сербскихъ народныхъ ѣтнлицъ. Издано трудомъ Явраама Мразовича ... въ Бѣдинѣ Градѣ, 1800.
- Недельковић 2010 — *Недельковић Ј.* О неким језичким особинама рукописног Законика из прве половине XVI века // Јужнословенски филолог, 2010, LXVI. С. 325–334.
- Недельковић 1964а — *Недельковић О.* Акценти или неуме у Кијевским листићима? // Slovo, 1964, 14. С. 25–51.
- Недельковић 1964б — *Недельковић О.* Акценти јужнословенских доресавских рукописа. Докторска дисертација. Београд, 1964.
- Недельковић 1965 — *Недельковић О.* Правопис »ресавске школе« и Константин Филозоф // Стара књижевност. Београд, 1965. С. 467–495.
- Недельковић 1967а — *Недельковић О.* Знаки ударений средневековых сербских рукописях XII–XIV вв. // Источники и историография славянского средневековья. Москва, 1967. С. 100–134.
- Недельковић 1967б — *Недельковић О.* Знаки ударений в сербских доресавских рукописях // Slavia, 1967, XXXVI, 1. С. 24–32.
- Недельковић 1975 — *Недельковић О.* Проблем рађања ресавског правописа и повеље из доба кнеза Лазара (посебно у односу на интерпункцију и прозодијски систем) // О кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 243–254.
- Николић 2000 — *Николић М.* Обратни речник српскога језика. Београд, 2000.
- Новаковић 1877 — *Новаковић С.* Акценти штампаних српско-словенских књига црногорских и млетачких // Гласник Српског ученог друштва, 1877, XLIV. С. 1–152.
- Новаковић 1879 — *Новаковић С.* Акценти Трговишкога јеванђеља од 1512. године // Гласник Српског ученог друштва, 1879, XLVII. С. 1–77.
- Пешикан 1977 — *Пешикан М.* Монографија о акценту једног српскословенског споменика // Зборник за филологију и лингвистику Матице српске, 1977, XX/2. С. 209–217.
- Реметић 1996 — *Реметић С.* Српски призренски говор I (гласови и облици) // Српски дијалектолошки зборник, 1996, XLII. С. 319–614.
- Петковић 1950 — *Петковић В. Р.* Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950.
- Ресо 1971 — *Ресо А.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1971.
- Piccoli, Sammartino 2000 — *Piccoli A., Sammartino A.* Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro / Rječnik moliškohrvatskoga govora Mundimitra [Redazione della parte fonematica e croata / Sastavljanje i priređivanje fonološkoga i hrvatskoga dijela: Snježana Marčec, Mira Menac, Mihalčić.] Montemitro: Fonda-

- ziona „Agostina Piccoli”. Zagreb, 2000.
- Pliško, Mandić 2007 — *Pliško L., Mandić D.* Dijalektološki povratak Marčani // *Čakavska rič*, 2007, 35/2. S. 323–338.
- Савић 2001 — *Савић В.* Служабник из времена српског царства // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, 2001, 57, св. 1 до 4. С. 87–97.
- Стефановић 1970 — *Стефановић Д.* Екфонетска нотација у старим словенским рукописима // Кирил Солунски, 2. Скопје, 1970. С. 339–345.
- Стојменовић 1999 — *Стојменовић Ч.* Напомене о акценту именица у Служби и Жигију Стефана Дечанског (Дечански препис) // Српски језик, 1999 (год. IV), бр. 4/1–2. С. 277–287.
- Трифунковић 1990 — *Трифунковић Б.* Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Друго допуњено издање. Београд, 1990.

Драгана Новаков: dragananovakov1@yahoo.com

Слоговые интонации посавских говоров: можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики?¹

Просодическая система староштокавских диалектов Славонии отличается большой архаичностью. В отличие от новоштокавских диалектов (один из которых — восточногерцеговинский — положен в основу сербохорватских литературных норм), они в целом сохраняют старое место ударения, претерпевая в разной степени лишь некоторые оттяжки ударения с конца слова. При этом, в отличие от других штокавских диалектов без сплошной новоштокавской оттяжки (например южночерногорских), здесь не устранён долгий новый акут, что сближает посавские говоры с некоторыми чакавскими.

В настоящей статье приводятся некоторые результаты попытки применения компьютерного анализа словесной просодии ряда посавских икавских и икавско-иекавских говоров². На ограниченном числе примеров демонстрируется работа алгоритма автоматического распознавания просодических характеристик слов.

Посавские говоры могут иметь до пяти тонов: из них (в идеальном случае) лишь три фонологичны (см. ниже), а два получаются из (в разной степени) факультативной оттяжки. Ввиду сложности этой системы определить на слух ударение отдельных слов новичку нелегко. Наша задача — имея на входе размеченную на сегменты звуковую запись слова, поставить правильный знак на ударном слоге (определив его место) и расставить долготы. Важно понять, поддаются ли вообще словесные тоны автоматической обработке.

Подробное описание посавских говоров дано в работе [Vlašić 1913]; современное акцентологическое описание — [Karović 2008], там же на конкретных примерах разобрано межговорное разнообразие³. Здесь мы дадим лишь краткую акцентологическую характери-

¹ Выражаю благодарность М. Каповичу, С. Лашину, М. Ухлику.

² Материалы экспедиции в октябре-ноябре 2010 г. в окрестности г. Славонский Брод (в Хорватии и Боснии). Участники экспедиции: В. А. Дыбо, М. Капович, М. В. Ослон, М. Пераич, А. В. Тер-Аванесова.

³ Настоящая статья не является экспериментально-фонетическим исследованием в строгом смысле (отсылаем читателя к работам [Ivić, Lehiste 1976], [Vlašić Duić, Pletikos Olof 2014]). Нас интересуют не сами акустические показатели, а только возможность их применения для машинного анализа.

стику посавских говоров, не вдаваясь в подробности, и осветим некоторые диахронические аспекты.

Для стадии, которую условно можно назвать праштокавской, при некотором упрощении, реконструируются три тона: краткий (ср. **rāk* — из праславянского старого акута, **nõgu* — из краткого циркумфлекса; **pàs* — из краткого нового акута⁴, **žènà*, **rūkà* — из конечного⁵) и два долгих (ср. **grād* — из долгого циркумфлекса⁶, **korā* — из стяжения; **krāļ* — из долгого нового акута). Посавские говоры, таким образом, имеют три «старых» ударения:

краткое нисходящее:	<i>rāk, nõgu, pàs</i>
долгое нисходящее:	<i>grād, korā</i>
новый акут:	<i>krāļ</i>

⁴ На раннем этапе краткий новый акут имел свой особый контур, отличный от старого акута. Судя по всему, он реликтивно сохранился в чакавско-кайкавском диалекте XVII в. Юрия Крижанича (он различал, например, *brāt* и *kõнь*), см. [Osłon 2012; Karović 2015: 219]. В говоре г. Кладань (Босния) сохранился особый рефлекс краткого циркумфлекса [Karović 2015: 219]. В большинстве штокавских диалектов (в т. ч. в посавском) следов этого различения нет — три кратких тона слились, устранив противопоставление по контуру на кратких слогах.

⁵ Это ударение восходит к сокращённому в конце слов старому акуту.

⁶ Для балтославянского противопоставлены «доминантные» (акут, циркумфлекс, краткое) и «рецессивные» (акут, циркумфлекс, краткое) ударения. Первые встречались в словах неподвижной акцентной парадигмы, вторые — только в подвижных. Для праславянского это же противопоставление по традиции формулируется иначе: балтославянские «доминантные» — праславянский «акут» (старый, долгий, краткий), а балтославянские «рецессивные» — праславянский «циркумфлекс» (долгий, краткий), причём эти названия употребляются по-разному, а единый набор терминов ещё не устоялся, так что получается почти неразрешимая терминологическая путаница. Например, можно справедливо (!) утверждать, что «старый циркумфлекс есть новый акут» и т. д. Неразбериха связана с многочисленными поворотами на тернистом пути славянской акцентологии XX в. Для наших целей практичнее пользоваться описательными названиями вроде «краткий нисходящий», «долгий восходящий», но это возможно только применительно к современному языку (как это и принято), тогда как для древних состояний языка те или иные контуры можно лишь предполагать. В сербохорватской диалектологии различаются долгие (восходящий, нисходящий) и краткие (восходящий, нисходящий) ударения, но эта терминология была разработана для новоштокавского. Что касается «нового акута» (называемого ещё и «посавским», «чакавским»), то общепринятого «контурного» названия у него нет, в частности, потому что сам его контур отличается сложностью и плохо изучен. Мы поэтому остановимся на термине «новый акут».

Безударные слоги бывают долгими или краткими. Что касается кратких ударных слогов, то на них в этой системе нет тональных противопоставлений, поэтому называть их нисходящими (и вообще тонами) некорректно фонологически. Фонетическое же противопоставление появляется в связи с оттяжками с конечного слога, приводящими к возникновению ещё двух тонов:

краткое восходящее: $\check{z}\acute{e}na < \check{z}en\grave{a}$
 долгое восходящее: $r\acute{u}ka < r\acute{u}k\grave{a}$

При этом с долгих слогов ударение оттягивается реже, чем с кратких, ср. обычные формы с новым акутом: *gospodōm*, *dūšā* (наряду с более редкими *gospòdōm*, *dúšā*). Ненаачальный долгий циркумфлекс в большинстве говоров вообще не оттягивается (т.е. *korā*, *korāto* обычно не дают *kòrā*, *kòrāto*).

Итак, число фонетических тонов в посавских говорах колеблется от трёх (если совсем нет оттяжек, чего в наши дни, видимо, не бывает) до пяти (если проведены обе оттяжки с конца — как на краткий, так и на долгий предыдущий слог)⁷. Что касается фонологической значимости этих тонов, то здесь возникают некоторые сложности. Дело в том, что оттяжка с конечного слога — явление по большому счёту факультативное, зависящее как от говора, так и от фразовых факторов (ср. отсутствие оттяжки перед клитикой: *vodāje*, даже если отдельно *vodā > vòda*). Часто трудно однозначно определить место ударения, т. к. оно как бы распределено на два слога. Поэтому желательно чётко выделить критерии фонологичности для изучаемых просодических единиц во избежание мнимых противопоставлений.

Как уже было сказано, формы вроде *ženā* и *žèna* фонологически друг другу не противопоставлены, а представляют крайние точки

⁷ Для сравнения: в новоштокавском максимальное число фонетических тонов — четыре (так и в литературном языке): нисходящие — на первом слоге (т. е. на старом месте), ср. *rāk*, *grād*, *bōg*, *nōgu*, *krāl*, а восходящие также и на срединных (в любом случае на слог левее старого места), ср. *žèna*, *rúka*, *proizvod*, *otkriće*. Во всех новоштокавских говорах утрачен новый акут, ср. *krāl < *krāl*, но *krāla < *krālā*. Поэтому теоретически новоштокавскую систему можно возвести к системе вообще без тональных противопоставлений, а только с краткостью и долготой). Получившиеся после новоштокавской оттяжки тоны и долготы могут по-разному смешиваться в говорах, а также частично или полностью затухать. В новых словах нисходящий тон может стоять и не на первом слоге (с этим так или иначе борется литературная норма во всех её вариантах), ср. *Jugoslāvija* (и *Jugòslāvija*), *eksperimènt* (и *eksperiment*), *folirānti* (из арго, реже *folirant*).

диапазона реализаций одного и того же. При этом обе формы — с оттяжкой и без — вкупе противопоставлены формам типа *žèga*, т. е. контраст между формами *žèna* и *žèga* заключается не в тоне как таковом. Следовательно, нет смысла искать противопоставления именно ◡ и ◣ в отдельно взятом слоге, тем более, что конечного ◣ не бывает (в т. ч. в односложных словах)⁸. Точно так же вряд ли имеет смысл противопоставлять ◣ остальным долгим.

Итак, с некоторой долей условности можно принять, что в посавском диалекте имеются три фонологических тона (один краткий и два долгих). Если ударение стоит на последнем слоге, оно может частично или полностью оттягиваться в виде нефонологичных восходящих тонов. Идеализируя действительное положение вещей, можно утверждать, что оттяжка не приводит к утрате смыслообразительных признаков. Так, *žèna* = *ženà*, а *rūkòm* более-менее однозначно указывает на конечный новый акут, т. е. *rūkòm*, ибо конечный циркумфлекс (обычно) не оттягивается. Безударные (по отношению к старым, т. е. фонологическим, ударениям) долготы встречаются в первом предударном слоге и любом заударном.

Возможные фонологически значимые конфигурации (т. е. ударение на единственном слоге; на первом; на последнем; на срединном) просодического облика слова можно представить в следующем виде:

◡	<i>ràk</i>	◣	<i>krāļ</i>	◡	<i>grâd</i>
◡ ◣	<i>ràka</i>	◣ ◣	<i>grâda</i>	◣ ◣	<i>grâda</i>
◡ –	<i>vîdîm</i>	◣ –	<i>mâlā</i>	◣ –	<i>krâvā</i>
◣ ◡	<i>ženà</i>	◣ ◣	<i>ženě</i>	◣ ◣	<i>kopâ</i>
– ◡	<i>rūkà</i>	– ◣	<i>rūkòm</i>	– ◣	<i>krāļêm</i>
◣ ◡ ◣	<i>lopàta</i>	◣ ◣ ◣	<i>zatrěsti</i>	◣ ◣ ◣	<i>kopâmo</i>
◣ ◡ –	<i>zavîdîm</i>	◣ ◣ –	<i>sačŭvā</i>	◣ ◣ –	<i>lopâtā</i> ⁹
– ◡ ◣	<i>kāzāli</i>	– ◣ ◣	<i>cŕnĭma</i>	– ◣ ◣	<i>nārāmcĭ</i>
– ◡ –	<i>prĭlĭkē</i>	– ◣ –	(нет?)	– ◣ –	(нет?)

⁸ В посавских говорах встречаются формы императивов типа *nòs* < *nòsi* < **nosĭ* с апокопой [Peraić 2011: 178], которые, видимо, можно рассматривать как свидетельство более или менее окончательной фонологизации восходящих ударений. В наших записях таких примеров нет.

⁹ Только в части говоров.

Данная схема отражает лишь теоретическое, идеальное состояние. На практике же в речи носителей славонских говоров встречаются оттяжки и со средних слогов, которые следует связывать с новоштокавским влиянием (почти все они теперь говорят на смеси новоштокавского и староштокавского¹⁰). Это же в некоторой степени можно сказать и о морфологии, т. е. новоштокавский влияет, например, на выбор падежных окончаний, а следовательно, и на их просодический облик, ср. старую форму род.мн. *žēn* и (скорее всего) новую *žēnā*.

Тональные противопоставления вообще редко являются абсолютными: тоны могут различаться факультативно, не во всех синтаксических окружениях, подвергаться различным нейтрализациям и т. д. Если, например, получившийся в результате оттяжки восходящий тон в *ženā* > *žèna* сливается с нисходящим, т. е. > *žèna*, то можно говорить о частичной нейтрализации противопоставления фонологически конечноударных форм типа *ženā* исконно неконечноударным формам типа *žèga* (однако в посавских говорах этого не бывает). Выявить границы различения тонов в изучаемом диалекте — одна из задач настоящей статьи.

Фонетический анализ осуществлялся в известной программе «Праат» (Praat). Эта программа работает со звуковыми отрезками (в нашем случае — отдельными словами) и автоматически рисует их спектрограммы со всеми необходимыми для анализа акустическими показателями (длительность, форманты, высота, интенсивность и т. д.). Нас интересуют только простейшие из этих показателей, а именно — длительность, частота основного тона и интенсивность (громкость) звука. «Праат» также располагает несложным сценарным языком, позволяющим производить разнообразные вычисления с этими параметрами программным путём.

Каждая спектрограмма изображает заранее известное слово. Наша работа состоит в следующем. Спектрограммы подвергаются ручной разбивке (разметке) на сегменты (отдельные фонемы): на слух ставятся разделители между сегментами и под каждым из получен-

¹⁰ В Славонии есть и экавские говоры, просодически мало чем отличающиеся от прочих староштокавских, но мы их здесь не рассматриваем, т. к. записали только икавский и икавско-иекавский материал. Города же почти полностью перешли на иекавский вариант, полностью или почти полностью новоштокавский. Местные сельские жители называют городскую манеру говорить *po gospòdcki*, а свою — *po seļāčki* или *šokāčki* ('по-шокски').

ных отрезков пишется знак фонемы (без супрасегментных сведений).

Размеченную спектрограмму (см. ниже) можно подвергать дальнейшему разбору. Для этого мы написали «сценарий», т. е. несложный алгоритм, который численно выявляет движение тона в пределах всех слононосителей (это гласные: /a/, /o/, /u/, /i/, /e/ и слоговой /r/) и отношения между слогами (по частоте основного тона и интенсивности). Алгоритм должен найти ударный слог и, исходя из различных данных, поставить правильное ударение и долготы.

Алгоритм пробегает подряд по всем слононосителям и запоминает их длительность (t) и максимальную интенсивность (a_{\max}), а также значения частоты основного тона:

f_0 :	частота в начале слога (первая точка с тоном)
f_1 :	частота в конце слога (последняя точка с тоном)
f_{\min} :	минимальная частота в слоге
f_{\max} :	максимальная частота в слоге

Общий контур слога определяется разностью $\Delta f = f_1 - f_0$. В дальнейшей работе необходимо учитывать три параметра:

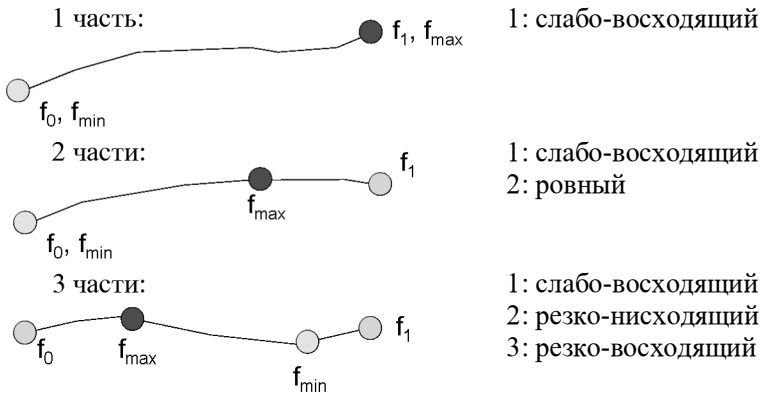
Δf_{\min} :	порог значимости перепада частоты
Δf_{\max} :	порог перехода от слабого перепада к сильному
t_{\max} :	порог долготы гласного

Эти параметры различаются у разных носителей, поэтому их надо задавать заранее (как аргументы при вызове алгоритма).

Далее можно выделить несколько типов элементарных контуров:

ровный:		$ \Delta f < \Delta f_{\min}$
слабо-восходящий:	$\Delta f > 0$;	$\Delta f_{\min} < \Delta f < \Delta f_{\max}$
резко-восходящий:	$\Delta f > 0$;	$ \Delta f > \Delta f_{\max}$
слабо-нисходящий:	$\Delta f < 0$;	$\Delta f_{\min} < \Delta f < \Delta f_{\max}$
резко-нисходящий:	$\Delta f < 0$;	$ \Delta f > \Delta f_{\max}$

В вырожденном случае частота имеет максимальное и минимальное значение в начале и в конце слога соответственно, или наоборот, т. е. $f_0 = f_{\min}$, $f_1 = f_{\max}$ (восходящий контур) или $f_0 = f_{\max}$, $f_1 = f_{\min}$ (нисходящий контур). В прочих случаях эти точки могут не совпадать, что соответствует более сложной тональной кривой, которая, таким образом, может разбиваться на две или три части. Примеры:

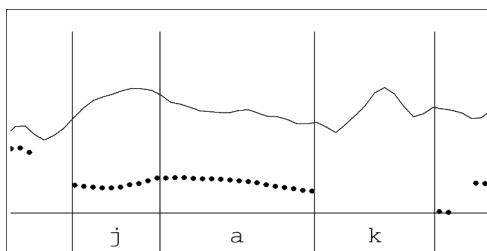

Руководствуясь данными определениями, алгоритм приписывает каждому слогу общий тип контура, а также разбивает слог на части и приписывает тип контура каждой части.

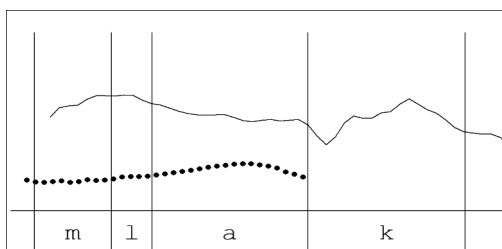
На первом этапе наша задача состоит не в определении тонов в неизвестных словах, а в выделении минимальных признаков тональных противопоставлений в словах, чья просодия известна. Исследователь сербохорватской акцентологии знает, где какой тон «должен» быть, а если в чьей-то речи представлены отклонения, то, особенно будучи сам носителем какого-либо тонального сербохорватского диалекта, он их в большинстве случаев «слышит» (чего не скажешь об авторе этой статьи). Поэтому мы возьмём некоторую контрольную группу слов (от одного носителя — с. Слободница, с высоким качеством записи, с нейтральной фразовой интонацией), в которых опытный акцентолог-носитель (Мате Капович) расставил диакритики, и постараемся подогнать наш алгоритм под как можно большее число правильных результатов. Лишь после этого можно будет применять его более-менее уверенно и к другому материалу. Далее даём упрощённые спектрограммы (частота основного тона — нижняя точечная линия, интенсивность — верхняя сплошная) и выдачу нашей программы по каждому слогу. Начнём с односложных слов.

В односложных словах краткое нисходящее ударение противопоставлено остальным только долготой ($t < t_{\max}$).

Для долгих гласных определяющее значение имеет именно контур. Мы видим, что в данном случае новый акут представляет собой «шапку», т. е. восходяще-нисходящий тон (начало и конец — примерно на одном уровне), ср. *jāk, mlāk*:

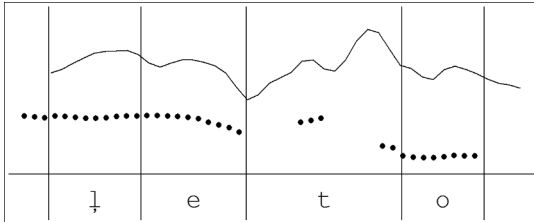
[a]
t: 0,169 с (долгий)
*a*_{max}: 86,133 дБ
*f*₀: 156,242 Гц
*f*_{max}: 157,440 Гц на 0,023 с
*f*_{min}: 125,863 Гц на 0,167 с
*f*₁: 125,863 Гц
 контур: резко-нисходящий
 (ровный, резко-нисходящий)

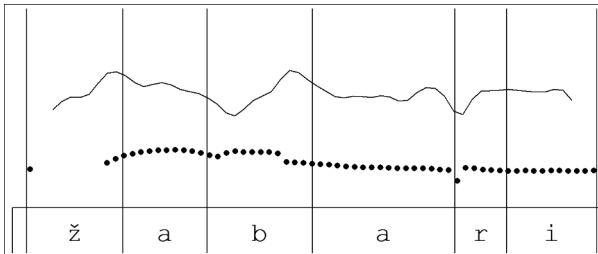
[a]
t: 0,180 с (долгий)
*a*_{max}: 84,015 дБ
*f*₀: 157,527 Гц
*f*_{max}: 186,109 Гц на 0,109 с
*f*_{min}: 154,181 Гц на 0,175 с
*f*₁: 157,642 Гц
 контур: ровный
 (слабо-восходящий, резко-нисходящий)

В неодносложных словах один из слогов выделяется большей интенсивностью. Именно он, по-видимому, воспринимается ударным. Однако дальнейший анализ сопряжён с рядом трудностей, ибо исходить только из контура ударного слога уже не получается. Начнём с кратких.

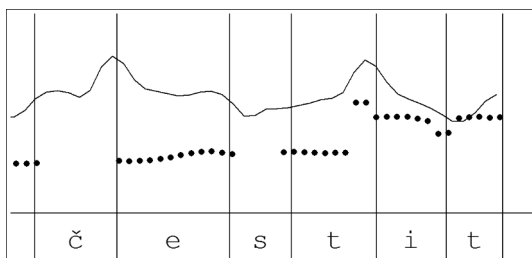
Как отличить, скажем, старое ударение на первом слоге: | ˘ | ˘ | от оттянутого | ˘ | ˘ | ? По самому тону в ударном слоге это сделать, видимо, невозможно, ибо большинство реализаций обоих ударений попадают в общий диапазон (слабо нисходящий — ровный — слабо восходящий), ср. *řeto, žbāri, kōni, bolēsna*:

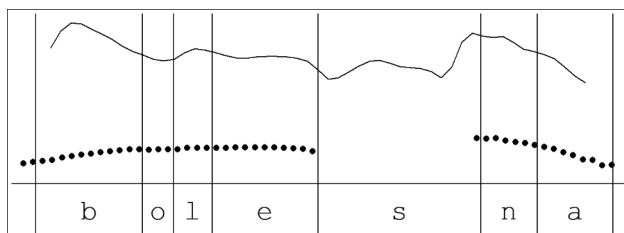
[e]	[o]
t : 0,103 с (краткий)	0,080 с (краткий)
a_{\max} : 82,625 дБ	81,352 дБ
f_0 : 194,715 Гц	113,881 Гц
f_{\max} : 195,057 Гц на 0,011 с	113,881 Гц на 0 с
f_{\min} : 161,154 Гц на 0,096 с	107,457 Гц на 0,023 с
f_i : 164,025 Гц	111,251 Гц
контур: резко-нисходящий	слабо-нисходящий (слабо-нисходящий, слабо-восходящий)

[a]	[a]	[i]
t : 0,103 с (краткий)	0,167 с (долгий)	0,105 с (краткий)
a_{\max} : 85,667 дБ	83,644 дБ	83,235 дБ
f_0 : 178,177 Гц	164,434 Гц	149,517 Гц
f_{\max} : 193,074 Гц на 0,063 с	164,434 Гц на 0 с	150,661 Гц на 0,058 с
f_{\min} : 178,177 Гц на 0 с	135,995 Гц на 0,167 с	149,285 Гц на 0,003 с
f_i : 182,735 Гц	135,995 Гц	150,117 Гц
контур: слабо-восходящий (слабо-восходящий, слабо-нисходящий)	слабо-нисходящий	ровный (слабо-восходящий, ровный)

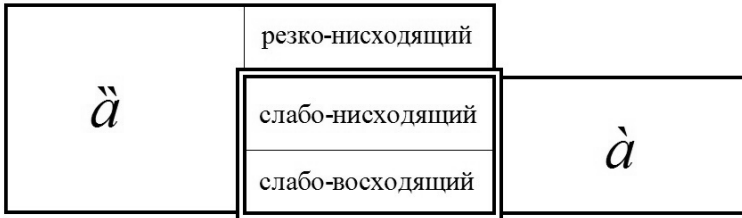

	[e]	[i]
<i>t</i> :	0,110 с (краткий)	0,068 с (краткий)
a_{\max} :	88,454 дБ	84,222 дБ
f_0 :	176,564 Гц	262,920 Гц
f_{\max} :	194,871 Гц на 0,090 с	262,920 Гц на 0 с
f_{\min} :	175,837 Гц на 0,013 с	226,714 Гц на 0,065 с
f_i :	190,337 Гц	230,448 Гц
контур:	слабо-восходящий	резко-нисходящий

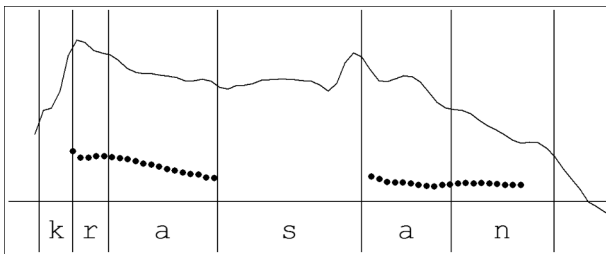
	[o]	[e]	[a]
<i>t</i> :	0,032 с (краткий)	0,110 с (краткий)	0,079 с (краткий)
a_{\max} :	83,081 дБ	83,555 дБ	83,535 дБ
f_0 :	139,082 Гц	142,287 Гц	147,178 Гц
f_{\max} :	139,219 Гц на 0,032 с	142,906 Гц на 0,052 с	147,178 Гц на 0 с
f_{\min} :	138,395 Гц на 0,008 с	136,114 Гц на 0,105 с	108,175 Гц на 0,072 с
f_i :	139,219 Гц	138,303 Гц	109,488 Гц
контур:	ровный	слабо-нисходящий (ровный, слабо- нисходящий)	резко-нисходящий

Таким образом, общая схема кратких ударений такова:

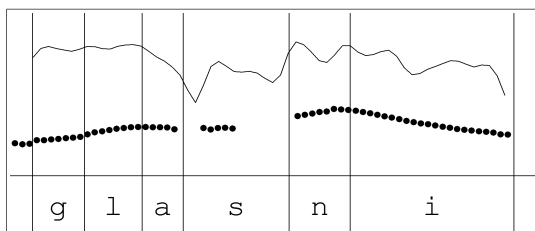

Как видно, в большинстве реализаций ударные краткие слоги сами по себе не имеют характерной интонации: только при резко нисходящем контуре (что бывает, кажется, только при тщательном произнесении) можно однозначно определить тон.

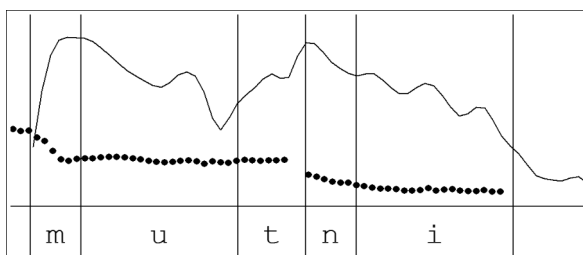
Перейдём к долгим. Как уже было сказано, имеются два старых долгих тона: долгий нисходящий (примеры: *krâsan*, *glasnī*), новый акут (*mītnī*, *prāznī*) — и один оттянутый (*mūtan*, *vīno*):

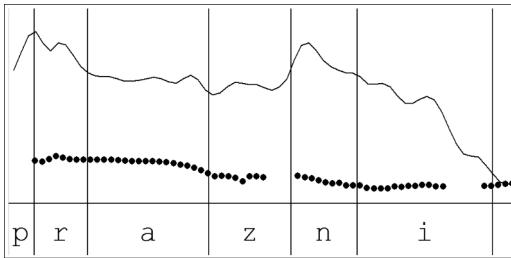
[a]	[a]
<i>t</i> : 0,139 с (долгий)	<i>t</i> : 0,105 с (краткий)
<i>a</i> _{max} : 85,953 дБ	<i>a</i> _{max} : 83,961 дБ
<i>f</i> ₀ : 157,582 Гц	<i>f</i> ₀ : 121,155 Гц
<i>f</i> _{max} : 157,582 Гц на 0 с	<i>f</i> _{max} : 121,155 Гц на 0,105 с
<i>f</i> _{min} : 118,039 Гц на 0,135 с	<i>f</i> _{min} : 102,296 Гц на 0,089 с
<i>f</i> _i : 118,039 Гц	<i>f</i> _i : 106,225 Гц
контур: резко-нисходящий	контур: слабо-нисходящий

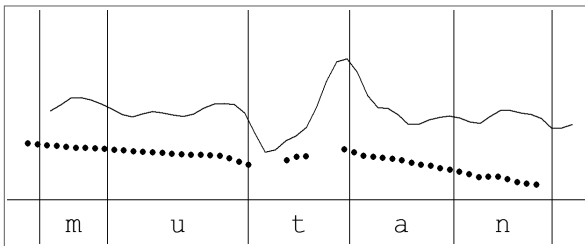
[a]	[i]
t : 0,065 с (краткий)	0,238 с (долгий)
a_{\max} : 84,551 дБ	84,839 дБ
f_0 : 156,656 Гц	189,719 Гц
f_{\max} : 159,221 Гц на 0,031 с	189,719 Гц на 0 с
f_{\min} : 156,656 Гц на 0 с	145,608 Гц на 0,232 с
f_i : 157,849 Гц	145,822 Гц
контур: ровный (слабо- восходящий, слабо- нисходящий)	резко-нисходящий

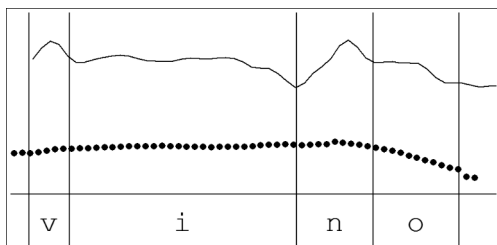
[u]	[i]
t : 0,196 с (долгий)	0,196 с (долгий)
a_{\max} : 89,502 дБ	83,593 дБ
f_0 : 162,876 Гц	113,664 Гц
f_{\max} : 166,693 Гц на 0,043 с	113,664 Гц на 0 с
f_{\min} : 153,739 Гц на 0,155 с	101,457 Гц на 0,181 с
f_i : 158,819 Гц	101,562 Гц
контур: слабо-нисходящий (слабо- восходящий, слабо-нисходящий, слабо-восходящий)	слабо-нисходящий

[a]	[i]
<i>t</i> : 0,175 с (долгий)	0,196 с (долгий)
<i>a</i> _{max} : 82,457 дБ	81,948 дБ
<i>f</i> ₀ : 153,965 Гц	107,013 Гц
<i>f</i> _{max} : 154,501 Гц на 0,015 с	108,311 Гц на 0,102 с
<i>f</i> _{min} : 128,714 Гц на 0,175 с	101,427 Гц на 0,040 с
<i>f</i> ₁ : 128,714 Гц	106,173 Гц
контур: слабо-нисходящий	ровный (слабо-нисходящий, слабо-восходящий, слабо-нисходящий)

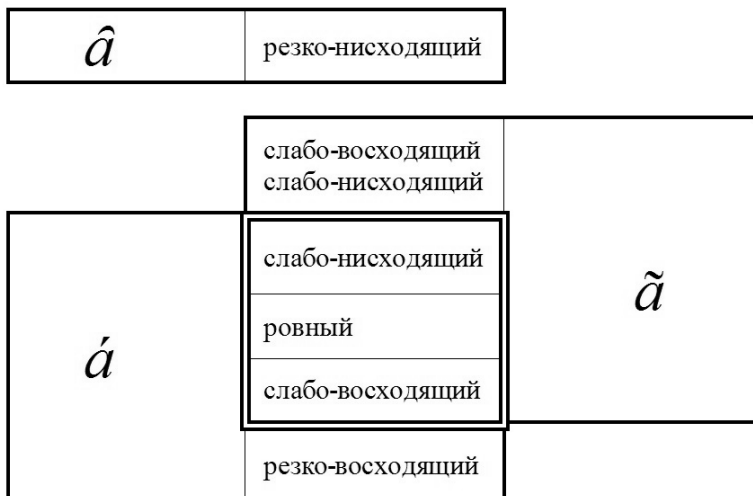

[u]	[a]
<i>t</i> : 0,138 с (долгий)	0,093 с (краткий)
<i>a</i> _{max} : 83,708 дБ	83,317 дБ
<i>f</i> ₀ : 187,899 Гц	172,730 Гц
<i>f</i> _{max} : 187,899 Гц на 0 с	172,730 Гц на 0 с
<i>f</i> _{min} : 158,952 Гц на 0,138 с	139,632 Гц на 0,093 с
<i>f</i> ₁ : 158,952 Гц	139,632 Гц
контур: слабо-нисходящий	резко-нисходящий

[i]	[o]
<i>t</i> : 0,276 с (долгий)	0,104 с (краткий)
<i>a_{max}</i> : 84,262 дБ	83,201 дБ
<i>f₀</i> : 158,175 Гц	160,709 Гц
<i>f_{max}</i> : 166,391 Гц на 0,262 с	160,709 Гц на 0 с
<i>f_{min}</i> : 158,175 Гц на 0 с	118,935 Гц на 0,104 с
<i>f_i</i> : 165,353 Гц	118,935 Гц
контур: слабо-восходящий	резко-нисходящий

Как видно, контур ударного долгого слога не всегда является решающим для определения фонологической интонации. Точнее — лишь по контуру можно отличить от остальных долгий нисходящий, но не долгий восходящий от нового акута:

Итак, наш алгоритм определения ударения принимает следующий вид (для наглядности ставим диакритики в несколько этапов):

А. Постановка фонетического ударения:

1) расставить элементарные контуры, учитывая долготу, на всех слогах (нисходящие, если контур нисходящий, иначе восходящие);

2) выделить самый громкий слог — этому слогу приписать фонетическое ударение (на прочих слогах или снять знак ударения, или заменить его безударной долготой, но запомнить контур для п. 5);

3) учесть контур ударного слога: если он резко-нисходящий, оставить знак нисходящего ударения; если он восходяще-нисходящий, заменить ударение на новый акут; иначе — заменить на восходящее;

4) учесть максимальную частоту следующего слога: если он не ниже, то нисходящее ударение ударного слога заменить на восходящее.

Б. Постановка фонологического ударения:

5) если ударение восходящее, то перенести его на следующий слог (какое там было в п. 1).

В итоге мы имеем пять строк выдачи, соответствующих пяти приведённым пунктам. Первые три строки — промежуточные; они приводятся здесь лишь для иллюстрации последовательности шагов работы нашего алгоритма. Четвёртая строка — фонетическое ударение (именно так записал бы его исследователь-диалектолог). Пятая строка — ударение со снятием отяжки на предыдущий слог (в т. ч. учитывается отяжка с последнего слога, типа новоштокавской).

Оказывается, что в большом количестве случаев можно с немалой долей достоверности правильно «угадать» тон и место ударения. Конечно, в более сложных случаях — прежде всего, при взаимодействии фразовой и словесной интонаций — наш алгоритм ожидаемым образом даёт сбой, но это не значит, что он не может быть усовершенствован. Возможно, в будущем удастся написать такой анализатор, который сам будет оценивать просодический инвентарь представленного каким-либо материалом языка.

Впрочем, главным изъяном нашего метода является неполная строгость в выделении сегментов. Мы это делали вручную — в большой степени на слух. Поэтому в пограничных случаях может иметь место произвольная подгонка под ожидаемый результат, во

избежание какой-либо следует брать только наиболее «рельефные» примеры. Эту процедуру в будущем необходимо улучшить. Тогда можно будет ставить вопрос о разных порогах долгот (t_{\max}) для разных тонов (кажется, восходящие имеют тенденцию быть дольше). Тем не менее, можно сказать, что принципиально наш метод себя оправдал.

Приведём примеры выдачи нашей программки (в т. ч. слов, приведённых выше):

все слоги:	rät	möžëmö	ļètö	žâbârî
самый громкий слог:	rät	möžemo	ļeto	žâbâri
с учётом контура:	rät	möžemo	ļeto	žâbâri
с учётом следующего:	<i>rät</i>	<i>möžemo</i>	<i>ļeto</i>	<i>žâbâri</i>
без оттяжки:	<i>rät</i>	<i>möžemo</i>	<i>ļeto</i>	<i>žâbâri</i>

все слоги:	jâk	krâsân	slâvnâ	glâsnî
самый громкий слог:	jâk	krâsan	slâvna	glasnî
с учётом контура:	jâk	krâsan	slâvna	glasnî
с учётом следующего:	<i>jâk</i>	<i>krâsan</i>	<i>slâvna</i>	<i>glasnî</i>
без оттяжки:	<i>jâk</i>	<i>krâsan</i>	<i>slâvna</i>	<i>glasnî</i>

все слоги:	kõņi	čëstît	böļësnâ	ũskö
самый громкий слог:	kõņi	čëstit	bolëсна	ũsko
с учётом контура:	kõņi	čëstit	bolëсна	ũsko
с учётом следующего:	<i>kõņi</i>	<i>čëstit</i>	<i>bolëсна</i>	<i>ũsko</i>
без оттяжки:	<i>kõņi</i>	<i>čëstit</i>	<i>bolëсна</i>	<i>ũsko</i>

все слоги:	mûtân	dîtë	vînö	mlîkò
самый громкий слог:	mûtan	dîtë	vîno	mlîkò
с учётом контура:	mûtan	dîtë	vîno	mlîkò
с учётом следующего:	<i>mûtan</i>	<i>dîüë</i>	<i>vîno</i>	<i>mlîkò</i>
без оттяжки:	<i>mûtân</i>	<i>dîüë</i>	<i>vînö</i>	<i>mlîkò</i>

все слоги:	mlák	mûtnî	prâznî	kâžû
самый громкий слог:	mlák	mûtnî	prâznî	kâžû
с учётом контура:	mlāk	mûtnî	prâznî	kâžû
с учётом следующего:	<i>mlāk</i>	<i>mûtnî</i>	<i>prâznî</i>	<i>kâžû</i>
без оттяжки:	<i>mlāk</i>	<i>mûtnî</i>	<i>prâznî</i>	<i>kâžû</i>

Итак, помимо теоретических выводов о возможностях автоматического распознавания слоговых тонов, проделанная работа приводит к следующим наблюдениям касательно посавских тонов:

1. Среди долгих ударений «новый акут» сам по себе фонетически противопоставлен только «долгому нисходящему» (который всегда резко нисходящий).

2. От «долгого [ново]восходящего» «новый акут» отличается только более низким следующим слогом.

3. Только при особо ясном произношении «новый акут» выделяется слабовосходяще-слабонисходящим контуром.

Литература

- Ivić, Lehiste 1976 — *Ivić P., Lehiste I.* Fonetska analiza jedne slavonske akcentuacije // Naučni sastanak slavista u Vukove dane, 1976, VI. S. 63–78.
- Ivšić 1913 — *Ivšić S.* Današnji posavski govor // Rad JAZU, 1913, 196 (I). S. 124–254. 197 (II). S. 9–138.
- Каповић 2008 — *Каповић М.* O naglasku u staroštokavskom slavonskom dijalektu // Croatica et Slavica Iadertina, 2008, IV. S. 115–147.
- Каповић 2015 — *Каповић М.* Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.
- Oslon 2012 — *Oslon M.* Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt // Slověne, 2012, 2. S. 66–80.
- Peraić 2011 — *Peraić M.* Verb Accent in the Local Dialect of Bosanski Svilaj // Baltistica, 2011, VII priedas. S. 171–196.
- Vlašić Duić, Pletikos Olof 2014 — *Vlašić Duić J., Pletikos Olof E.* Akustičke posebnosti akuta u čakavskom, kajkavskom i staroštokavskom govoru // Sarajevski filološki susreti II: Zbornik radova. Knjiga I. Sarajevo, 2014. S. 21–44.

М. В. Ослон: neoakut@gmail.com

Николаевская метатония в прусском языке

1. Балто-славянская акцентная система

1.1. В балто-славянской акцентной системе традиционно реконструируются два акцентных класса (т. е. двоякая акцентная валентность) морфем, которые в работах Московской акцентологической школы принято называть *доминантными* и *рецессивными*, ср. [Дыбо 1981: 260; 2009b: 21]¹. Доминантными называются те морфемы, которым «принадлежит» иктус (они в приведённых ниже примерах пишутся прописными буквами), а рецессивными — те, которым «не принадлежит» иктус (ниже пишутся строчными буквами). Ударение в словоформе ставилось на слоге, относившемся к первой (от начала слова) доминантной морфеме, а при отсутствии доминантных морфем — на первом слоге словоформы². Долгие слоги — как ударные, так и безударные — имели одну из двух слоговых интонаций — *акут* или *циркумфлекс*. Для иллюстрации общих положений о балто-славянской акцентной системе здесь и далее приводятся примеры из современного или древнелитовского языка, как самого близкого по родству прусскому, который является главным объектом настоящей

¹ Доминантные и рецессивные морфемы в акцентологической литературе также называют, соответственно, *сильными* и *слабыми* [Garde 1976] или *плюсовыми* (имеющими маркировку +) и *минусовыми* (имеющими маркировку –) [Зализняк 1985]. Термин *доминантность* в указанных работах употребляется в другом значении, нежели в работах В. А. Дыбо и в настоящей статье. Под доминантностью в них понимается такое свойство морфемы, при наличии которого она определяет ударение производного слова независимо от акцентологических свойств входящих в слово других морфем; подробнее см. в [Rinkevičius 2010].

² Автоматическое ударение на первом слоге словоформы, состоящей только из рецессивных морфем, наверное, фонетически отличалось от ударения на слогах, принадлежащих доминантным морфемам (последнее будем называть автономным ударением, ср. [Зализняк 1985: 120]). В развитии отдельных балтийских и славянских языков различие между фонетической реализацией автономного и автоматического ударения было утрачено. Поскольку для настоящего исследования оно большого значения не имеет, в приводимом описании балто-славянской акцентной системы оно во внимание условно не принимается. По поводу его предположительного сохранения в прусском языке ср. [Olander 2009].

статьи, т. к. скудные и не всегда достоверные прусские данные порой не интерпретируются однозначно.

1.2. Изменяемые слова в балто-славянском были распределены по двум акцентным парадигмам: *неподвижной* и *подвижной*. Непроизводные слова с доминантными корнями относились к неподвижной а.п. (ср. лит. ном. sg. *PRĪEŠ-as*, ном. pl. *PRĪEŠ-AI* ‘враг’ а.п. 1; асс. sg. *GĒD-q*, ном. sg. *GĒD-A* ‘стыд, позор’ а.п. 1), а слова с рецессивными корнями относились к подвижной а.п. (ср. лит. ном. sg. *dārb-as*, ном. sg. *dārb-ĀI* ‘работа’ а.п. 3; асс. sg. *nāud-q*, ном. sg. *naud-Ā* ‘польза’ а.п. 3). В ряде форм слов подвижной парадигмы корни по вышеуказанному правилу теряли ударение, если за ними следовало доминантное окончание. В литовском языке акцентные кривые балто-славянских неподвижной и подвижной парадигм частично сохранились в акцентных парадигмах 1 и 3 соответственно. После действия закона де Соссюра, по которому ударение сдвинулось с неаккутового слога на следующий акутовый, из исходных двух парадигм выпали слова с неаккутовыми корнями — так образовались современные а.п. 2 и 4 [Saussure 1896]³. Следовательно, к б.-сл. неподвижной а.п. восходят литовские а.п. 1 и 2, а к подвижной — а.п. 3 и 4.

1.3. Выбор акцентного типа производных слов зависел от акцентной валентности словообразовательного аффикса и акцентной парадигмы производящего слова (т.е. акцентной валентности корня, см. выше). Например, имена, образованные *доминантными суффиксами* от производящих слов неподвижной а.п., имели постоянное ударение на корне (точнее, на «базовом компоненте» производной основы, по терминологии А. А. Зализняка⁴) (ср. др.-лит. *PRĪEŠ-INYK-as* 1 ‘противник’ ← *PRĪEŠ-as* 1 ‘враг’), а образованные от производящих слов подвижной а.п. имели постоянное ударение на суффиксе (ср. др.-лит. *dārb-ĪNK-as* 2 ‘работник’ ← *dārb-as* 3 ‘работа’). Имена, образованные *рецессивными суффиксами* от производящих слов неподвижной а.п., имели постоянное ударение на корне (ср. др.-лит. *GĒD-*

³ Новую формулировку закона де Соссюра см. в [Дыбо 2000: 75].

⁴ Под «базовым компонентом» понимается часть производной основы, которая остаётся после вычета словообразовательного форманта [Зализняк 1985: 31]. Он совпадает с корнем, если производящее слово непроизводно. Если производящее слово производно, в состав базового компонента производной основы могут, кроме корня, войти и различные аффиксы. В настоящей статье ударение на базовом компоненте производной основы условно будет называться «накоренным» ударением.

ing-as, *-a* 1 ‘постыдный, позорный’ ← *GĒD-a* 1 ‘стыд, позор’), а образованные от производящих слов подвижной а. п. — подвижное ударение: то на корне, то на окончании (ср. др.-лит. masc. *nāud-ing-as*, fem. *naud-ing-ā* 3^a ‘полезный’ ← *naud-ā* 3 ‘польза’), ср. [Дыбо 1981: 55–196; 2006; 2009b и др.; Garde 1976: 54–104]. Как видно, в производных именах подвижное ударение было возможно только в словах с рецессивными суффиксами, а сами рецессивные суффиксы были всегда безударными. И наоборот: насуффиксальное ударение было возможно только в словах с доминантными суффиксами.

2. Прусская акцентная система

2.1. В настоящей статье, как и в других наших работах, главным источником сведений о прусском ударении считается употребление переводчиком III прусского катехизиса (Энхиридиона, 1561 г.) Абе-лем Вилем специального диакритического знака, в оригинале Энхиридиона напоминающего тильду (~), но в научной литературе обычно транскрибируемого горизонтальной линией над буквой, т. е. макроном (̄), для обозначения ударных долгот, а также диграфа <ij> для передачи долгого гласного /i/ под ударением, ср. [Trautmann 1910: 184–195; Endzelīns 1943: 19–22; Schmalstieg 1974: 22–25; Maziulis 2004: 13–14; Топоров 2006: 62; Rinkevičius 2015: 92]. Этими приёмами (макроном и диграфом <ij>) в обсуждаемом памятнике обозначается как фонологически значимая долгота, т. е. долгие гласные (напр. *gīdan* ‘стыд’, *wijran* ‘мужчина, муж’, ср. лит. *gėda*, *vyras*), так и позиционное удлинение первого гласного дифтонгов под циркумфлексивой слоговой интонацией (напр. асс. pl. *āusins* ‘ухо’, асс. sg. *mērgan* ‘батрачка’, ср. лит. асс. sg. *aūsi*, *mergą*)⁵. Положения некоторых авторов о том, что в прусских текстах применялись и другие способы обозначения ударения, например, двойные согласные и др., ср. [Trautmann 1910: 196–197; Kortlandt 1974; Smoczyński 1990; Дыбо 1998;

⁵ Традиционно утверждается, что макроном обозначается и удлинение второго гласного дифтонгов под акутовым ударением (напр. асс. sg. *āinan* ‘один’, ср. лит. *vienas*), но примеров, которые могли бы подтвердить такое утверждение, очень мало (ср. господствующее написание *ainan*, засвидетельствованное 19 раз, наряду с единичным случаем *āinan*). Скорее всего, гласные акутовых дифтонгов заметно не удлинялись, поэтому и ударность слогов с такими дифтонгами в Энхиридионе специально не обозначалась [Гирденис 1973; Rinkevičius 2009: 64т., 81; 2015: 174–175].

2009а; 2014], мы считаем недостаточно доказанными и в дальнейшем анализе прусского материала не учитываем. За обоснованием такого подхода отсылаем читателя к нашей работе [Rinkevičius 2009b: 63–82].

2.2. Анализ ударения прусских непроизводных имён показывает, что в прусском языке сохранились исконные балто-славянские именные акцентные парадигмы: неподвижная (напр. прус. nom. sg. *WIJR-s*, acc. sg. *WIJR-an*, nom. pl. *WIJR-AI*, dat. pl. *WIJR-IMANS* ‘мужчина, муж’, ср. лит. nom. sg. *VÝR-as*, acc. sg. *VÝR-q*, nom. pl. *VÝR-AI*, dat. pl. *VÝR-AMS* а.п. 1) и подвижная (напр. прус. acc. sg. *mērg-an*, dat. pl. *merg-ŪMANS* ‘батрачка’, ср. лит. acc. sg. *meřg-q*, dat. pl. *merg-ŪMS* а.п. 4). Подробнее об акцентных парадигмах прусских непроизводных имён см. в работах [Rinkevičius 2006; 2009b: 94–112]. Попытки доказать действие в прусском языке различных законов передвижения ударения (например, законов де Соссюра и Кортландта), в результате которых должны были возникнуть новые акцентные парадигмы, мы не считаем успешными. Противоположное мнение представлено в работах [Milewski 1966; Kortlandt 1974; Дыбо 1998; 2009а; 2014], его критику см. в [Rinkevičius 2009b: 85–93].

2.3. Что касается акцентуации производных, можно с высокой вероятностью полагать, что балто-славянская модель ударения имён с доминантными суффиксами в прусском языке сохранялась ещё сравнительно хорошо, ср. acc. sg. *GRĪK-ENIK-an* ‘грешник’ (постоянное ударение на корне) ← nom. pl. *GRĪK-AI* ‘грех’ (неподвижная а.п.), но dat. pl. *auschaut-ENĪK-AMANS* ‘должник’ (постоянное ударение на суффиксе) ← acc. pl. *āuschaut-ins* ‘долг’ (вероятно, подвижная а.п.), ср. [Rinkevičius 2011а; Дыбо 2009а: 168–172]. Изначальная модель ударения производных с рецессивными суффиксами ещё видна в немногочисленных засвидетельствованных суффиксальных именах с подвижным ударением, напр. nom. sg. fem. *aucktimm-isk-Ū* ‘власть, начальство’, *etwerp-sn-Ā* ‘отпущение’, *spig-sn-Ā* ‘умывание’. Но в целом поведение унаследованных балто-славянских рецессивных суффиксов в прусском языке на первый взгляд больше напоминает модель доминантных суффиксов. Кроме не вызывающих удивления случаев с накоренным ударением (напр. *(ni)-GĪD-ing-s* ‘бесстыжий’ ← *GĪD-an* ‘стыд’, ср. лит. *GĒD-A* а.п. 1) в Энхиридионе засвидетельствовано и очень значительное число слов с насуффиксальным ударением (которое в прабалто-славянском было возможно только в производных с доминантными суффиксами, см. § 1.3), напр. *wert-īng-s*

‘ценный’, *druw-īng-imans* ‘верующий’. Следовательно, есть основания полагать, что в прусском языке действовала тенденция перехода старых рецессивных суффиксов в класс доминантных, ср. [Rinkevičius 2011b].

3. Николаевская метатония

3.1. С. Л. Николаевым [1986; 1989] было показано, что в балтославянском рецессивные морфемы в определённых словообразовательных условиях (а именно, в производных с доминантными словообразовательными формантами) становились (вторично) доминантными, а если они были акутовыми, то к тому же превращались в циркумфлексовые, ср. лит. *dė-ti* ‘класть, положить’ (рецессивный акутовый корень, на что указывает прерывистая слоговая интонация в латышском соответствии *dēt*) → *DĒKL-as* 2 ‘кобура, футляр’ (вторично доминантный циркумфлексовый корень). В тех же самых условиях доминантные морфемы не менялись, ср. лит. *DŪR-ti* ‘колоть’ (доминантный акутовый корень, на что указывает плавная интонация в лтш. *durīt*) → *DŪR-KL-as* 1 ‘кинжал’ (доминантный акутовый корень). В обоих примерах производные относятся к неподвижной а. п. (т. е. литовским а. п. 1 и 2), что указывает на доминантность словообразовательного суффикса *-KL-*, вызвавшего изменение акцентной валентности и слоговой интонации предшествующей морфемы.

3.2. Тем же объясняется и отношение между некоторыми суффиксами, внешне похожими, но имеющими различные акцентные валентности (в случае долгого гласного — и слоговые интонации), например (древне-)литовскими рецессивными (акутовыми) суффиксами *-in-as*, *-išk-as*, *-yb-a*, *-ōk-as*⁶ и соответствующими доминантными (циркумфлексовыми) суффиксами *-IN-is*, *-IŠK-is*, *-ŪB-ē*, *-ŌK-as*. Последние можно интерпретировать как образованные от первых с помощью определённых словообразовательных формантов (с исторической точки зрения — доминантных первичных суффиксов *-ЦА-*, *-ЦА*, *-А-*). Суммарно николаевскую метатонию в суффиксах на основании (древне-)литовских примеров можно представить в виде следующей таблицы (по поводу акцентных валентностей отдельных суффиксов см. указанные страницы работы [Дыбо 2006]; подробнее о метатонии

⁶ Знаками ударения здесь и далее в приведённых примерах отдельных морфем обозначается не ударение, а лишь слоговая интонация.

в суффиксах см. [Николаев 1989: 91–94; Дыбо 2000: 63–67; 2008: 162–165; 2009b: 35–44 и др.]:

Др.-лит. adj. **-in-(as)** ⇔ adj. **-IN-(IS)**

рецессивный: **-in-(as)**, fem. **-in-(A)** [Дыбо 2006: 131–134]:

ÁUKS-in-as, fem. *ÁUKS-in-A* 1 ‘золотой’

← *ÁUKS-as* 1 ‘золото’

pláuk-in-as, fem. *plauk-in-Ā* 3^a ‘осыпанный волосами’

← *pláuk-as* 3 ‘волос’

↓

доминантный: **-IN-(IS)**, fem. **-IN-(Ē)** [Дыбо 2006: 176–179]:

DŪM-IN-IS, fem. *DŪM-IN-Ē* 1 ‘дымовой’

← *dūm-as* 1 ‘дым’

berž-in-IS, fem. *berž-in-Ē* 2 ‘березовый’

← *bérž-as* 3 ‘берёза’

Др.-лит. adj. **-išk-(as)** ⇔ subst. **-IŠK-(IS)**

рецессивный **-išk-(as)**, fem. **-išk-A** [Дыбо 2006: 119–131]:

VŪR-išk-as, fem. *VŪR-išk-A* 1 ‘мужской’

← *VŪR-as* 1 ‘мужчина, муж’

bėrn-išk-as, fem. *bern-išk-Ā* 3^a ‘свойственный парню’

← *bėrn-as* 3 ‘парень, мальчишка’

↓

доминантный **-IŠK-(IS)**, fem. **-IŠK-(Ē)** [Дыбо 2006: 175–176]:

VŪR-IŠK-IS 1 ‘мужчина’

← *vūr-as* 1 ‘мужчина, муж’

bern-iŠK-Ē 2 ‘детство’

← *bėrn-as* 3 ‘парень, мальчишка’

Др.-лит. subst. **-yīb-(A)** ⇔ subst. **-YĪB-(Ē)**

рецессивный акутовый **-yīb-(A)** [Дыбо 2006: 150–156]:

LŪG-yīb-A 1 ‘равенство’

← *LŪG-us* 1 ‘ровный’

sald-yīb-Ā, acc. sg. *sáld-yīb-q* 3^a ‘сладость’

← *sald-ūs* 3 ‘сладкий’

↓

доминантный циркумфлексовый **-YĪB-(Ē)** [Дыбо 2006: 218–226]:

TĀMS-YĪB-Ē 1 ‘темнота’

← *TĀMS-US* 1 ‘тёмный’

aukšt-YĪB-Ē 2 ‘высота’

← *áukšt-as* 3 ‘высокий’

Др.-лит. и диал. adj. **-ók-(as)** ⇔ subst. **-ōk-(as)**

рецессивный **-ók-(as)**, fem. **-ók-A** [Дыбо 2006: 175–176]:

īLG-ók-as, fem. *īLG-ók-A* 1 ‘длинноватый’

← *īLG-as* 1 ‘длинный’

šált-ók-as, fem. *šált-ók-A* 3^a ‘холодноватый’

← *šált-as* 3 ‘холодный’

↓

доминантные **-ōk-(as)**, fem. **-ōk-(Ė)**

совр. лит. *nauj-ōk-as*, fem. *nauj-ōk-Ė* ‘новичок’⁷

3.3. С синхронной точки зрения, условиями, при которых (одном или нескольких) происходит обсуждаемое превращение рецессивных суффиксов в доминантные, могут считаться:

1) образование существительных от прилагательных:

adj. *nauj-ók-as* ⇔ subst. *nauj-ōk-as*

adj. *VYR-išk-as* ⇔ subst. *VYR-išk-IS*

2) йотация конца основы (исторически — вторичная masc. *-ija-/* fem. *-ijā* основа) производного с доминантным суффиксом:

-in-as ⇔ *-IN-IS* (< **-in-ija-s*)

-išk-as ⇔ *-IŠK-IS* (< **-išk-ija-s*)

-yb-A ⇔ *-YB-Ė* (< **-īb-ijā*)

3) дополнительным признаком этого явления, присущим ему только при наличии в суффиксе долгого слога, может считаться и превращение акутовой слоговой интонации в циркумфлексивную:

-ók-as ⇔ *-ōk-as*

-ýb-A ⇔ *-ÿB-Ė*

3.4. Далее мы постараемся показать, что упомянутое преобладание в прусском языке доминантных суффиксов за счёт рецессивных (см. § 2.3) можно истолковать как результат николаевской метатонии, т. е. такого же, как и в приведённых литовских примерах, закономер-

⁷ В современном литовском языке для всех существительных с суффиксами *-okas*, *-okė* обобщено постоянное насуффиксальное ударение [Stundžia 2009: 107; 2014: 86]. Засвидетельствованных в акцентуированных древнелитовских текстах недостаточно примеров для подтверждения предполагаемой доминантности суффиксов и зависимости ударения производных от акцентных парадигм производящих.

ного изменения акцентной валентности (и слоговой интонации) суффиксов при вышеуказанных условиях.

4. Судьба рецессивных суффиксов в прусском языке

В прусском Энхиридионе в достаточном количестве примеров засвидетельствованы рефлексы трёх унаследованных балтийских (или балто-славянских) рецессивных суффиксов: *-ing-*, *-isk-* и *-sen-*. У каждого из них видны как признаки модели ударения доминантных суффиксов, так и признаки николаевской метатонии.

4.1. Суффикс *-ing-*

О рецессивности балто-славянского адъективного суффикса *-ing-* (*a-*) см. [Дыбо 1981: 127–142; 2006: 137–142; 2009b: 29]; ср. также древне-литовские примеры в § 1.3. В прусском языке никаких реликтов подвижного ударения производных с этим суффиксом, которое могло бы указать на сохранение его рецессивности, не засвидетельствовано. Зато примеров с насуффиксальным ударением, указывающим на вторичную доминантность, в Энхиридионе предостаточно, напр. *labb-ĪNG-s* ‘благой, добрый’, *naun-ĪNG-s* ‘неофит, новичок’, *wert-ĪNG-s* ‘ценный’, dat. pl. *druw-ĪNG-IMANS* ‘верующий’, (*wisse*)-*mus-ĪNG-is* ‘всемогущий’, adv. *teis-ĪNG-i* ‘почтительно, честно’, *iss-pret-ĪNG-i* ‘а именно, то есть’ и др., больше примеров: [Rinkevičius 2009b: 122; 2011b: 133; Дыбо 2009a: 162–168]. Прусский суффикс показывает и все три признака николаевской метатонии:

- субстантивация прилагательных: судя по значению или синтаксическому употреблению, некоторые засвидетельствованные в памятниках прусского языка⁸ имена с суффиксом *-ing-* можно интерпретировать как существительные (напр. *naunīngs* III 87₈ ‘неофит, новичок’, *klaustīngs* III 73₃ ‘духовник’, dat. pl. *druwīngimans* III 121_{10–11} ‘верующий’, acc. pl. *lāngiseilingins* III 17₁₄, 65₅, 73_{5–6} ‘доверчивый’, acc. pl. *mukinnewingins* III 87₁₄ ‘учитель’, *ragingis* E 651 ‘олень’ и др., ср. [Endzelīns 1943: 51]), другие — как явные прилагательные: acc. sg. *druwīngin* III 119₁₃ ‘верующий’, *labbīngs* III 51₈ ‘благой, добрый’, *wertīngs* III 67₁₄, 77₁₃ ‘ценный’, *nigīdings* III 69₃ ‘бесстыжий’ и др.). Субстантивация в прусском языке недавняя, так как восточно-бал-

⁸ Сокращения ниже цитируемых памятников: III — Третий катехизис (Энхиридион, 1561); E — Ельбингский словарь (конец XIII — начало XIV вв.). Научное издание памятников см. [Mažiulis PKP]; также ср. [www.prusistika.flf.vu.lt].

тийским языкам она почти неизвестна: абсолютное большинство литовских и латышских производных с суффиксом *-ing-* являются прилагательными, напр. лит. *laimingas*, лтш. *laimīgs* ‘счастливый’ и др. В качестве исключений можно упомянуть засвидетельствованные в литовских диалектах немногочисленные существительные (большинство из них — экспрессивного характера), напр. *blezdingà* ‘ласточка’, *klibiņgis* ‘хромой человек’, *kliviņgis* ‘кривоножка’, *krivingis* ‘сильно искривившаяся вещь’ и под. [Skardžius 1943: 121].

- вторичная *-ija-* основа части засвидетельствованных форм: наряду с ожидаемыми (и соответствующими восточно-балтийским производным) *-a-*основными формами (напр. *labbingis* ‘благой, добрый’, *wertings* ‘ценный’, *nigīdings* ‘бесстыдный’), в прусском языке весьма продуктивными стали и более поздние *-ija-*основные формы (напр. *niseilewingis* ‘опустившийся, ленивый’, *wissemmusīngis* ‘всемогущий’ и др.). В восточно-балтийских языках *-ija-*основа (соответственно, fem. *-ē* < **-ijā-*основа) встречается только в единичных случаях по диалектам (напр. лит. adj. *pieningė* ‘удойливая’, subst. *kliviņgis* ‘кривоножка’ [Skardžius там же] (ср. выше), лтш. adj. *bērņīdze* ‘многолетняя’, *pienīdze* ‘удойливая’ [Endzelīns там же]) и в топонимах (напр. лит. *Léipalingis*, *Nedingis*, *Kūliņgis*, *Naudiņgis*, *Svaitiņgis*, *Šiliņgis* и др. [Skardžius: там же; Vanagas 1970: 168]).

- переход акута в циркумфлекс: ср. циркумфлекс в прусском суффиксе *-īng-* (отражаемый макроном на первом звуке дифтонга *in*, ср. § 2.1) и акут в восточно-балтийских суффиксах лит. *-ing-as*, лтш. *-īg-s*, ср. [van Wijk 1923; Rinkevičius 2009a: там же]. Циркумфлекс в восточно-балтийских языках, если и встречается, то только в вышеупомянутых редких исключениях, которым присущи и другие признаки николаевской метатонии, напр. в *-ija-*основных существительных *klibiņgis* ‘хромой человек’, *kliviņgis* ‘кривоножка’ или топонимах *Kūliņgis*, *Naudiņgis*, *Svaitiņgis*, *Šiliņgis* и др.

4.2. Суффикс *-isk-*

4.2.1. Прусский суффикс *-isk-* восходит к балто-славянскому рецессивному адъективному суффиксу *-isk-(a-)* [Дыбо 1981: 62–72, 151–154; 2006: 119–131; 2009b: 28–29], ср. также древне-литовские примеры в таблице в § 3.2. Унаследованную рецессивность показывает производное пом. sg. fem. *aucktimm-isk-Ū*⁹ ‘власть, начальство’,

⁹ В *ā-*основном окончании долгий гласный *-ā* (ср. лит. пом. sg. fem. *výrišk-a*) в

являющееся единственным засвидетельствованным примером подвижного ударения.

4.2.2. Все прочие примеры с ясным местом ударения, т. е. засвидетельствованные с макроном или диграфом <ij>, имеют ударение на корне (точнее, на базовом компоненте). Некоторые из них имеют неподвижное ударение (напр. ном. sg. fem. *DEIWŪT-isk-U* ‘спасение (души)’, *PERŌN-isk-U* ‘общий’, *EMPIJRE(N)-isk-U* ‘общность’), на что указывает безударное доминантное окончание ном. sg. fem. *-U* (< балт. **-Ā*), но акцентная валентность суффикса здесь все-таки остается неизвестной, поскольку при доминантном корне (базовом компоненте) неподвижное накоренное ударение проявляется в производных как с доминантными, так и с рецессивными суффиксами. Другие имена с *-isk-* и с ударением на корне (базовом компоненте) засвидетельствованы только в формах с рецессивными окончаниями, ввиду чего их акцентные парадигмы не могут быть установлены, поскольку формы с ударением на корне (базовом компоненте) возможны как в неподвижной, так и в подвижной парадигме (напр. асс. sg. *kāup-isk-an* ‘торговля’, *christiān-isk-an* ‘христианство’, *schlāit-isk-an* ‘особенность’, *dēig-isk-an* ‘щедрый’, *prūs-isk-an* ‘пруссский’ и др. (другие примеры см. в [Rinkevičius 2009b: 138–140; 2011b: 134–135; Дыбо 2009a: 154–162]).

4.2.3. Допуская, что в прусском языке, наряду с унаследованным рецессивным суффиксом *-isk-* (ср. лит. *-išk-as*, лтш. *-isk-s*), мог иметься и связанный с ним николаевской метатонией вторичный доминантный суффикс (ср. лит. *-išk-is*), а производные, образованные им от производящих слов подвижной акцентной парадигмы, получали бы постоянное насуффиксальное ударение, надо иметь в виду, что такое насуффиксальное ударение никак не могло бы быть отражено в орфографии Энхиридиона, поскольку гласный суффикса краткий (см. § 2.1). При этом, сразу бросается в глаза относительно большое количество имён с суффиксом *-isk-*, засвидетельствованных в памятнике без макрона или диграфа <ij>, напр.: *ainawid-isk-an* ‘единый’, *dengn-isk-as* ‘небесный’, *d(e)inen-isk-as* ‘дневной’, *nideiŭ-isk-an* ‘небожественный’, *labb-isk-u* ‘доброта, благосклонность’, *swint-isk-an*

диалекте Энхиридиона последовательно превращается в *-ū* после губных и гортанных согласных, ср. прус. *mūti, mergu* [mergū], лит. *mótė, mergà*, лтш. *māte, mērga* < балт. **māitē* ‘мать’, **mergā* ‘дева’ [Saussure 1892; Trautmann 1910: 126–127; Endzelīns 1943: 27; Mažiulis 2004: 17–18; Топоров 2006: 64; Rinkevičius 2015: 94–95].

‘святость’, *teis-isk-an* ‘почётность’ и др.; ещё примеры: [Rinkevičius там же]. Некоторые из них — по крайней мере теоретически — могли бы иметь и насуффиксальное ударение.

4.2.4. Из признаков николаевской метатонии у прусских имён с *-isk-* налицо субстантивация прилагательных: во всех балтославянских языках, в т. ч. и прусском, этим суффиксом издавна образуются прилагательные (ср. прус. *prūsiskan* ‘пруссский’, лит. *vyrīškas* ‘мужской’, лтш. *latvīšks* ‘латышский’, рус. *мужской* и др.), но в какое-то время форма женского рода прилагательных в прусском субстантивировалась и употреблялась в значении названий свойств, напр. adj. (nom. sg. fem.) *perōnisku* ‘общий’ → subst. (acc. sg. fem.) *perōniskan* ‘общность, сообщество’; adj. (nom. sg. masc.) *prābutskas* ‘вечный’ → subst. (acc. sg. fem.) *prābutskan* ‘вечность’ и т. д. На момент создания Энхиридиона существительные, по-видимому, уже могли образовываться суффиксом *-isk-* и прямо от соответствующих бессуффиксальных слов, т. е. без промежуточной ступени суффиксального прилагательного, напр. subst. *labb-isk-u* ‘доброта, благосклонность’ ← adj. *lab-s* ‘добрый, хороший’; subst. *spart-isk-u* ‘сила’ ← adj. *spart-s* ‘сильный’ [Endzelīns 1943: 50; Mažiulis 2004: 32]. При этом, *-ija-/-ijā-*основных существительных, которые соответствовали бы литовским существительным типа *vyrīškis* ‘мужчина’ (fem. *moteriškė* ‘женщина’) (см. § 3.2), в прусском языке не засвидетельствовано.

4.3. Суффикс *-sen-*

4.3.1. Этим суффиксом в прусском языке регулярно образовывались имена действия (списки засвидетельствованных форм см. в [Vammesberger 1973: 87–98; Parenti 1998; Rinkevičius 2009b: 144–152; 2011b: 135–138]). Суффикс проявляется в двух вариантах, точнее, в двух различных суффиксах: *-sn-ā* (*ā*-основа, женский род) и *-senn-īs* (*-ija-*основа, мужской род). Их распределение частично зависит от морфологической структуры производящего глагола.

4.3.2. Суффикс *-sn-ā* (*ā*-основа, женский род) получают производные от глаголов любой морфологической структуры, т. е. как от суффиксальных, так и от бессуффиксальных. Производные от суффиксальных глаголов засвидетельствованы в большинстве своём с неподвижным ударением на базовом компоненте основы: корне (напр. acc. sg. *WIJDIK-AU-sn-an* ← ‘свидетельство’ ← **ŪDIK-AU-t* ‘свидетельствовать’; acc. pl. *(po)-MĪJR-I-sn-ans* ‘мысль, думанье’ ← *(po)-MĪR-I-t*

‘(по)думать’ и др.) или глагольном суффиксе (напр. асс. sg. *bi-Ā-sn-an* ‘боязнь, страх’ ← *bi-Ā-twei* ‘бояться’; асс. sg. *teik-Ū-sn-an* ‘творение’, ном. sg. *en-teik-Ū-sn-a* ‘установление, порядок’ ← **(en)-teik-Ū-t*, ср. партс. *teik-Ū-uns* ‘сотворивший’, *en-teik-Ū-uns* ‘установивший’), что объясняется доминантностью глагольных суффиксов и, следовательно, неподвижностью суффиксальных глаголов (вероятно, все или большинство суффиксальных глаголов в прусском, как и в литовском, языке были неподвижны). Единственный пример подвижного ударения — слово *cixti-sn-Ā* ‘крещение’, образованное от славизма *cixt-i-twi* ‘крестить’ (ср. др.-рус. *крѣстити* с подвижным ударением [Зализняк 1985: 140; 2014: 314]).

4.3.3. У производных от бессуффиксальных глаголов чётко засвидетельствовано только подвижное ударение (напр. *spig-sn-Ā* ‘умывание’ ← **spīg-t* ‘мыть’; *et-werp-sn-Ā* ‘отпущение’ ← *et-wiērp-t* ‘отпустить (грехи), прощать’), но это не значит, что неподвижное ударение у них было невозможно. Дело в том, что производные с ударением на корне засвидетельствованы в формах, нерелевантных для установления акцентной парадигмы, напр. асс. sg. *au-mū-sn-an* ‘смывание’, *et-skī-sn-an* ‘воскресение, вставание’, *pra-kāi-sn-an* ‘потение, пот’.

4.3.4. Суффикс *-sn-ā* восходит к рецессивному балтийскому отглагольному суффиксу **-sen-ā* (< **-sĵen-ā*) / **-sĵian-ā*, которым образованы также лит. *-sen-a* (напр. *eĩ-sen-a* ‘походка, шествие’, *gyvén-sen-a* ‘образ жизни’, *rašý-sen-a* ‘почерк’) и лтш. *-šana* (напр. *iē-šan-a* ‘ход, ходьба’, *dzīvuō-šan-a* ‘жизнь’, *rakstī-šan-a* ‘писание’). Продуктивным в образовании имён действия он стал только в прусском и латышском языках, а также в части жемайтских говоров литовского языка, в то время как в большинстве литовских диалектов и в литературном языке он был в этом значении вытеснен суффиксом *-im-as/-ym-as* (ср. лит. *ėj-im-as* ‘ход, ходьба’, *gyvén-im-as* ‘жизнь’, *rāš-ym-as* ‘писание’). Былую рецессивность суффикса подтверждает подвижность ударения, сохранённая не только в прус. *spig-sn-Ā* ‘умывание’, *et-werp-sn-Ā* ‘отпущение’ (см. § 4.3.3), но и в некоторых архаизмах литовских диалектов, напр. *bėg-sen-Ā* 3^a ‘бег, пробежка’, *ka-sen-Ā* 3^b ‘копание, рытьё’, *veik-sen-Ā* 3^b ‘способ действия’ (в литературном языке обобщено неподвижное ударение, напр. *bėg-sen-a* 1, *kā-sen-a* 1, *veik-sen-a* 1; более глубокий анализ литовских примеров затруднителен ввиду непродуктивности суффикса).

4.3.5. В прусском языке краткий гласный *e* рецессивного (следовательно, всегда безударного, см. § 1.3) суффикса синкопирован:

**etwerp-sen-ā* > *etwerp-sn-ā* (несинкопированную форму видим ещё в диалекте I катехизиса, напр. *atski-senn-a* ‘воскресение, вставание’). Мнение, что прус. *-sn-ā* восходит не к балт. **-sen-ā*, а прямо к балт. **-sn-ā* (ср. лтш. *lūgsna* ‘просьба’, лит. *džiūsna* ‘худой человек’), т. е. к другому суффиксу нежели тот, от которого происходит прус. *-senn-is*, и, следовательно, может рассматриваться отдельно от последнего [Endzelīns 1943: 46–47; Mažiulis 2013: 85–86; Ambrazas 1993: 59, 61; Дыбо 2009а: 138–139], кажется нам неубедительным ввиду полного семантического тождества производных с обоими этими суффиксами в прусском, ср. *etwerp-sn-ā* = асс. sg. *etwerp-senn-ian* ‘отпущение’; *ispre-sn-ā* = асс. sg. *isspre-ssenn-ien* ‘разум’, *cixti-sn-ā* = асс. sg. *cixti-ssenn-ien* ‘крещение’ [Vammesberger 1973: 97–98; Parenti 1998].

4.3.6. Суффикс **-senn-is** (*-ija*-основа, мужской род) выступает почти только в производных, образованных от бессуффиксальных глаголов, напр. асс. sg. *etwerp-SENN-ian* ‘отпущение’ ← *et-wiērp-t* ‘отпускать (грехи), прощать’; асс. sg. *stin-SENN-ien* ‘страдание’ ← **stīn-t* ‘страдать’, ср. partic. *stīn-ons* ‘страдавший’; асс. sg. *gim-SEN-in* ‘рождение’ ← *gem-ton* ‘родиться’ и др. Единственным примером производного от суффиксального глагола является слово *cixti-ssenn-ien* ‘крещение’ (← *cixt-i-twi* ‘крестить’). Так как имена с *-senn-is* показывают один из признаков николаевской метатонии, а именно вторичную, неизвестную другим балтийским языкам, *-ija*-основу, можно предполагать, что суффикс *-senn-is* доминантен и некоторые производные с ним должны иметь насуффиксальное ударение. Поскольку гласный суффикса краток, насуффиксальное ударение не могло отразиться в орфографии Энхиридиона (см. § 2.1). Почти все примеры с суффиксом *-senn-is* засвидетельствованы без макрона или диграфа <ij>¹⁰, что резко увеличивает вероятность предполагаемой ударности суффикса хотя бы в некоторых из них. Почти нет сомнения в том, что, например, в слове *et-werp-SENN-ian* ‘отпущение’ ударение стоит на суффиксе или, по крайней мере, не на корне: из 12 засвидетельствованных форм этого слова ни в одной не поставлен макрон над корневой гласной, в то время как в формах производящего глагола он ставится регулярно, ср. inf. *et-wiērp-t* 2×¹¹, *etp-wērp-t*,

¹⁰ Кроме единичного случая асс. sg. *boūsennien* ‘состояние, положение, суть’, который, учитывая ещё десять засвидетельствованных форм этого слова без макрона, скорее всего является ошибочным.

¹¹ Включая случай *etwērp-t* с ошибочно, т. е. не на той букве, поставленным макроном.

praes. 3 sg. *et-wiērp-ei*, praes. 1 pl. *et-wērp-imai*, partc. *et-wiērp-ons* ‘отпускать (грехи), прощать’.

4.3.7. Опираясь на данный материал, можно полагать, что в прусском языке действовала тенденция устранения имён действия на *-sn-ā* с подвижным ударением (образованных в большинстве от бессуффиксальных глаголов, а также от славизма *crixtitwi*) и замены их именами на *-senn-is* с насуффиксальным ударением, т.е. частичной замены рецессивного суффикса *-sn-ā* доминантным *-senn-is*.

5. Заключение

Из представленного в статье материала видно, что прусский язык унаследовал из прабалто-славянского правило, согласно которому рецессивные (акутовые) морфемы в определённых словообразовательных условиях превращались во вторично доминантные (циркумфлексовые). Видимо, это был ещё живой процесс, причём прусский язык самостоятельно распространил его действие на морфемы, которые в других родственных языках в нём не участвовали или участвовали менее последовательно.

Литература

- Гирденис 1973 — Гирденис А. Западнолитовские и древнепрусские слоговые акцентные // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Я. Эндзелина. Рига, 1973. С. 71–75.
- Дыбо 1981 — Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт сравнения системы акцентных парадигм в праславянском. Москва, 1981.
- Дыбо 1998 — Дыбо В. А. О системе акцентных парадигм в прусском языке (материалы к акцентологии прусского языка. I) // Славяноведение, 1998, 3. С. 5–18.
- Дыбо 2000 — Дыбо В. А. Из балто-славянской акцентологии. Проблема закона Фортунатова и поправка к закону Ф. де Соссюра // Балто-славянские исследования XIV (1998–1999). Москва, 2000. С. 27–82.
- Дыбо 2006 — Дыбо В. А. Порождение акцентных типов производных имен в балтийском // Балто-славянские исследования XVII. Москва, 2006. С. 116–249.
- Дыбо 2008 — Дыбо В. А. Порождение акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Москва, 2008. С. 145–182.
- Дыбо 2009a — Дыбо В. А. О системе акцентных парадигм в прусском языке // Балто-славянские исследования XVIII. Москва, 2009. С. 131–182.
- Дыбо 2009b — Дыбо В. А. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке // Olander Th., Larsson J. H. (eds.). Stressing the

- past. Papers on Baltic and Slavic accentology. Amsterdam, New York, 2009. P. 21–45.
- Дыбо 2014 — *Дыбо В. А.* О системе акцентных парадигм в прусском языке // Балто-славянские исследования XIX. Москва, 2014. С. 269–314.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. Москва, 1985.
- Зализняк 2014 — *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. Москва, 2014.
- Николаев 1986 — *Николаев С. Л.* Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки. Дис. канд. филол. наук. Москва, 1986.
- Николаев 1989 — *Николаев С. Л.* Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // *П. В. Булатова, В. А. Дыбо* (отв. ред.). Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. Москва, 1989. С. 46–109.
- Топоров 2006 — *Топоров В. Н.* Прусский язык // Языки мира: балтийские языки. Москва, 2006. С. 50–93.
- Ambrazas 1993 — *Ambrazas S.* Daiktavardžių darybos raida 1. Vilnius, 1993.
- Bammesberger 1973 — *Bammesberger A.* Abstraktbildungen in den baltischen Sprachen. Göttingen, 1973.
- Endzelins 1943 — *Endzelins J.* Senprūšu valoda. Rīga, 1943.
- Garde 1976 — *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave 1–2. Paris, 1976.
- Kortlandt 1974 — *Kortlandt F.* Old Prussian accentuation // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1974, 88. P. 299–306.
- Mažiulis PKP — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai 1–2. Vilnius, 1966–1981.
- Mažiulis 2004 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 2004. El. versija: www.prusistika.flf.vu.lt/zodynas/prusu-kalba/Maziulis_PKIG.
- Mažiulis 2013 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 2013. El. versija: www.prusistika.flf.vu.lt.
- Milewski 1966 — *Milewski T.* Przyczynki do akcentologii bałtosłowiańskiej // Acta Baltico-Slavica, 1966, 3. P. 113–126.
- Olander 2009 — *Olander Th.* The accentuation of Old Prussian *deiws* 'god' // *Olander Th., Larsson J. H.* (eds.). Stressing the past. Papers on Baltic and Slavic accentology. Amsterdam, New York, 2009. P. 83–92.
- Parenti 1998 — *Parenti A.* Old Prussian abstract nouns in *-sna, -senna, -sennis* // *Bammesberger A.* (Hrsg.). Baltistik: Aufgaben und Methoden. Heidelberg, 1998. P. 129–142.
- Rinkevičius 2006 — *Rinkevičius V.* Prūsų kalbos pirminių vardažodžių morfemų akcentinė galia // Baltistica, 2006, 41(2). P. 205–217.
- Rinkevičius 2009a — *Rinkevičius V.* Dėl pr. *-ing-* priegaidės // Baltistica, 2009, 44(1). P. 65–75.
- Rinkevičius 2009b — *Rinkevičius V.* Prūsų kalbos kirčiavimo sistema. Daktaro disertacija. Vilnius, 2009. El. versija: www.prusistika.flf.vu.lt/zodynas/prusu-kalba/Rinkevicius_disertacija.
- Rinkevičius 2010 — *Rinkevičius V.* Kai kurie teoriniai morfologinės akcentologijos koncepcijos aspektai // Baltistica, 2010, 45(1). P. 9–43.

- Rinkevičius 2011a — *Rinkevičius V.* Akzentuierung der altpreußischen Substantiva mit den Suffixen *-enik/-inik-* und *-ik-/-ik-* // *Pronk T., Derksen R.* (eds.). *Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology.* Amsterdam, New York, 2011. P. 323–331.
- Rinkevičius 2011b — *Rinkevičius V.* Balto-slavische schwache (rezessive) Nominal-suffixe im Altpreußischen // *Stadnik-Holzer E.* (Hrsg.). *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic Accentology IV.* Frankfurt a. M. usw., 2011. S. 133–140.
- Rinkevičius 2015 — *Rinkevičius V.* Prūsistikos pagrindai. Vilnius, 2015. El. versija: www.esparama.lt/documents/10157/490675/2015_Prusistikos_pagrindai.pdf.
- Saussure 1892 — *de Saussure F.* Les féminins en *-ū du vieux prussien* // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*, 1892, 7. P. 82–83.
- Saussure 1896 — *de Saussure F.* Accentuation lituanienne // *Indogermanische Forschungen*, 1896, 6. Anzeiger. S. 157–166.
- Schmalstieg 1974 — *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian grammar: The phonology and morphology of the three catechisms. University Park, 1974.
- Skardžius 1943 — *Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Smoczyński 1990 — *Smoczyński W.* Zur altpreußischen Akzentographie // *Rivista di Linguistica*, 1990, 2(2). P. 179–199.
- Stundžia 2009 — *Stundžia B.* Bendrinės lietuvių kalbos akcentologija. Vilnius, 2009.
- Stundžia 2014 — *Stundžia B.* Bendrinės lietuvių kalbos akcentologija. 2 pataisytas ir atnaujintas leidimas. Vilnius, 2014. El. versija: www.esparama.lt/es_parama_pletra/failai/ESFproduktai/2014_Bendrine_lietuviu_kalbos_akcentologija.pdf.
- Trautmann 1910 — *Trautmann R.* Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch. Göttingen, 1910.
- Vanagas 1970 — *Vanagas A.* Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
- van Wijk 1924 — *van Wijk N.* Ein Fall von altpreußischer Metatonie // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1924, 52. S. 151–152.

Витаутас Ринкявичюс: vytautas.rinkevicius@flf.vu.lt

О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе

Чешские крестьяне прибывали на земли Черноморского побережья Северного Кавказа и Кубани, опустевшие после Кавказской войны, со 2-й половины 1860-х гг. До 1890 г. здесь возникло более 10 чешских и смешанных чешско-русских поселений, из которых в наши дни прежде всего сёла Кирилловка под Новороссийском и Варваровка под Анапой остаются местами компактного проживания потомков переселенцев XIX в., владеющих чешским языком в диалектной форме. В настоящее время в Кирилловке насчитывается до 25, а в Варваровке — до 20 таких жителей в основном 1920–30-х гг. рождения. Сохраняющийся у них самобытный говор — северокавказский чешский (далее СКЧ) — однозначно возводится к юго-западным диалектам собственно Чехии. При этом ввиду отсутствия нивелирующего воздействия других форм существования чешского языка (при одновременном влиянии на него на всех уровнях русского языка окружения, а в прошлом также кубанской «балачки»¹) в СКЧ удерживаются некоторые архаические юго-западные и общечешские диалектные особенности, в том числе утраченные или исчезающие на коренной территории (либо не отмечаемые в чешских диалектологических описаниях).

I. Просодическую систему СКЧ в целом характеризует общечешского типа фиксированное инициальное ударение² при не зависящем от ударности/безударности слога различении кратких и долгих гласных. Только те лексемы, которые черпаются из русского языка окружения (включая иноязычные заимствования), в том числе в разной мере адаптирующиеся к чешской системе, зачастую сохраняют русское место ударения (как и сам его тип с факультативным продлением

¹ В частности, из «балачки» в СКЧ проникла такая фонетическая черта, как частая реализация фонемы /i/ после губных согласных и /l/ в виде русского [ы] или, не только в этой позиции, в виде верхне-среднего — «украинского» типа — [ɪ], колеблющегося между [i^e] и [e^ɪ], вплоть до совпадения с [e] (см. [Скорвид 2014: 50–51]).

² На первом слоге слова или тактовой группы, в частности, обыкновенно переходящее со словоформ немногосложных существительных на предлог, ср.: *do_čech* 'в Чехию', *ze_dvora* 'со двора', *na_koněch* 'на лошадях' и т. п.

ударного гласного), напр: *diš sem přijeli, žili v z'ěml'Ance³ # nu a v z'ěml'Ance — bóže, to ž je... z'ěml'Anka je z'ěml'Anka, v zemi, jag v hrobu* 'Когда они сюда приехали, жили в землянке. Ну а в землянке — боже, это ж... землянка есть землянка, в земле, как в могиле'; *von'i po kus Očku... vobd'elávali tu zem* 'они по кусочку обрабатывали эту землю'; *po tej revol'Uciji uš potom komun'Isti bili* 'после революции уже коммунисты были'; *aš přišli kolchOzi, tak roskulAčili <...> fšecko vzali do kolchOzu* 'когда пришли колхозы, так раскулачили... всё забрали в колхоз'; *na mašInu nás pogruzili⁴, že sme... nu náki tam, nevím... vrayI narOda* 'на машину нас погрузили, как будто мы какие-то там, не знаю, враги народа'; *von'i diš popadli v okružEn'i, tak uš přestřileli fšechni ti partizani* 'они когда попали в окружение, так и перестреляли всех этих партизан'; *jak nalitli naše samol'oti ruskí...* 'как налетели наши самолёты русские...'; *nu a pak tam uš naši soldati přijeli* 'ну а потом туда уже наши солдаты пришли'; *a naše vojáci tam ochran'ali* 'а наши солдаты там охраняли'; *nu jakí žit'jO to bilo, bože... hlat!* 'ну какое житьё-то было, боже... голод!'; *uš sme mn'eli tolika dakum'Entoy...* 'у нас уже было столько документов...'; *tak sme to vzali i prodali tatArum* 'так мы взяли и продали это (дом) татарам'; *přilít letadlem do anApri* 'прилетел на самолёте в Анапу'; *to je <...> na kaukAze že, s tej strani hor* 'это на Кавказе же, с той стороны гор' и др.⁵ Нередко, однако, ударение в таких — и даже в этих же — лексемах переносится на начальный слог, а ударный в русском языке начальный гласный трактуется как долгий, ср. *vikopali si z'ěml'ánki* 'выкопали себе землянки', *a stavjeli si ti palátki* 'и ставили себе эти па-

³ Прописной гласной буквой здесь и далее сигнализируется неинициальное ударение (соответственно прописные буквы в начале предложений и собственных имён не ставятся, а граница между предложениями обозначается символом #). В словоформах *v z'ěml'Ance*, *z'ěml'Anka* в данной записи гласный в предупредном слоге в большей или меньшей степени редуцирован в сторону [и³].

⁴ В лексемах, усвоенных из русского языка окружения, мы отражаем отличный от гортанного чешского [h] велярный южнорусский [ʏ].

⁵ В некоторых случаях отражается, видимо, украинское ударение, воспринятое через посредство «балачки», напр.: *já sem nepracovAla f kolchOzu* 'я не работала в колхозе' (при обычных формах *pracoval/pracival* и т. д. с инициальным ударением), в том числе старое/народное: *n'emci nás vivezli na ukrAjinu* 'немцы нас вывезли на Украину', но и с ударением как в современном русском и украинском языках: *přivezli nás na ukrAjInu*, а также с типично чешским, на предлоге: *tam je na ukrAjinu proliv, vi třebaš vite* 'там на Украину (плыть через) пролив, наверное, вы знаете'.

латки'; *vonì si to brali, ti soldáti* 'они забирали это (молоко) себе, эти солдаты', а также с ударением на предлоге: *mi máme tadi za čejúnkou hrbitof* 'у нас тут за чугушкой кладбище'; *mi sme nehda... jeli na ribáلكu* 'мы как-то раз поехали на рыбалку'; *tam sme sedli na paróm* 'там мы сели на паром' и т. п.

Впрочем, поскольку и инициализация ударения в русизмах, и долготная трактовка исходно ударных неначальных гласных в них (как, собственно, ещё в языке-источнике) в речи может проявляться неодинаково выразительно, разграничить случаи указанной акцентной адаптации русизмов и просто сохранения русского ударения в СКЧ бывает затруднительно. Иногда кажется, что при перемещении ударения на первый слог, даже вполне отчетливым (как в нижеследующих примерах, где мы это обозначаем символом '), в словоформе всё ещё остаётся удерживается также русское неначальное ударение, что может сопровождаться продлением гласного, но не обязательно. Ср.: *jóyán, fámlliji nevím, nu von žil vedle... vògzálu tuotto(ho), železnodoróžního, táta na vògzálu d'ál* 'Иоганн, фамилию не знаю, ну он жил у вокзала этого, железнодорожного, отец на вокзале работал'; *vínoyrát uš mu uzrál* 'виноград у него уже созрел' и *hde ti bereš vínoyrAt?* 'где ты берешь виноград?' (с продлением гласного в новоударном начальном слого⁶); *já to kupuju u kolchoza* 'я это покупаю у колхоза'; *tule psali v ýazEte* 'тут писали в газете'; *napiše do yazEti* 'напишет в газету'. Обычны, однако, и случаи «безостаточной» некомпенсируемой инициализации ударения в русизмах типа *abis sazel vínoyrat* 'чтобы ты сажал виноград', *neš přišli kolchozi* 'пока не пришли колхозы', *delali sme f kolchozu* 'работали мы в колхозе' и т. п. Интересна лексема *chazain* из рус. *хозяйин*, воспринятая с редуцированным предударным гласным и произносимая с сильным ударением на первом слого без продления гласного во втором: *šef — to značit' cházain... našeho láyer'a* 'шеф — это значит, хозяйин нашего лагеря'⁷. Последний пример демонстрирует также, что при восприятии из русского языка лексем с исходно инициальным ударением его интерпре-

⁶ Другой характер имеет продление гласного под перенесённым ударением, связанное с адаптацией русизма к чешской словообразовательной модели, ср.: *za každou kozočku nado bilo tolika náloyu* 'за каждую козочку надо было столько налога (платить)', *nad nima nebila žádná úprava* 'на них не было никакой управы'.

⁷ Ср. обратный случай, когда на месте предударного рус. [А] при переносе ударения «восстанавливается» [о]: *a každěj rok mušeli překrejvat ten komiš* 'и каждый год им приходилось перестилать этот камыш'.

тация в СКЧ может быть как краткостной (*šef*, в отличие от чеш. лит. *šéf*), так и долготной, ср. ещё *bil tam láger' takovej* 'там был такой лагерь' (информантка едва ли ориентировалась на чеш. разг. *lágr*), *tám nám dávají plátu dvakrát za rok* 'там нам давали плату два раза в год'; *já d'elala f.sád'iku* 'я работала в детском садике' и т. д.

С другой стороны, продление гласного в начальном ударном или в заударном слоге часто используется как средство выражения экспрессивности либо маркирует некоторую фразовую интонацию (в частности, перечисления, каденции, восклицания). В ударных слогах это обычно продление того же типа, какое характерно для русского эмфатического ударения, однако реализующееся и в исконно чешских словах (обозначим его сочетанием символов $\bar{\quad}$ и $'$), напр.: *jak se tadi rozpoložili, jak tadi visekávali lěs..* 'как они тут расположились, как вырубали лес (\approx [л'эс]); *tak ti vin'ice fšecky vzali <...> i zěm fšecku vzali* 'так эти виноградники все отобрали... и землю всю отобрали' (\approx [u з'эмли]); *a jeli votát'... celej rōk* 'а ехали оттуда... целый год' (\approx [zōm]); *jaká ti si češka, diž neumíš po nastojAščem(u) po čEski mluvit!* 'какая ты чешка (\approx [ч'эшка]), если ты не умеешь по-настоящему говорить по-чешски!'; *málo si toho potatuju: nu co — do vojny tadi ta vōjná...* 'я мало что помню: ну что — до войны, и тут эта война...'; *a tolik šŭnki a fšeho! já d'edovi povídám: pot' si vemete šunku* 'и столько ветчины и всего! я деду говорю: пойдём возьмём ветчину?'. В последних двух примерах наблюдается продление гласных в ударном, а затем и в заударном слоге; в следующем же аналогично продляются ударный слогообразующий сонант *l* и гласный в заударном дифтонге: *i mašInu sme pŕŕnož naložili ribi, pŕŕnož* 'и машину мы полную нагрузили рыбой, полную'. Эмфатическую функцию может нести и продление гласных только в заударном слоге (не обязательно ближайшем к ударному), в частности, при интонации обращения, вопроса или восклицания: *tadi říkají češi: nazdár! nebo dobrí dén!* 'тут чехи говорят «привет!» или «добрый день!»'; *maruš, dávej se pŕiznáme!* 'Маруш(ка), давай признаемся!'; *vi ste z ven'ková? a odkud sté?* 'вы из деревни? а откуда вы?'; *jakí mn'eli pjekní vinoyradí... takoví dobrí sortá* 'какой был отличный виноград! (букв. винограды) такие хорошие сорта!' и т. п.

Фразовыми условиями, по-видимому, объясняется и нередкое в СКЧ перемещение ударения с начала слова или тактовой группы на слог и более вправо. Хотя иногда в этом можно усмотреть влияние ударения в сходных русских словоформах (тактовых группах), ввиду

наличия многих совершенно аналогичных примеров, не допускающих подобного толкования, следует считать такое сходство случайным и признать указанный акцентный сдвиг особым средством маркировки фразового или логического ударения в сочетании с теми же типами фразовой интонации: восклицания, вопроса, перечисления, каденции и т. д.⁸ Ср.: *vona sem nepřijEde, já ji sem nepUstřim!* ‘она сюда не приедет, я её сюда не пущу!’; *vi ste se umOřili tenkrát?* ‘вы устали (уморились) в тот раз?’; *tam jenom víno, a neš vono uzrAje, než ho vimačkají...* ‘там только виноград, и пока он созреет, пока его выжмут...’; *a uš potom virOsla, potom uš našla tomášku* ‘а потом она выросла, потом уже нашла (мужа) Томашека’; *s nřim sem se i naUčil* ‘с ним я и научился (по-немецки)’; *tadi mám ešče nehde strejčka, jako mamčiniřho bratrAnce* ‘тут у меня ещё где-то дядя, мамин двоюродный брат’. Основная позиция такого сдвига — перед паузой, пусть даже короткой, после которой предложение продолжается, напр.: *pracUju — du, řadu zajmu i bjeřám...* ‘я работаю — пойду, очередь займу и бегаю...’; *i vonř tam zalEzli, a jedna ne* ‘и они (пчёлы) туда залезли, а одна нет’; *d’edouřka vottet’ vodvEzli — jemu bil rōk* ‘(когда) дедушку оттуда увезли — ему был год’. Аналогичное явление наблюдается при отсутствии паузы перед уточняющими словами: *nu ulice ř široká, i vona bejvá, že neUsliř babička ař na tu stranu* ‘ну улица же широкая, и бывает, что она не услышит, бабушка, что там на той стороне’; *viř co, Matvejř, ja te polOvičku своево участку dām...* ‘знаешь, Матвей, я тебе половину своего участка дам...’. Наконец, в случаях типа *mařEnce se tam libř* ‘Марженке там нравится’, *a babřice mojř je, mamince tedi... devadesāt sedum let* ‘а бабушке моей, маме то есть, 97 лет’ смещённое ударение, видимо, просто логически акцентирует начальную словоформу в предложении.

С имеющим эмфатическую природу сдвигом акцента вправо, вероятно, следует связывать также довольно частое в СКЧ отсутствие ударения на предлоге. Например, хотя нормой является ударение *do_čech*, в записях встречаются и случаи типа *ař vojna se konči, pojedeme do_čEch a potom pojedeř do_rUska* ‘когда война кончится,

⁸ В юго-западных чешских диалектах отмечается отчасти близкий этому сдвигу «особый интонационный тип с мелодической вершиной на предпоследнем слоге заключительного такта фразового сегмента (*ze soboti na neđeli <...> nechodřil hnāt, sedňite si!*)» [ČJA 5: 502]. В СКЧ, однако, ударение в подобных и других случаях перемещается не обязательно на предпоследний слог.

мы поедem в Чехию, а потом ты поедeшь в Россию»; напротив, ударение *dò vojni* отражено лишь изредка, обычно — *do vOjni* ‘до войны’ (ср., однако, *vè vojnu vona bila u cEri* ‘в войну она была у дочери’). Другие примеры с неударными предлогами *do, ve, na, po*: *tadi jim slibovali zlati hori a von’i přijeli do lEsa* ‘тут им обещали золотые горы, а они приехали в лес’ (*// diš ti n’emci vodešli dò lesa...* ‘когда эти немцы ушли в лес...’); *do mn’Esta uš nemůžu* ‘в город я уже не могу’ (*// můžete f ten den přijít dò mn’esta — mn’esto je prázni, fšechni sou nà krchovje* ‘вы можете прийти в этот день в город — город пустой, все на кладбище’); *natrhala kitki, šla na hřbitof* ‘нарвала цветов, пошла на кладбище’ (*// dicki natrhaji kitki a nesou na hřbitof sem* ‘всякий раз нарвут цветов и несут сюда, на кладбище’); *a d’edoušek můj bil ve mn’Estě, babičkin manžel... vē mn’estě bil a mn’el devjed d’etich* ‘а дедушка мой был (= жил) в городе, бабушкин муж... жил в городе, и было у него девять детей’; *jel trolEjbus po mn’Estu* ‘ехал троллейбус по городу’ (но, напр., *pò cestě...* ‘по дороге’); *a tat’inek můj jako končil ešče m’eščAnku, chođil do škOli* ‘а папа мой кончал ещё мещанское училище, ходил в школу’ (*// já už dva klasi chođila dò školi tam* ‘я там уже два класса ходила в школу’); *a učí se ve škOle* ‘и учатся в школе’ (*// vona tam jeden s’ezOn poUčila, bila tam vē škole, přepodávala* ‘она там один сезон поучила, была в школе, преподавала’) и т. д.

Перенос ударения с начального слога вправо и непостановка его на предлог иногда словно подчиняются общему ритму фразы, напр.: *{tenkrát havel studihrat} fšech nás vistAvil u kAbrdu ve dvOře vedle kólni...* ‘{В тот раз Гавел Студиград} всех нас выстроил у Кабрду во дворе возле сарая’ (◌—◌◌◌◌◌◌ ◌◌◌◌ ◌); *{potom sme se rozhlidli — a vono tolika ribi je...} i až hrnE ta riba přet sEbou vodu...* ‘{Потом мы огляделись — а там столько рыбы...} и прямо гонит эта рыба перед собой воду’ (◌◌◌ —◌◌◌◌◌◌ —◌◌); *{aš tám sem dál uodešel,} abI ji nesplAšit* ‘{аж туда, подальше, я отошёл,} чтобы её не испугать’ (◌◌◌◌◌◌); *{a tuhleti tatAri, von’i š fšeckí š} jedú (!) do tOho, do krImu* ‘{а эти самые татары, они же все} едут в этот, в Крым’ (◌ —◌◌◌◌ ◌◌◌).

Специфичны случаи сдвига акцента на удалённый от начального последний слог словоформы (обыкновенно глагольной), которые не всегда удается объяснить влиянием русского/украинского ударения. Такой сдвиг фиксируется в принципе в тех же фразовых условиях, какие описаны выше, ср. *kuba vodešEl, vot... <...> a babička taki umřela...* ‘Куба умер (букв. уиёл), вот, и бабушка тоже умерла’; *jak si jenom nepovítAl — fs’ó, uš na kolena* ‘если только ты не поприветство-

вал — всё, уже на колени'; *tak to babička dicki viprāvjeta <...> jako že utekl, nechčela za toho mlináře vycházet* 'так бабушка всегда рассказы-вала, что они убежали — не хотела она за того мельника выходить'; *nu šla tam k oficEROvi, povídá... vaši soldAti tále moje svin'A (!) ukradll* 'ну, пошла она там к офицеру и говорит: ваши солдаты вон там мою свинью украли'. Интересны примеры соседства двух одинаковых словоформ, с нормальным инициальным ударением в конце одного предложения и со смещением его на последний слог перед развертыванием следующего: *diš sem přijeli s čech <...> tisíc vosum_sEt⁹ nákej rok to bil asi, tak přijeli tak jako sneцпереселенцы* 'когда они приехали сюда из Чехии... тысяча восемьсот какой-то год это был примерно, то приехали они так, как спецпереселенцы'; *i tak sme tam bili do těch por, poka neosvobodili nás # osvobodili* — *i na florlj den d'eda šel domú* 'и так мы там были до тех пор, пока нас не освободили. Освободили — и на второй день дед пошёл домой'.

Совершенно аналогично мотивирован переход ударения на пост-позитивную частицу *-(h)le/-dle*, которую уже можно было бы трактовать как энклитику; напр.: *to bilo také* — *i sem šla také střecha* 'это было вот так вот — и сюда шла вот так крыша'; *i tajdle je bilo (!) póle, vot krchOva tam* 'и вот тут вот было поле, от кладбища туда' (в группе *vot krchOva* — со сдвигом не перенесённого на предлог ударения на слог вправо); *bili malInkí takoví, černí, potom virOsli takovidle* 'они были маленькие такие, чёрные, а потом выросли такие вот' и т. п.

С указанными случаями финализации ударения в СКЧ, безусловно, связана ещё одна важная просодическая особенность юго-западночешского происхождения, в литературе для этой подгруппы чешских диалектов не описанная, но известная нам по устному сообщению доц. М. Янечковой из Южночешского университета в г. Ческе-Будеёвице. Это постановка ударения на энклитических формах вспомогательного глагола *bejt* 'быть' и местоимений, включая возвратное местоимение/частицу *se*, а также местоименное наречие *tam* (при наличии нескольких таких энклитик — на последней из них), как пра-

⁹ Частый в СКЧ перенос ударения на последний компонент числительного *vosum_set* может быть обязан русскому влиянию: ср. *f. tisíc vosum_sEt vosumde... devadesát druhím roku* 'в тысяча восемьсот восемьде... девяносто втором году', *v vosum_sEt padesát třetím* 'в восемьсот пятьдесят третьем', но *můj táta je rozenej v devjet_set druhím roku* 'мой папа родился в девятьсот втором году'.

вило, в каденции или перед паузой, после которой фраза продолжается¹⁰. Примеры: *topili sme tu plotnu a tam sme vařili a eto — přezimovali smE* ‘мы топили эту печку и там готовили и это — перезимовали’; *koledovali smE, jo, koledovali sme, chodili sme po chátách* ‘колядовали мы, да, колядовали, ходили по хатам’; *i ta holčička taki se rostonala... rostonala sE třífem i tak ji i pochovali* ‘и та девочка тоже заболела... заболела тифом, и так её и схоронили’; *a potom, hdiš se vojna načala, voni vzali, zapsali sE i vodjeli* ‘а потом, когда началась война, они взяли, записались и уехали’; *rozednilo sE — a mlíko doma nemají* ‘рассветло, а молока дома нет’; *voUdíte sE a potom vás sní* ‘прокоптитесь, а потом вас съедят’; *neučila sem sE a fšechno d’elala sama* ‘я не училась, а всё делала сама’; *chit sem sE a uš sem přeskočil přes ten plútek* ‘я ухватился — и вот уже перепрыгнул через забор’; *fstretili sme sE i šli sme potom sem do kirilki* ‘мы встречались, а потом шли сюда, в Кирилловку’; *a říká nám: vot vás budou brát te’ v ruskoju armiju...* ‘и говорит нам: вот вас сейчас будут брать в русскую армию...’; *a pozvonil mn’E <...> že bude mša (!) svatá tam f’tom, v anApje* ‘и позвонил мне, что будет месса там, в Анапе’; *uvidela mn’E i poznala* ‘увидела она меня и узнала’; *tak von zbjehal domú a přines sem pasport a vokázal mu hO* ‘так он сбегал домой, принёс сюда паспорт и показал ему его’; *pochovali hO i událi mu kříš...* ‘похоронили его и поставили ему крест’; *pochovala sem jI a zvostala sama* ‘похоронила я её и осталась одна’; *von dával taki zrno kon’im, abi krmít jE* ‘он зерно и лошадям давал, чтобы кормить их’; *i von tam ti malinkí si chital i virAščival jE* ‘и он там ловил этих малышей и выращивал их’; *nu davAjte, davAjte, seberte jE a já potom budu polejvat* ‘ну давайте, давайте, соберите их, а я потом буду поливать’; *přistrašili jE a vzali jim fšechnu tu jedu* ‘напугали их и отобрали у них всю эту еду’; *von i d’elaji jak knedliki: ud’elaji jE a vikutáleji takle* ‘они как делают кнедлики: приготовят их и раскат(ыв)ают вот так’; *nevidržel tO i umřel* ‘не выдержал он этого и умер’; *vemte si tO, no pušte náz h d’etem* ‘заберите (всё) это себе, но пустите нас к детям’; *vona přijela tAm — a tam mn’esto bilo dřevjení* ‘приехала она туда — а город там был (весь) из дерева’; *nu i nechali sme ji tAm a přez den sme tam šli* ‘ну и оставили мы её там, а днём туда пошли’. В результате тактовая группа как бы

¹⁰ Лишь отдалённо это явление напоминает особый западночешский интонационный тип, известный под названием *plzeňské zpívání*: повышение тона на мелодической вершине с последующим понижением к концу фразы (*Dejte to na stúl!*) [ČJA 5: 504].

обрамляется двумя ударениями, из которых автоматическое инициальное или смещённое на слог вправо (в русизмах также иное) служит сигналом её начала, а фразовое финальное — сигналом конца. Интересно, что подобное же явление наблюдается иногда и в русской речи носителей СКЧ, напр.: {*Какая жена? У вас тут не было никакой жены.*} ↗ *Идите отсюда.* ↘ (ⱱⱱⱱⱱⱱⱱ).

II. В плане количественного отражения праславянских ударений у гласных СКЧ демонстрирует в целом общечешское диалектное состояние при наличии некоторых специфических (не только) юго-западных черт.

Так, фиксируется вполне регулярная староакутовая долгота в исконно двусложных словоформах существительных *kráva, sláma, jáma, rána, hlína, bláto, hrách* (но в фамилии — краткость: Hrach), *mák, vítr* и др. У существительных *a-feminina* в словоформах, содержавших исконно большее число слогов, долгий гласный может сокращаться или по аналогии сохраняться: *jeli* <...> *na volách, na kravách, krávu podojí, pojí a jedou dál* ‘ехали на волах, на коровах — корову подоят, поедят и едут дальше’, но *jeli* — *krávama táhli vús ten* ‘ехали — на коровах (букв. *коровам*) тянули ту подводу’, *z vnìřku to je z hlíni udělaní, ze slámou to míchali, a s ulice je kamen tendle tvrdej* ‘изнутри это из глины сделано, с соломой её мешали, а с улицы этот прочный камень’. Новоциркумфлексное сокращение в род. п. мн. ч. засвидетельствовано у одного такого существительного: *deset kraf* ‘десять коров’, но *von líčil lidí vod rán, protože von vjedel, jak vilíčit ľuboú ránu* ‘он лечил людей от ран, потому что знал, как вылечить любую рану’.

Следует заметить, что у словоформ существительных со староакутовой долготой встречаются и варианты с краткостью, напр.: *koně i kravi, tadi fšeckí kravi sebrali f Kirilce # nu a mi, nás... vzali, jako že ti krávi budem dojít* ‘лошадей и коров, тут всех коров забрали, в Кирилловке... ну а мы, нас взяли с тем, что мы этих коров будем доить’. Аналогично: *dejm de sem* ‘дым идёт сюда’ // *i nebude dim* ‘и не будет дыма’ (последнее, возможно, из рус. *дым*; ср. также русский фразеологизм *kerej má velkou sílu vůli, vot on* ‘тот, у кого большая сила воли, вот он’).

Последовательную краткость на месте старого акута представляют существительные *kamen* ‘камень’¹¹ (чеш. лит. *kámen*), *leto* ‘лето’,

¹¹ Как и не только в Моравии, но и в южной части Чехии [ČJA 5: 220, 223].

во мн. ч. 'годы'¹² (чеш. лит. *léto*¹³); с краткостью зафиксирована в тексте молитвы также форма вин. п. ед. ч. *chleb náš vezdejší dej ho (!) nám dnes* 'хлеб наш насущный даждь нам днесь' (чеш. лит. *chléb*; в остальном в позициях им. и вин. п. ед. ч. у этого существительного в СКЧ, как и в народном чешском языке на исконной территории, функционирует форма род. п. с сокращением гласного: *po kartočkách sem chleba kupoval* 'я по карточкам хлеб покупал' и т. п.).

Рефлексы нового акута и заместительного продления в СКЧ в принципе совпадают с общечешским состоянием у существительных (*hřích, půst, kůn', vůz, dům* — спорадически встречающиеся отклонения *kon', voz, dom* можно считать вкраплениями из русского языка, ср. *dom je dum* 'дом есть дом' с сокращением *ú* во втором случае), в других же частях речи результаты новоакутовой либо иной ретракции ударения в праславянском/раннечешском, прослеживаемые в СКЧ, обнаруживают ряд особенностей.

Так, наличие новоакутового продления кратких *e, o* характерно для порядковых числительных с корнями *šest-, sedm-, osm-*, напр.: *vot třicet pátej, šístej rok já už si pomatuju pjekně* 'вот тридцать пятый, шестой год я уже хорошо помню'; *přivezli... do padesát šístiho láyer'u* 'привезли в пятьдесят шестой лагерь'; *i zabrali ho f třicet sídmim roku* 'и забрали его в тридцать седьмом году'; *f šedesát vúsímim zašli tanki naše* 'в шестьдесят восьмом вошли наши танки'; *a menčí jen chodíla do vúsímího klasu* 'а младшая ходила только в восьмой класс'. Такая огласовка названных числительных, в отличие от лит. *šestý, sedmý, osmý*, впрочем, широко распространена в диалектах собственно Чехии, в том числе в юго-западных [Bělič 1972: 135].

В инфинитиве консонантно-корневых глаголов а. п. с, односложных и производных приставочных, как и в юго-западных чешских диалектах [Bělič 1972: 136; ČJA 5: 250–251], выступает краткий корневой *e*, напр.: *f každím dvoře <...> bilo mlíko přirichtovaní na trch nest* 'в каждом дворе... было молоко, приготовленное на рынок нести'

¹² Как и в говорах по всей Чехии (а также Моравии), спорадически наряду с *lito* [ČJA 5: 237–239]. В СКЧ зафиксировано сочетание *noví lito* (в песне) как фольклорное наименование зелёной ветки или деревца — антипода выносимой из села смерти — в песне, исполнявшейся также у северокавказских чехов в пятое воскресенье поста перед Пасхой.

¹³ Из литературного чешского языка XIX в., однако, известен и вариант с краткостью, ср. у Я. Неруды в рассказе «Пан Рышанек и пан Шлегл»: *Sklepník jim odebral y letě klobouk a hůl...* 'Половой забирал у них летом шляпу и трость...' [Neruda 1978: 148].

(общечеш. диал. *níst/nist*, лит. *nést*); *dicki sem nes tu ribu a nemoh donest ji* ‘я всякий раз нёс эту рыбу и не мог донести её’; *a fšecko se to muselo vikopat, dostat a přinest* ‘и все это надо было выкопать, достать и принести’; *človjek může jako hlat přenest* ‘человек может это, голод перенести’; *tak dicki musel toho kněze vest tam* ‘так ему всякий раз приходилось везти туда этого священника’ (общечеш. диал. *víst/vist*, лит. *vézt*); *já to chtěla přivest pavlovi, sinovi* ‘я хотела привезти это сыну Павлу’; *už budou brzo kvject* ‘они уже скоро будут цвести’ (где *-ct* по образцу *říct* ‘сказать’ и т. п.; чеш. лит. *kvést*)¹⁴.

Видимо, по аналогии с этими глаголами краткий *e* проявляется в инфинитиве и у некоторых других: *na_afto nemůžu zalest* ‘я на машину не могу залезть’ (а. п. *a*; чеш. лит. *zalézt*, общечеш. диал. *zalist/zalist*); *kupoval pro... domů, jakisi tam mašini, to řezat seno, to set pšenici <...> to mlet pšenici...* ‘покупал домой какие-то там машины, то резать сено, то сеять пшеницу, то молотить пшеницу...’ (а. п. *a*; чеш. лит. *sít, mlít*, общечеш. диал. *sejt, mlejt*); *tadi můžeš i strojit, tadi i set* ‘тут ты можешь и строить, тут и сеять’ (с мягким *t*?¹⁵), *až budete chtet jet na ukrajlnu...* ‘когда вы захотите поехать на Украину’ (а. п. *b*; чеш. лит. *chtít*, общечеш. диал. *chřít/chřit*). Инфинитивы типа *set, mlet, chtet* на территории Чехии фиксируются только в юго-восточных диалектах, переходных к моравским (и далее в Моравии); трудно объяснить их появление в речи разных носителей СКЧ, тем более, что у других информантов выступают общечешские огласовки: *a teť... aní blízko ten mák posejt!* ‘а сейчас — где там мак посеять!’; *můžeme se uvidět, jesli budete chřit* ‘мы можем увидаться, если вы захотите’.

Общечешский диалектный архаизм, видимо, представляет собой сохранение в СКЧ долготы или её следов в суффиксе инфинитивной основы глагола **věděti* и некоторых приставочных от него, напр.: *vi ste neco chřeli vjedít* ‘вы хотели что-то узнать’, *co vona mohla vjedít* ‘что она могла знать’, *já aní vám to nemůžu vipovjedít* ‘я даже не могу вам это высказать’. В современных описаниях чешских диалектов

¹⁴ В работе [Jančák 1997a: 203, 206] показано, что область распространения юго-западночешских инфинитивов типа *nest, kvect* достигает района Праги. Тем же автором отмечено и существование там дублетных форм *kvect/kvject*, см. [Jančák 1997b: 251, 254].

¹⁵ Формы инфинитива на *-ř* сохраняются в окраинных чешских диалектах, в том числе на юге Чехии — в так наз. «гитяцком» говоре в районе Прахатице [Bělič 1972: 194].

инфинитив *vjed'it* фиксируется как в южных областях, так и на севере Чехии [ČJA 4: 507–508], а другие такие инфинитивы с долготой гласного в суффиксе отмечаются в основном в окраинных западночешских говорах (так наз. ходских). При этом, однако, М. Янеčkova констатирует исчезновение в речи среднего поколения жителей Южной Чехии долгот в типе *sed'it* (и, напротив, частичное сохранение краткости корневого *e* в типе *nest*) [Janečková 1997: 195]; в то же время П. Янчак называет инфинитивы на *-it* (с сокращением *-i-*) типа *rovjed'it* в числе особенностей северо-восточных диалектов, распространяющихся на среднечешскую область с центром в Праге [Jančák 1997b: 249]¹⁶.

В иных случаях, зафиксированных в наших записях, продление суффиксального гласного, видимо, следует трактовать как эмфатическое, ср.: *a už potom, jak chladno, d'edek bečki malí na vOs, na vÓs (!) i — prodát* 'а уже потом, когда холодно, дедушка бочонки маленькие на воз — и продать'; *tam bila jenom vin'ice, tam pole nebilo # je to v horách... abi tam to svorát — ne!* 'Там был только виноградник, там поля не было. Это в горах, чтобы там это вспахать... нет!'

Распространённая несколько шире не только в западных, но и в южночешских диалектах долгота гласного перед суффиксом причастия на *-l* в СКЧ встретилась один раз в речи А. П. Сланец из Анапы (1913–2010) у *nř*-глагола: *žnouli!*¹⁷ *skompiji* 'собирали (букв. жали) скумпию'. В остальном такая долгота выступает довольно часто у глагола *žít* 'жить' и производных от него приставочных, реже у других, напр.: *vot i školu tu ud'elali — bila, hde pasák žil... pasáci tam žili* 'вот и школу эту построили — она была, где пастух жил, пастухи там жили'; *moc se nám tam řeško žilo* 'очень тяжело нам там жилось'; *a ten jeden tO... <...> nu, využil... zašili ho lid'i* 'а один (раненый) это... ну, выжил, зашили его люди'; *dožila sem se do hluchoti* 'дожила я до глухоты'; *přežili sme hod'ně* 'пережили мы много'; *nu neco se stálo, že ich je mín'* 'ну что-то случилось, что их (стало) меньше'. В некоторых таких случаях, впрочем, речь может идти об эмфатическом продле-

¹⁶ Подобные формы известны и из литературного чешского языка XIX в., ср. у Я. Неруды в рассказе «Она разорила нищего»: *ten by nám moh povědít, kde jsou dobří lidé* 'он мог бы нам сказать, где они, хорошие люди' [Neruda 1978: 166]. По крайней мере у глагола *vědět* вариант *vědít* в обиходном чешском языке сохраняется как экспрессивный до наших дней (в частности, он широко употребителен в интернет-коммуникации).

¹⁷ Ср. [ČJA 4: 565–568], где форма *žnoul* локализуется на юго-западе Чехии.

нии и/или о влиянии русского ударения.

То же относится к немногим примерам вероятного проявления такой яркой черты юго-западных чешских говоров из области количества гласных, как долготы в окончаниях им. п. мн. ч. одушевлённых существительных мужского рода *-í*. Следует заметить, что выражение одушевлённости существительных во множественном числе в СКЧ имеет реликтовый характер¹⁸: особую форму им. п. мн. ч. с чередованием конечного согласного основы сохраняют лишь отдельные лексемы, причём она часто выступает также в позиции вин. п. Это отражают и приводимые ниже фрагменты записей с формами на *-í*: *němci sebírali fšechni ti mladí kluci a hnali to tam, na front* ‘немцы собирали всех этих молодых парней и гнали их туда, на фронт’; *a vona ešče byla mněla (!) dva kluci, nazvala je tám, uže f_čechoslovAkiji je nazvala jejich jmená, vot, ti kluci* ‘а у неё ещё были двое ребят, она назвала их уже там, в Чехословакии, дала им их имена, вот, этим ребятам’; *i ti kluci dlóuho byli, jeden se ženil — vodjel stejně do_čechoslovAkiji* ‘и эти ребята (здесь) долго были, один женился — всё равно уехал в Чехословакию’. Ещё одна фраза с формой вин. = им. п. мн. ч. названия животного встретилась в смешанном чешско-русском дискурсе (с невыражением одушевлённости в вин. п. мн. ч. в русской части!): *он любил vot эту, kerak — zvířata... tam medvjedí i tuhleto, víš... ну, вообще зверу, зверу, von mněl rat!* ‘он любил этих, как их — животных... медведей там, понимаешь? ну вообще зверей он любил!’ Одновременно этот и два предыдущих примера, записанные от одной информантки (М. И. Белоконь, урожд. Машек из Варваровки, 1931 г. р.), демонстрируют высокий уровень экспрессивности её речи, чем можно было бы объяснить и продление конечных гласных не только в формах им./вин. п. мн. ч. на *-í*, но и в одноимённой форме существительного среднего рода на *-á* (*jmená*¹⁹) и в других словах.

Экспрессивный (эмфатический) характер может иметь и новое продление кратких гласных *o*, *e* не только в междометных словах и

¹⁸ См. [Скорвид, Поляков 2013: 313–324].

¹⁹ Ср. из записей в Кирилловке (с краткостью в окончании): *a pak sem zas přijížděli, já sem zapomněla mena* ‘а потом сюда ещё приезжали, я забыла имена’. Попутно отметим также краткость корневого гласного существительного (*jmeno* ‘имя’ в СКЧ, как это наблюдается и в диалектах собственно Чехии [СJA 5: 239–240]). Литературная огласовка *jměno* сохраняется, однако, в молитве: *ve jměnu otce i sina i ducha svatího* ‘во имя Отца, и Сына, и Духа Святого’ (при замене окончания *-ěho* на *-iho*).

квантификаторах типа *ój bóže!* ‘ой боже!’, *a mládeš už: jááá, ahój!* ‘а молодёжь уже: а-а-а, приве-ет!’, *to je módz bilo teško* ‘это о-очень тяжело было’, *a dřív bilo jénom* — ‘а раньше было то-олько —’, но и в таких случаях, как *nohi mně bóli* ‘ноги у меня болят’ (в ответ на вопрос «У вас всё ещё болят ноги?»); ср. продолжение: *teť vot dneska mně tuoto už bóli, už # už boli, takle tuoto* ‘вот сейчас, сегодня у меня уже вот тут болит... уже болит, вот тут вот’). Обращает внимание, что такое продление *o*, *e* часто происходит в позициях, в каких его обычно отмечают в северо-восточных и центральных (но не юго-западных) чешских диалектах²⁰, т. е. в двусложных и трёхсложных словоформах перед *l*, *r*, *ř*, другими шипящими и мягкими согласными, в том числе *j*. Ниже даны примеры, из числа которых мы старались исключить экспрессивно окрашенные фразы: *mněli svoje póle, sázeli pšen'ci a mlát'ili ji* ‘имели свои поля, сажали пшеницу и молотили её’; *a ve dne pracovali hodně na těch vinogradníkách a na pólich* ‘а днём много работали на тех виноградниках и на полях’ (частый случай, однако также: *mněli tadi pole, tadi seli — tam pšen'ci a fšecko takovi si seli* ‘имели тут поля, сеяли — пшеницу там и всё такое сеяли’); *nám se šlehačkou, nebo ze zélim, hdo s čím chce* ‘нам со взбитыми сливками, или с капустой, кто с чем хочет’; *tam sluníčko, takle yot, sedá, sedá za hóru* ‘там солнышко, вот так вот, садится за гору’ (ср. в односложной словоформе после предлога: *a fšichni vostatní vodvezli do drugej vesníce tam do hór i tam je fšechni rostríleli* ‘а всех остальных увезли в другую деревню, туда, в горы, и там их всех расстреляли’²¹); *bil to nákej taki chazain, taryOv'ec, trhuval po móři* ‘это был тоже какой-то хозяин, торговец, торговал по морю’; *potom vona tadik už načala péřim vobrostat drobet* ‘потом она уже тут начала малость обрастать перьями’; *ve dvOře... fšechno hórelo* ‘во дворе... все горело’; *hódi to do cháte a chát hóri* ‘бросит это в хату, и хата горит’; *kitki fšude léži* ‘цветы всюду лежат’; *no kravička... ji nado i dójit, krmít* ‘ну коровушка — её надо и доить, и кормить’ и др.

П. Янчак в цитированных работах констатировал наложение изоглосс юго-западных типов *nest*, *klucí* и северо-восточных *póle*, *zéli* в центральночешской области. Между тем для СКЧ, где подобное на-

²⁰ См. [Bělič 1972: 13]; [Jančák 1997b: 250].

²¹ Как и в современном разговорном чешском языке (не только в диалектах), в СКЧ практически регулярно продляется *o* в наречиях *nahóru* ‘вверх’, *nahóre* ‘наверху’, *dólu* ‘вниз’, *dóle* ‘внизу’ (но также: *tadihlE v_dóle... v_dole je cesta* ‘а вот тут внизу... внизу — дорога’).

ложение также имеет место, юго-западная диалектная база не вызывает сомнений. То, что первые колонисты прибывали в окрестности Новороссийска и Анапы из Южной Чехии, подтверждают, в частности, и семейные предания нынешних носителей СКЧ. С другой стороны, та же устная традиция сохраняет — возможно, не во всем достоверные — сведения о том, что среди первых переселенцев были и выходцы из иных регионов Чехии. Можно предположить, что в условиях компактного совместного проживания тех и других на Северном Кавказе в течение непродолжительного времени возник своеобразный «микроинтердиалект», соединяющий в себе черты разных говоров, однако с безусловно доминирующими юго-западночешскими особенностями.

В завершение приведём с сокращениями красноречивый «генеалогический» рассказ жительницы Кирилловки М. В. Сисель-Чеховой, родившейся в 1925 г. в с. Борисовка (записал в августе 2009 г. Д. К. Поляков):

/Vaši předkové sem přijeli z Čech?/

s_čech # s českejch buďejovic <...> ne s celejch českejch buďejic, a nehde tam... já si to nepamatuju... nu, babička to viprávjela, babička, a praďedoušek i prababička přijeli # to bil rok řisic vosum_sEt šedesát pátej nebo šedesát šistej — šedesát sídmej, vot f tudletich rokáh bilo

/Přijeli tedy z nějaké vesnice?/

vot tam s_tej vesnice jako... nu vot tak... ne vesnice, nebo možná mn'esto nevelki, protože je... moji prababički bil táta, a ten bil bohatej, mn'el hodn'e kon'ich... a bil sám jako vojenskej a uš nesloužil # i mn'el hodn'e kon'ich a mn'el pole hodn'e... a mn'el jednu t-ceru, moji tu, prababičku # jednu tceru # a uš mn'ela... mn'eli jako provdát jí, tak to mn'e dicki babička viprávjela, babička... # provdát, uš mn'eli jako to, námluvi, a von bil jako mlej... starej mlinář, ale d'eti nemn'el, žena ho... mu zemřela # nu a mn'el tam jednoho toho, co za kon'ma hledal, nu a ten... panitáta (!) moc tomu dovyjeřoval jemu... no a už bil taki v_rokach, ten muj praďedoušek, bil v_rokach, tak... tak ji mn'el rat, tu alžbjetu <...> to moje prababička... alžbjeta # a tak ji mn'el rát, a táta to vjed'el, tak povídá: né! # tak ji vdal, jako namluvil na toho starího mlá... mlináře # nu a tadi von mu dicki duvyjeřoval, a von bil nehde aš... ten co u_n'ich, u_n'eho d'elal, ten jako ну конюх po_ruski se řekne, jako d'elal, tak von mu fšecko dúvyjeřoval, a bil aš nehde s_polskejch hranic, z_bídnej takovej tej rodiny, a mn'eli hodn'e tam d'eti, a tadi d'elal u_toho d'edi # nu a von mu jako poručil, abi tu... pšen'ici jako... vobm'en'al — jel do_Mad'arska — na... ruskou

tu pšen'ici <...> nu a... tak von ho poslal a uon jí potom zaklepal do komírki, aha, a vona... nu tak večír, v noci pojEdeš, v noci akorát pojeděš s kon'ma, bude jako t'icho v noci... tak jí zaklepal a vona si, tak to babička viprávjela, vzala si ouzlik a dlouhí šati a ti... taková ti bundi mn'eli, a višla s ním, sedají — jeli

Перевод:

/Ваши предки приехали сюда из Чехии?/

Из Чехии. Из Чешских Бudeёвиц. Не совсем из (букв. *не из всех*) Чешских Бudeёвиц, а откуда-то там... я не помню... ну, бабушка это рассказывала, бабушка, а приехали прадедушка и прабабушка. Это был год тысяча восемьсот шестьдесят пятый или шестьдесят шестой — шестьдесят седьмой, вот в те годы это было.

/То есть они приехали из какой-то деревни?/

Вот из той деревни, которая... ну вот так... не деревня, а может быть, город небольшой, потому что... у моей прабабушки был отец, и он был богатый, имел много лошадей.... а сам он был как будто военный, но уже не служил. И было у него много лошадей, и земли (букв. *поля*) много... и была у него одна дочь, эта моя прабабушка. Одна дочь. И она уже собиралась... собирались её замуж выдать, так мне бабушка всегда рассказывала, бабушка... Выдать — уже была как это, помолвка, а он был старый мельник, но детей у него не было, жена его... у него умерла. Ну и был там у него один такой, который смотрел за лошадьми, ну и тот хозяин ему, этому, очень доверял... но и в годах он уже был, этот мой прадедушка, был в годах, и... любил её, эту Альжбету. <...> Это моя прабабушка, Альжбета. И он её любил, а отец это знал — и говорит: нет! И так он её выдал, то есть помолвил с тем старым мельником. Ну а ему он всегда доверял, а он был откуда-то аж... тот, который у них, у него работал, ну конюх порусски называется, который работал, так он ему во всем доверял, а был он откуда-то аж с польской границы, из такой бедной семьи, и у них там было много детей, а тут он работал, у этого деда. Ну и он ему, значит, поручил, чтобы он эту... пшеницу, значит... обменял — поехал в Венгрию — на... русскую пшеницу. <...> Ну и так он его послал, а он потом постучал ей в каморку, да, а она... ну, так что вечером, ночью, поедешь, ровно этой ночью поедешь на лошадях, ночью будет тихо... и вот он ей постучал, а она, так бабушка рассказывала, взяла узелок и длинное платье, и эти... такие куртки были у них, и она вышла с ним, садятся — и поехали.

Литература

- Bělič 1972 — *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- ČJA 4 — *Balhar J.* a kol. Český jazykový atlas 4. Praha, 2002.
- ČJA 5 — *Balhar J.* a kol. Český jazykový atlas 5. Praha, 2005.
- Jančák 1997a — *Jančák P.* Běžná mluva v Praze a její středočeské zázemí // *Daneš Fr.* a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 200–211.
- Jančák 1997b — *Jančák P.* Praha v zóně izoglos doznívajících oblastních jevů // *Naše řeč*, roč. 80, 1997. Č. 54. S. 248–255.
- Janečková 1997 — *Janečková M.* Vývoj nářečních jevů v jihočeském regionu // *Daneš Fr.* a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 193–199.
- Neruda 1978 — *Neruda J.* Povídky malostranské. Praha, 1978.
- Скорвид, Поляков 2013 — *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Москва, 2013. С. 305–337.
- Скорвид 2014 — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // *Славяноведение*, 2014, 1. С. 44–58.

С. С. Скорвид: slavcenteur@gmail.com

Акцентуация *i*-глаголов в говорах Архангельской области

В статье рассматривается ударение *i*-глаголов в говорах Архангельской области на материале, который был собран во время экспедиций в деревни *Тáмица* Онежского р-на и *Михалёвская* Устьянского р-на (Мих.) при помощи «краткой акцентологической программы», составленной С. Л. Николаевым [Диалектные различия: 140], и на материале Архангельского областного словаря [АОС]. Полностью материал не мог быть включён в эту работу: класс *i*-глаголов в архангельских говорах чрезвычайно продуктивен и включает в себя не менее тысячи основ (без учёта приставочных), среди которых как древние, так и более поздние образования и окказионализмы.

Системно можно рассматривать только материал названных двух говоров, поскольку в [АОС] по каждому отдельному говору имеются фрагментарные данные. Однако огромный материал [АОС] показывает тенденции, свойственные архангельским и, вероятно, вообще всем северо-восточным русским диалектным системам ударения *i*-глаголов; выявление этих тенденций стало целью настоящей работы.

Архангельское ударение практически не описано. Общее представление об архаичности ударения *i*-глаголов в северо-восточных русских говорах основывается на двух фактах. 1. Акцентная кривая С *i*-глаголов в северо-восточных говорах сохраняет подвижность в презенсе (*варю́, вари́шь, вари́т, вари́м, варите́, варя́т*; такого рода подвижность ударения отмечается к северо-востоку от границы Вытегра — Устюжна — Углич — Ярославль — Ростов — Иваново — Нижний Новгород — Йошкар-Ола [ДАРЯ 2, карта 85]); в прош. времени подвижность утрачена (*вари́л, вари́ла, вари́ли; роди́лся, роди́лась, роди́лись*). 2. А. п. С *i*-глаголов имеет архаичный состав, см. карту 34 в [Образование: 120], где показаны изоглоссы нафлекссионного ударения в презенсе глаголов *дарить, тащить, варить, валить, катить, солить*. По материалам [ДАРЯ], однако, невозможно установить, какого устройства системы ударения *i*-глаголов представлены в северо-восточных говорах.

Предположение об их неоднородности связано с тем, что на территории Архангельской области представлены различные по проис-

хождению говоры поморской (север области) и вологодской (юго-восток области) групп, а также лачской подгруппы (юго-запад области). Архангельские говоры вологодской группы исторически связаны с расположенными южнее восточно- и северо-восточнорусскими говорами, роль в них «западнорусских» диалектных элементов, как правило, невелика; это говоры территорий, с конца XVIII в. до 1929 г. относившихся к Вологодской губернии. Говоры поморской группы смешанные; они отделяются от говоров вологодской группы пучком изоглосс новгородско-псковских явлений, но многие «новгородизмы» в них заменены восточнорусскими соответствиями; поморские говоры расположены на территории бывшей Архангельской губ. Юго-западные каргопольские говоры, ранее относившиеся к Олонецкой губернии, сохраняют связи с олонечскими (онежскими) говорами новгородско-псковского происхождения. Территория области, заселённая вдоль рек и берега Белого моря, мозаична на «микродиалектном» уровне, см. [Гецова 1997; Пожарицкая 1992; Тер-Аванесова 2014]. Говор д. Михалёвской на реке Ёстья относится к вологодской группе, говор Тамицы на Онежском полуострове, в 3 км от побережья Онежской губы Белого моря, — к поморской группе.

Северным поморским говорам (дд. Тамица, Кянда, Покровское, Ворзогоры Онеж., Азаполье Мез., Тиглява, Смоленец, Вожгора, Олма Леш., возможно, и другие) свойственна особая акцентная кривая В глаголов всех классов: с колонным накоренным ударением в презенсе (и *n*-причастии?) и ударением на соседнем справа слогe в прош. времени и инфинитиве (у *i*-глаголов — с ударением на суффиксе *-i-*): *хóжу, хóдишь, хóдит* и т. д., *хóжено, хóдить, хóдила*; *мóжу, мóжеешь, мóжет* и т. д., *мóкчи, мóгла; кóлю, кóлешь, кóлет* и т. д., *колóть, колóла*. В Тамице наряду с этой акцентной кривой есть и «стандартная» акцентная кривая В (*хожу́, ходи́шь* и т. п.), очевидно, проникшая в говор из «городского» языка.

Накоренное ударение форм презенса не зависит от наличия/отсутствия приставки и может быть сопоставлено с аналогичными глагольными акцентными кривыми в русских олонечских, гдовских и западноукраинских галицких и закарпатских говорах.

1. Изучение ударения в поморском говоре Тамицы [Тер-Аванесова 2014] показало, что его система может быть возведена к 4-му «восточному» типу позднераславянских акцентных систем. Однако тамичское ударение *i*-глаголов имеет отделившийся от 4-го типа, воз-

можно, «смешанный» характер (на акцентуацию «восточного» типа могла оказать влияние система другого типа, возможно, 2-го [ОСА: 109–159]). Древние итеративы, каузативы и деноминативы в говоре распределены по синхронным а. п. А, В (тип *хóжу, хóдит, ходíла*) и С так, что праслав. а. п. $a > A$ (за несколькими исключениями), $b_1 > B$ (за одним исключением), $c > C$ (но В у трёх глаголов и варьирование В/С у 15 слов). Глаголы праслав. а. п. b_2 отличаются от а. п. b_1 и c : они относятся к а. п. В или С (или у них варьируют В и С), но в целом у них значительно чаще, чем у глаголов а. п. c , встречается ударение типа В. Глаголы а. п. b_2 с корневым *у*, в меньшей степени *о*, предпочитают а. п. В.

Каузативы и деноминативы не а. п. a , в той или иной степени утратившие семантическую связь с производящими словами, в говоре Тамицы склонны к переходу в а. п. В; некоторые частотные глаголы с развитой полисемией обнаруживают различия акцентуации, связанные с различиями семантики. Отымённые образования, сохраняющие прозрачную семантическую связь с производящими словами, акцентуируются по а. п. А или С в зависимости от а. п. и частеречной принадлежности производящего слова. Принципиальных различий между системами поморского говора Тамицы и вологодского говора Михалёвской нет. Можно ожидать, что иной тип систем обнаружится в других поморских говорах.

В последнее время ускорение перехода $C > B$ в архангельских говорах связано с влиянием лит. языка, однако полностью материал ни одного говора с этой точки зрения не был обследован. Так, информантка из Михалёвской 1941 г. р., образование 6 кл., сообщила, что ударение *várit, dóit* кажется ей более изысканным (она называла его «городским» или «нежным») по сравнению с «деревенским» *va-rit, do-it*.

2. Ниже дано распределение *i*-глаголов по акцентным парадигмам в архангельских говорах.

2.1.1. К а. п. А относятся *i*-глаголы праслав. а. п. a :

-*bávit* (*в-*, *до-*, *сбáвить*); *blížit'sya* 'приближаться; лнуть; становиться дорогим'; *zabolótit'sya*, *zabolóčit'sya*; *vádit* 'терять время; водить в игре': *vádit'sya* 'тратить время; долго возиться с чем-л.; приучаться, привыкать', *sprovádit*; *vážit* 'приучать; баловать', *vážit'sya* 'привыкать'; *vérit*; *véřit'sya* 'чудиться'; *vésit* 'подвешивать; вешать; взвешивать', *vésit'sya* 'висеть': *pal'tó*

в'іс'иц'іе Мих.; *в'ялить*; *г'адить*; *г'алить*, *г'алиться* 'смеяться'; *г'ладить*; *гор'ошить* 'сбивать масло вручную'; *гот'овить*; *гр'абить* 'грабить; грести'; *эз'дить*; *ж'алить(ся)* 'жалить; жаловаться; делать быстро, энергично'; *ж'арить*; *ж'илиться* 'делать с усилием; скупиться'; *жу'лить* 'проталкивать' (жердь); *з'ариться*, *з'ориться* 'завидовать'; *зн'ачить*; *кв'асить*; *к'ончить*; *вск'учить*; *л'адить* 'собираться; готовить; направлять; чинить, делать; лечить, избавлять от порчи; налаживать отношения'; *л'азить*; *л'акомить*; *м'ерить*; *м'етить*; *мор'озить*; *м'учить*; *м'ылить*; *м'ыслить*; *п'арить* (на пару); *п'енить(ся)*; *пл'авить*, *-п'олнить*: *в'ым'е фс'п'олнится* Кельчемгора Леш. 6–7:51¹; *п'омнить*; *п'ортить*; *п'равить*; *п'учить*; *п'ялить* 'натягивать на пальцах; вставлять, вдевать', *фп'елилсе* 'вошёл' Целегора Мез., *фп'иллился* 'впился' (о клеше) Долгошелье Мез., ср. С: 3 мн. *фп'еля* Верола Нянд. 6–7:13; *р'анить*; *р'ыситься* (о брачном периоде у медведей); *с'алить* 'пачкать; мазать жиром'; *сл'абить*; *ст'авить*; *ст'арить*; *ст'оить*, *стр'етить*; *тр'атить*: *потр'атился* (умер от пьянства); *уд'ить*; *ух'итить* 'унести тайком'; *ч'истить*; *-ч'алить*: *сч'алить* 'утащить, украсть': *с'ц'ал'ат в'о'wk'и и ссо'н'ут* 'утащат и сожрут' Мих., *вч'алить* 'воткнуть; вставить; ужалить': *фц'ялена роскол'отка* Синики Усть., *фч'ялила ос'а* Олема Леш. 6–7:88–89; *ц'у'чить*. Церковнославянизм: *нр'авиться*.

Несколько глаголов, образованных от существительных и прилагательных подвижных а. п. и а. п. *b*, относятся к а. п. А; некоторые из них относились к а. п. *a* в старорусском [Зализняк 2011: 108]: *сг'л'азить*; *г'ор'биться*; *гр'обить*; *-н'изить*; *м'овить*, *м'олвить*; *п'издить* 'воровать; бить'; *п'ятить*; *бл'азнить* 'чудиться, казаться', ср. *бл'азна*, *-у* 'видение, обман чувств', но *бл'азнить* С 'соблазнять'; *в'ер'шиться* 'злиться, «ершиться»'; *стр'елить*; *вд'ырить*.

К а. п. А относятся *i*-глаголы, образованные от приставочных и сложных основ а. п. *a*: *бесп'ок'оиться* 'стараться'; *заб'езобр'азить*; *заб'есп'утиться*; *бес'судить* 'осуждать'; *заб'оиться* 'наметаться' (о сугробах, ср. *заб'ой* 'сугроб, наметённый ветром'); *дов'ерить* 'поверить'; *позв'олить*; *унав'ознить*; *уничт'ожить*; *обих'одить*; *ох'отиться*; *спод'обить* 'сделать, сотворить'; *поз'орить*; *оприз'орить* 'сглазить'; *прок'азить*; *сп'орить*; *веснод'елить* 'загатавливать дрова весной особым способом'; *дов'олить(ся)* 'быть довольным'; *доз'орить* 'выслеживать, подглядывать'; *дон'осить* 'сплетничать; доносить'; *допр'и-*

¹ При цитировании примеров из [АОС] указывается том и страницы; тт. 6 и 7 [АОС] опубликованы в одном издании.

ютить, допозóрить, допокóить 'ухаживать за стариком до самой его смерти'; *совздóрить*.

Несколько *i*-глаголов, относившихся к а. п. *b* и *c* в старорусском, в современном языке перешли в а. п. *A*; в архангельском материале это *брóсить, крáсить, стрóить*, а также *гóить* 'приводить в порядок; ухаживать' в юго-вост. говорах Красн., Вель., Усть., Котл., В-Т.

2.1.2. Состав а. п. *A* в архангельских говорах имеет ряд особенностей. (1) Все глаголы с **ort* в корне относятся к а. п. *A*: *рóбить, рóзнить* 'рвать на куски; разбрасывать', *рóстить*.

(2) В части архангельских говоров (поморских и каргопольских?) отадъективные глаголы со значением 'делать(ся) таким-то' имеют тенденцию к колонному накоренному ударению, однако оно ни в одном говоре не проведено последовательно, ср.: бéлить *A*: 3 мн. *бéл'а, поб'él'ит'*, *-ила, -у, -ит* Лавела Пин.; повел. *забéль* Веркола Пин., *забéлить, -им* Нюхча Пин.; *-ить, -ила* Усть-Кожа Леш., *-ить* Нёнокса Прим., *-ила* Хачела Онеж.; *-илась* Пежма Вель., Баковская Мез.; см. ниже *белить* *B, C*; 1:155, 11:178, 15:51–53; (в)óстриь *A*: *нос овóстрилси* Лёкшмозеро Карг. 8:128, ср. *(в)острiть* *C*. В Тамице а. п. *A* зафиксирована у *покóситься, лёгчить* 'облегчать, убавлять вес', *тéплить* 'подогревать'; *дóбрить* 'холить, ухаживать', *дóбриться* 'ластиться'; также *грязнить* Лопшеньга, Нёнокса Прим. 10:115.

(3) Глагол *лóжить* (*b*₂) относится к а. п. *A*: *поло́жу, -ыш, -ыла, -ыли* Мих., *поло́жу, -ыт, -ыл*, повел. *поло́ш*, инф. *поло́жыт'* и *положы́т'* Тамица; *поло́жыть* Хотеново Карг. 8:106. Соответствующий возвратный (не в пассивном значении) — к а. п. *C*: *ложу́с'*, 3 ед., инф. *ложы́ще* Тамица, *л'ожы́щ'е* Мих.

(4) Несколько глаголов праслав. а. п. *b*₁ и *b*₂ с корневыми *o, y* в ряде говоров перешли в а. п. *A*: *ку́рить* 'курить табак; курить смолу', известное в юго-восточных архангельских говорах: Мих., Поташевка, Верхопаденьга Шенк. 11:214, ср. *кури́ть* (табак) *B*, *кури́ть* *C* 'кадить, окуривать'; гру́зить Сельцо Вин., Ворзогоры Онеж., Мосеево Мез., ср. *грузи́ть* *B, C*; ско́блить Павловск Вил. 11:424, ср. *скоблiть* *B/C*; (в)ско́чить: *фско́чить* Черный Ручей В-Т, Ручьи Мез., ср. *ско́чить* 'вскочить' *B* Мих., Тамица, Лавела; Ошевенское Карг., Тимощель, Долгощелье, Койда Мез. 8:121.

2.1.3. Неполный перечень словообразовательных типов, представленных у *i*-глаголов а. п. *A*, свидетельствует о продуктивности этого глагольного класса. Типы семантической мотивации *i*-глаголов,

образованных от бесприставочных имён:

‘жить/действовать в качестве X’: *вдовічить* ‘вдоветь’; *холостяжить*; *горожанить* ‘жить в городе’: *на́ть опе́ть ёхать горожанить* Онеж. Подп. 9:362; *загородничиться* ‘приобрести привычки городского жителя’, *наркоманить*; *бандитить* ‘хулиганить’; *богаты́рить* ‘шалить’; *дикáриться* ‘вести себя неразумно’; *болту́нить* ‘болтать о пустяках’; *вага́нить* ‘делать небрежно; возить тяжести’, *вага́ниться* ‘насмехаться’, ср. *вага́н* ‘житель с берегов Ваги; житель юга Архангельской обл.; наёмный работник’; *жі́харить*, *жі́хорить* ‘бродить по дому ночью’: *в́испалась, а но́чью жі́харить будеш* Койнас Леш. 14:237, ср. *жі́харь*, *жі́хорь* ‘домовой’; *(в)у́росить* ‘упрямиться’, ср. *у́рос* ‘упрямец, норовистый конь’ [Фасмер 4: 169];

‘становиться как X’: *забато́жить* ‘стать как палка-*батог*’; *ня́шиться* ‘тесно общаться; быть в интимных отношениях’, ср. *ня́ша* ‘прибрежный ил’; *ватоло́ить* ‘пачкать’, ср. *вато́ла*, *вото́ла* ‘грубая крестьянская ткань’ [Фасмер 1: 279, 358]; *доклю́сить* ‘дожить, дотянуть’, ср. др.-р. *клюся* ‘жеребёнок’, в отношении семантики ср. словен. *kljuse* ‘плохая лошадь’, чеш. *klise* ‘жеребёнок, выючное тягловое животное’ [Фасмер 2: 258]; *докаши́чить* ‘дозреть’ (о ягодах);

‘быть, становиться’ (о погоде): *вёдрить(ся)* ‘быть хорошей’ (о погоде), ср. *вёдро*; *запого́дить* ‘стать ненастной’, ср. *пого́да* ‘ненастье’; *заві́хрить*; *бохма́рить*, *бухма́рить* ‘быть облачной’, ср. *бухма́ра* ‘пасмурная погода’; *сі́тушить* ‘моросить’, ср. *сі́туха* ‘изморось’;

‘делать, устанавливать, изготавливать X’: *по́лстить* ‘валять шерсть, шерстяную ткань’, ср. *полсть* ‘шерстяная ткань; войлок’; *доку́чить* (сено); *заклю́чить волосы* ‘запутать’, ср. *клоч* ‘клок; кочка; кудель’; *до́литься* ‘делить имущество’; *заблока́дить* ‘установить блокаду’ (Ленинграда);

‘работать X-ом, достигать при помощи X-а’: *ботани́ть* ‘ловить рыбу, загоняя ее в сеть снастью — *ботанцем*’; *бо́нить* ‘направлять сплавляемый лес при помощи узких длинных плотов — *бонов*’; *заві́чить(ся)* ‘завязать тонкими ветками — *ві́цами*’; *же́рдить* ‘прогонять подо льдом жердь, к которой привязана снасть, при зимнем лове рыбы’ (ср. *жердить* С); *голтэ́лить*, *голтэ́рить* ‘делать желобки в тесе рубанком-*голтэ́лью*’; *бу́чить* ‘кипятить бельё со щёлоком в *бу́ке* — кадке для белья’; *рентге́нить*; *забилéтить* ‘получить в пользование земельный или лесной участок по разрешению (билету)’; *больни́чить* ‘болеть, имея больничный лист’;

‘делать/становиться таким-то’: *забелэсить* ‘подкрасить белой краской’, *горбáтуть(ся)* ‘становиться горбатым; искривлять(ся); делать тяжелую работу’; *дjóжить, одjóжить; домáшнеть, домáшнеть* ‘заниматься домашними делами, вести хозяйство’; *забожéниться* ‘начать озорничать, шалить’, ср. *божéнный* ‘избалованный’; *жа́рвить* ‘ржаветь’; *дожжóвиться* ‘становиться дождливым’;

‘подвергать(ся) действию X-а’: *болгáчить* ‘наводить порчу’ (др.-р. *булгакь* ‘тревога, смятение’ [Фасмер 1: 238]); *глúмуть* безличн. ‘водить, заставлять блуждать’ (о нечистой силе), ср. *глум* ‘насмешка’; *пóмишеть*: безличн. *пóмишит* ‘появляться’ (о сыпи, потнице у младенцев), ср. *пóмха* ‘порча; налёт, болезнь растений’ [Даль 3: 276]; *вётрить* ‘проветривать’;

‘причинять вред’: *пáкостить* ‘вредить, портить’; *га́достить* ‘безобразничать, делать гадости’; *га́ростить, га́руздить* ‘пачкать’; *хíмостить* ‘«химичить», наживаться за чужой счёт’.

2.1.4. Семантические группы экспрессивных *i*-глаголов а. п. А:

«глаголы речи»: *бáчить* ‘говорить’; *бёрдить* ‘твердить одно и то же’, ср. *бёрдо* (деталь ткацкого стана, которой колотят, уплотняя ткань); *гóлчить, гóлтить* ‘громко говорить’ (и *голчítь* С), ср. *голк* ‘звук, шум’; *зóиться* ‘браниться’; *содóмуть* ‘громко говорить, шуметь’; *глагóлить, благóлить* ‘говорить’; *горлáнить, горлóнить, горлáсить, горлáчить* ‘громко кричать, петь’; *боробóрнуть, боронóсить* ‘болтать’; *боронтрóсить, боробóшнеть, барабóшнеть* ‘ругаться’; *борóвить, бурóвить* ‘болтать’; *гагáнить* ‘болтать, пустословить’; *долдóнить* ‘беседовать, болтать’; *бормóшнеть* ‘бормотать’; *жу́рить, жу́лить* ‘ругать, журить’ (и *жури́ть* С);

‘шуметь’: *барабáнить* ‘стучать’; *бу́хторить* ‘грохотать’; *гару́сить* ‘шуметь’; *варгáчить* ‘булькать, шуметь’;

‘шалить’, ‘делать глупости’: *глупáтуть* ‘глупить’, *дикáниться, декáниться* ‘шалить’;

‘дружить, общаться, гулять’: *коровóдиться* ‘быть в интимных отношениях’, *ватáжить, ватóжить* ‘дружить’; *болтáжиться* ‘гулять, шататься’; *комéдить, гогóлить* ‘весело проводить время’;

‘делать тяжелую работу’: *кíдасить* ‘таскать’, *лопáтуть* ‘усиленно работать’; *допелюдéнить* ‘доработать’;

‘смотреть’: *глазítуть; глазýрнуть; вопёрлиться* ‘установиться’; ‘понимать’: *пéन्द्रить*; ‘есть’: *гло́жить; жёлвнуть* (и *желви́ть* С), ср. *жёлвей* ‘нарыв; распухшие железы на шее’; ‘пить’: *ду́лить; жу́чить*;

‘бить’: *бозгáнить* (колотить лён); *колошмáрить*; *вмóрдить*; ‘жить’: *докартёжить* ‘дожить’; *живóтить* (и *животить* С), ср. *живóт* ‘жизнь’; *жс́ириться* ‘жить; жадничать’, ср. *жир*, *ж́ира* ‘условия жизни, благополучие’.

О продуктивности класса *i*-глаголов говорит переход в этот класс глаголов *-а/-je*-спряжения: *мáчить* ‘макать’, *ка́чить* ‘мяукать’, *глóжить*, *бля́ить* ‘блеять’. Другие отглагольные образования используют расширенные глагольные основы и, как правило, имеют экспрессивное значение: *бáчить* ‘говорить’, ср. *бáять*; *бáкать*, *-ает* ‘говорить; блеять’; *жмóтить*, *жсмóрить*, *жм́ирить(ся)* ‘щурить(ся)’.

2.2. Список глаголов **а. п. С** включает глаголы праслав. а. п. *c* и *b*₂ и более поздние «семантически прозрачные» образования от имён а. п. *b* и *c*. К а. п. С относится также несколько глаголов праслав. а. п. *a* (*дым́ить*, *-мест́ить*, *полош́ить* (?); *ягн́иться*), *b*₁ (*том́ить*, редко *колот́ить*) и церковнославянизмов (с неполногласием).

2.2.1. Праслав. а. п. *c* > С: *весел́ить(ся)* ‘веселить(ся); заквашивать дрожжами, подниматься на дрожжах’; *вест́ить*, *довест́ить* ‘сообщить, известить’; *вин́ить*; *времен́иться* ‘меняться’ (о погоде); *гно́ить*; *говор́ить*; *гост́ить*; *гроз́ить*: *фсё запрещёно да загрож́оно* Дорогорское Мез. 16:149; *див́ить(ся)*; *дорож́ить*; *жив́ить* ‘оживлять; класть закуску в тесто, пиво и т. п.’; *пожив́иться*; *зно́бить*: *зазно́бить* ‘заморозить; начаться (об ознобе); побить морозом’; *золот́ить*; *-зор́ить*: *дозор́иться* ‘присматривать, нянчить’, *допозор́ить* ‘добыть, досуществовать’, *зazoŕить* ‘пристыдить’; *зор́ить* ‘заставлять вызреть’ (о кузнечике-зорникé, который, по поверью, своим стрекотаньем *зорит* зерновые), ср. *зóрить* А ‘зреть’; *кал́ить*; *круш́ить*; *мир́ить*; *-нов́ить*; (*по-*, *до*)*норов́ить* ‘ждать’; *испар́иться*, а также *докур́ят-допар́ят* (о курильщиках) Усть-Паденьга Шенк. 14:314; *по́ить*; *порос́иться*; *прост́ить*; *раз́ить*: *вроз́имся* ‘броситься, кинуться’ Павловск Вил. 6:30; *ро́иться*; *-руч́ить*; *слеп́ить*; *смол́ить*; *сол́ить*; *сос́ить* ‘кормить грудью; сосать’; *спеш́ить*; *тай́ть*; *туш́ить* ‘душить’ Мих., ср. *душ́ить* В/С, *туш́ить* ‘гасить’ В; *яр́иться* ‘злиться’.

Праслав. а. п. *b*₂ > С, глаголы с «долготными» корнями: *беред́ить*: *заберед́ить* ‘повредить; начать болеть’, *заберед́ит в глазу* Совполье Мез., *уберед́или д́ушу* (события 1930-х гг.) Лавела, ср. *веред́ить* В/С; *борозд́ить* ‘ходить, странствовать; бродить’: *медв́еды заборозд́ят* (весной по снегу) Ямская Гора Шенк., ср. *борост́ить* В; *бороз-*

нить 'бороздить'; *глумить* 'насмехаться'; *гневиться*; *гнездиться*; *голосить*; *горбить* 'тяжело работать'; *гордиться*; *греиить*; *должить* 'одалживать, быть должным'; *курить* 'окуривать дымом', ср. *ку́рить* (табак) А/В/С; *лишить*; *-мертвить*; *нереститься*; *решиить* (др.-р. с), *стремиться*; *встромить* 'вставить' (ногу в подножку зыбки, Вельцы Кон. 6–7:61); *палить* (др.-р. b); *о-передить*; *порошить*; *свяиить*; *осеменить*; *скорбиить*; *следить* 'оставлять следы, наблюдать'; *смеиить*; *сторожить*; *стыдиться*; *твердить*; *теребиить* 'ощипывать птицу; расточать имущество'; *трусить* 'трясти, вытряхивать'; *тужить*; *очутиться*; *цениться*;

с «краткостными» корнями: *божить* 'каяться в грехах; божиться, клясться', (*забожить* 'сильно захотеть'); *крестить(ся)*, *кстиить(ся)*; *крошить*; *ложиться*, *лэжиться*, ср. *лóжитъ* А; *мостиить*; *розо-рить*; *плодить(ся)*; *плотить* 'делать плот', *поститься*; *творить* 'замешивать тесто; делать, творить', *заблаговорить*; *от-*, *затворить* 'заккрыть/открыть дверь, окно';

Фонетические церковнославянизмы: *блажить* 'вести себя ненормально, неразумно; вести разгульную жизнь; капризничать', *блажить* 'ссориться'; *бранить(ся)*; *гласить(ся)* 'сообщать; приглашать; отзываться о чем-либо; обозначать, значить; предсказывать'; *распределить*; *допредить* 'предупредить'; *хранить*; ср. *вредить* В/С.

Прочие: *басить(ся)* 'украшаться, красоваться'; *бодриить(ся)* 'храбриться, подбадривать'; *бруснить* 'обрывать листья с веток'; *повторить*; *галить* 'ударять; водить в игре; безобразничать', *гáлить(ся)* 'насмехаться, дурачиться; пристально смотреть'; *гломзить* 'скользить'; *гóлить* 'ударять; лягать'; *горячить* 'греть' (о солнце), *горячиться* 'сердиться; держать зло; браниться'; *дербенить* 'теребить': *брезга дербенит ей кой косу* 'подружка расплетает невесте косу' Воло сово Карг. 11:38, ср. *дербо́нить* А; *длить* 'тянуть, медлить; продолжаться': *Пи́нега (ка́шель) длі́ще*; *-единить*; *кипятить*; *материть* 'бранить'; *моросить*; *врозумиться*; *внуиить* 'внушить; воспитать'; *чадить*; *ядренииться* 'быть, становиться здоровым'.

Образования от тематических и ё-глаголов: *гнетить* 'гнести'; *жерить* 'есть; пить спиртное; кусать (о насекомых)', ср. *жеріще* 'пьяница'; *почерить* 'зачерпнуть', *знатить* 'колдовать'; *верещить*; *заболить* 'заболеть'; *загорить* 'поджечь; загореться'.

2.2.2. Глаголы а. п. С демонстрируют те же типы семантических отношений с производящими именами и те же типы экспрессивных

образований, что и глаголы а. п. А: 'действовать в качестве X-а': *подсотонить* 'навести порчу'; *дурить*;

'уподобляться X-у': *желнить* 'твердить одно и то же', ср. *желна* 'дятел'; *бровиться* 'собираться складками'; *вырить*: *вырít вода* 'бурлит; закручивается в водовороте', ср. *вырь* 'водоворот' [Фасмер I: 370], *вир* [там же: 318];

'быть, становиться' (о погодных явлениях): *вихрить*; *дождить*;

'делать, создавать X': *борить* 'делать сборки при пошиве одежды', ср. *боры* 'сборки'; *забородить* 'закончить жатву': *забород'иш*, *фс'о зделали* — *борода* Лавела (*борода* — колосья, по обычаю оставленные на сжатом поле; праздник окончания жатвы); *бугрить* 'окучивать картошку'; *долобить дорогу* 'делать канаву вдоль дороги', ср. *дóлоб* 'канавка'; *норить* 'проводить подо льдом жердь, к которой привязаны рыболовные снасти' (как бы делать нору подо льдом); *пазить* 'делать паз'; *комить* 'подминать под себя; захватывать в охапку' Мих.;

'производить действия над X-ом': *головнить новину* 'убирать головни на участке, очищенном от леса' Синики, Бестужево Усть. 9:247; *корить* 'обдирать кору';

'производить действия с помощью X-а': *золить* 'посыпать золой'; *забахтормить* 'покрыться плесенью' ср. *бахторма*, -у; *долотить*; *жеравить* 'в игре ударять палкой', ср. *жерав* 'жердь; часть колодца-журавля'; *жердить* 'проводить подо льдом жердь, к которой привязаны рыболовные снасти'; *когтить* 'царапать'.

Отсубстантивные *i*-глаголы с другими типами мотивации: *ворить* 'считать вором': *пошто меня вор'иш* Ценогора Леш., Кеврола Пин., Сояна Мез.; *дворить* 'вестись, быть ко двору' (о скотине); *горлить* 'издавать звуки' (о животных); *жеребить* 'метать жребий'.

Глаголы а. п. С с экспрессивными значениями:

'говорить': *голчить* 'говорить'; *басить* 'громко петь, говорить'; *гамить* 'громко говорить, шуметь'; *говнить* 'врать; говорить глупости'; *зубить* 'ругать', *зудиться* 'ворчать'; *борщить* 'брюзжать'; 'делать неумело; делать что-то не важное': *гнузить*, *гнузить* 'делать неумело, кое-как; надоедливо говорить'; глаголы с другими экспрессивными значениями: *бомбить* 'громко стучать'; *егозиться* 'резвиться'; *гомить*, *гомозить* 'вести себя беспокойно'; *жлобить* 'пьянствовать'.

2.3. Ка. п. В относятся *i*-глаголы праслав. а. п. *b₁*[ОСА: 116, 120]—

итеративы *бродить* (и *боростить* с тем же значением), *водить*, *возить*, *гонить*, *женить(ся)*, *колотить* (однако *околотят* (лён) Лиходеево Вель. 16:153 — при более чем 20 примерах акцентуации по а. п. В в разных говорах), *ломить*, *лунить*, *любить*, *месить*, *молотить*, *мочить*, *носить*, *просить*, *рубить*, *светить* (*подсветить* 'поджечь' Мих.), *скочить* (также А: *фсκόчить*, см. 2.1.2), *служить*, *травиться*, *ходить*. Отклонения от обычного рефлекса а. п. $b_1 > В$: *томить* С, *волочить* В/С, *колотить* В/С.

К а. п. В также относятся несколько глаголов праслав. а. п. b_2 и с (др.-р. *b*, *c*) [ОСА: 112–122; Зализняк 2010: 131–140; Зализняк 2011]:

праслав. *c*, др.-р. *c* — *учить*, *явить*, *пустить*;

праслав. b_2 , др.-р. *c* — *будить*, *зубить*, *клонить* (др.-р. откл. к *b*), (*по-*, *раз*)*лучить*, *мутить*, *трудиться* (др.-р. изредка *b*), *тушить* (огонь), *чинить*;

праслав. b_2 , др.-р. *b*: *давить*, *кормить*, *купить*, *-кусить*, *молить*, *ступить* (др.-р. откл. к *c*), *судить*, *точить*, *хвалить*, *хватить*, *хоронить*;

праслав. b_2 (?): *дразнить*, *копить*, *сердиться*, *-собить*, *сорить*, *сучить*, *ценить*.

2.4. Ряд *i*-глаголов — каузативов и деноминативов праслав. а. п. b_2 и с, др.-р. а. п. *b* и *c* — обнаруживает по говорам колебания **а. п. В/С**.

2.4.1. Арханг. В/С: праслав. *c*, др.-р. *c*: *валить* 'класть; валить', *валиться* 'падать; ложиться'; *варить* 'варить; смолить; соображать': *варит у тебя максимка* (голова) Хаврогоры Холм.; *гасить*; *дарить*; *манить* 'ждать; медлить'; *садить*; *делить*; *лениться*; *лепить*; *лечить*; *цедить*; *годить* 'ждать; собираться сделать что-л.', *пригодиться*; *дойть*; *ловить*; *морить*; *становить*; *долбить*; *душить*; *глушить*; *пушить* 'заставить распухнуть; взрыхлить', *вспушить* также 'отругать': *фспушит фсё тело мошка-та* Першлахта Плес., *фспушит землю* Валдокурье Пин. 6–7:53–54; *студить*; *сушить*.

Соотношение акцентовок В и С у глаголов этой группы неодинаково. Материал показывает, что глаголы с корневым *a* в большинстве говоров сохраняют С. У *манить* и *садить* ударение зависит от значения: *манить* 'ждать; медлить' С — *манить* 'подзывать' В; в Тамице *досадить* 'поранить' В — *садить* (другие значения) С/В. Глаголы с корневым **ě* сохраняют а. п. С менее последовательно: а. п. С зафиксирована в большинстве примеров *цедить* и в половине — *делить*, тогда как у *лепить*, *лечить* С — редко встречающийся архаизм. Сре-

ди глаголов с корневым *o* а. п. С по говорам преобладает у *годить*, *доить*, *морить*; у *ловить* является редкостью; практически не встречается у *родить*. Обращает на себя внимание пример непереходного употребления: *хлеб родит* 'родится'. Подвижность ударения у *становить* сохраняется в случае диалектной приставки: *постави́т*, но *останови́т*, оба в значении 'остановить' Мих. В группе глаголов с корневым у а. п. С по говорам преобладает у *глушить*, *сушить*, *пушить*. У *студить* в Тамбове ударение зависит от значения: *простудиться* (из городского языка?) встретилось только с акцентовкой по а. п. В.

Таким образом, учитывая материал в пп. 2.2.1, 2.3, 2.4.1, в архангельских говорах *i*-глаголы праслав. а. п. *c* хорошо сохраняют подвижность ударения. Этому способствует семантическая соотнесённость с производящим у деноминативов и до некоторой степени непереходность (*сади́т/сади́т — сади́тся*). А. п. В распространяется неравномерно у непроизводных с синхронной точки зрения глаголов а. п. *c*; в отдельных случаях колебание а. п. В/С у одного глагола сопровождает различия в значении; всё это позволяет говорить об индивидуальном развитии ударения каждого глагола.

2.4.2. Арханг. В/С: праслав. а. п. *b*₂, др.-р. а. п. *c* и *b* (др.-р. акцентуация ниже указана при каждом глаголе).

Глаголы с «долготными» корнями: *кати́ть (c)* 'поступательно двигаться; обливаться; зреть': *водо́й ока́тиши* Нокола Карг. 8:63; *ка́тиця* (прибывает вода во время прилива) Зимняя Золотица Прим. 8:60; *дока́тит* 'дозреет' Дорогорское Мез., *дока́тит* 'доедет' Явзора Пин. 11:297; *тащи́ть (c)*; *ряди́ть(ся)* 'договариваться; наряжаться; заряжать': *сва́йба ряди́цца* Юрома Леш. 8:129, *хто́ как ср'эд'иц'ц'е* (оденется) Мих.; *бели́ть*, ср. *бе́лить* А; *беси́ть(ся) (b)*; *кпеи́ть*; *цеи́ть*; *борони́ть(ся)* 'боронить', 'болтать, говорить; браниться', 'загораживать; противостоять трудностям; драться': *доска́ми заборони́ши* Черный Ручей В-Т 15:149–150; *вереди́ть (c)* 'травмировать; искалечить; нанести ущерб; обеспокоить': *вере́жена нога́, наве́рно охра́млён ко́нь* Олема Леш. 3:106–107, ср. *береди́ть* С; *вреди́ть (c)* (то же, что *вередить*): *соба́к-то она́ вреди́т* Вершина В-Т 6–7:19–20; *волочи́ть(ся) (b)* 'тащить, нести; носить одежду; медленно двигаться; покрываться облаками': *заволочи́т* 'затаскает' (по организациям) Лопшеньга Прим., *щас заволочи́ця* (о пароходе) Нокола Карг., *заволочи́т облака́ми* Тавренъга Кон., Кречетово Карг. 15:404–405, ср. *заболочи́ть* С

‘покрыться облаками’; *ворожить*; *воротить* (*b*, откл. к *c*); *городить* (*b*, откл. к *c*) ‘делать изгородь; заслонять; говорить (ерунду)’; *загородит сестру* (своим замужеством не даст старшей сестре выйти замуж) Сабурово Усть. 16:117–122; *блудить* (*b*) ‘блуждать; слоняться; ошибаться’: *блудят чясы* Вожгора Леш., *куды ли заблудитэ на поля* Смоленец Леш. 15:109–114, ср. *блудить* А; *грузить* (*c*) ‘грузить; погружать в жидкость; тянуть вниз; беременеть’, ср. *грузить* А; *дубить*; (*в*)*ключить* (*c*) ‘включить; вставить’; *крутить*; *кружиться*; *курить* ‘окуривать, кадить’, ср. *курить* А/В ‘курить’ (табак); *нарушить* ‘испортить, поранить’, ср. *розрушить* А; *пилить*;

глаголы с «краткостными» корнями: *вопить* (*b*) ‘кричать, звать’; *глотить* (*b*) ‘глотать; есть; пить; пьянствовать’; *звонить*; *косить* (ко-сой); *селить* (*c*); *скоблить*; *телиться*; *топить* (*c*) ‘греть’; ‘топить в воде’; *точить* ‘острить’, *вточить(ся)* ‘внедриться’: *фточить нос* ‘сунуть нос не в свое дело’ Сия Холм., *фтоцияця* ‘впиться’ (о пиявках) Тимошино В-Г 6-7:77.

У *i*-глаголов праслав. а. п. *b*₂ (др.-р. *b*, *c*) отмечены а. п. В, С, изредка А, причем тип В — несколько чаще С; в этом отличие глаголов а. п. *b*₂ и от *b*₁, и от *c*. А. п. В преобладает у *i*-глаголов с варьированием В/С. Так, у глаголов праслав. а. п. *b*₂ с корневым а а. п. С по говорам довольно последовательно представлена у *тащить*; у *катить* она встречается гораздо реже, чем В; акцентуация *рядить* зависит от значения: *рядиться* ‘договариваться’ С — *рядить(ся)* ‘одевать(ся); заряжать’ В. Из глаголов с корневым **ѣ* у *крепить* чаще встречается а. п. С, у *бесить*, *цепить*, *белишь* преобладает В, у последнего отмечается также А. Глаголы с полногласием в корне: у *боронить* в значении ‘боронить’ и нескольких значениях, развившихся из ‘обороняться’, варьируют В/С, но С преобладает при экспрессивном значении ‘болтать вздор’; у *вередить* и *вредить* а. п. В и С встречаются примерно с одинаковой частотой; у *бередить* зафиксирована только а. п. С. У *городить* а. п. С представлена в меньшей части примеров; у *воротить* подвижное ударение представляет собой редкий архаизм, в Тамице сопряженный с возвратностью глагола; у *волочить* преобладает а. п. В, однако *заболочить* ‘затянуться облаками’ — только С. У большинства глаголов с корневым у а. п. В встречается чаще, чем С, но у *грузить*, *дубить* преобладает С.

Около 20 синхронно непроемных *i*-глаголов праслав. а. п. *b*₂, как с «долготными», так и с «краткостными» корнями, зафиксированы только с ударением типа В, см. п. 2.3. Часть их, преимущественно

глаголы с корневым *у*, относится к др.-р. а. п. *с*; ударение типа В у них, видимо, позднее и обусловлено качеством корневого гласного. Другая часть, с более разнообразным корневым вокализмом, унаследовала а. п. В от др.-р. Глаголы а. п. *b*₂, сохраняющие семантическую связь с производящими именами, относятся к а. п. С, см. п. 2.4.1.

У нескольких глаголов а. п. *b*₂ с «краткостными корнями» также по говорам варьируют а. п. В и С. Выделяются глаголы с «еровыми» корнями: **glʸt-*, **vʸp-*, имеющие ударение типа В. А. п. В *вопить* встречается в говорах бассейна Ваги и Устья, в пределах линии Коноша — Плесецк — севернее Шенкурска — Красноборск, ареал ударения *глотит* отчасти накладывается на ареал *вóпит* (ограничен линией Березник — Октябрьский — Ильинско-Подомское — Верхняя Тойма, несколько пунктов в бассейне Мезени и Тамица Онеж.), *глотит* отмечено к северу от *глотит* на Двине в Вин. и В-Т, на Средней Пинеги и в Сояне на Кулое.

У *косить* и *звонить* преобладает а. п. С, причем а. п. В последнего может объясняться влиянием «городского» языка (в большинстве примеров речь идёт о телефонных звонках). Остальной небольшой и противоречивый материал на данном этапе изучения архангельского ударения может быть истолкован как свидетельство первоначальной а. п. С глаголов с «краткостными» корнями и постепенного распространения у них а. п. В.

3. В заключение приведём фрагменты материала из Тамицы, Михалёвской и близких им говоров, показывающего неравномерность распространения типа В у глаголов а. п. *с* и *b*₂ (и даже случайность фиксации В как одного из вариантов ударения?): глаголы, обнаруживающие вариативность В/С по говорам, с добавлением «краткостных» глаголов а. п. *b*₂.

1. Тамица Онеж.: (*с*) *валит/свáлиш*, *повáлице*, *варит*, *погасит*, *мáним*, *садит/досáдит*, *ленице/лэниссе*, *лепит*, *лечит*, *погодит*, *дойт*, *пойт*, *ловит/лóвит*, *уморит*, *родит*, *останóвице*, *долбит*, *глушит*, *остудит/простудиссе*, *сушит*; (*b*₂) *кáтит*, *тащит*, *редяце*, *бэлит* А, *укрепит/укрэните*, *волоят*, *ворожат*, *отворотит/отворотице*, *загородит*, *заблудят*, *нагрузят*, *включим*, *закружыссе*, *крутит*, *курит/курят*, *дубит*, *пилит*; *божыце*, *вопят*, *проглотит/проглóтит*, *звонит/звóнит*, *косит*, *посéляце*, *скоблит*, *творит*, *отелице*, *натопит*, *утопит/утóпиш*, *натóцит/тоцят*, *заострит*, *ложыт* А, *ложыце*.

2. Говоры с *вопит*, *гло́тит*. Михалёвская: (с) *валит/ва́лит*, *варит*, *гасит*, *дарит*, *садит*, *дилит*, *липит*, *лэцит*, *цидит*, *угодит*, *доит*, *поит*, *ловит*, *ро́дит*, *постановит*, *довьбит*, *глушьит*, *насушьиш*, *сушьит/сушьит*, *тушьит* 'душит'; (b₂) *роскати́ще*, *ута́щит*, *сре́дище*, *би́лит*, *крепи́т*, *заце́пит*, *борони́т*, *воло́чит*, *ворожы́т*, *заблуди́ще*, *грузи́т*, *фклучи́т*, *пили́т/пи́лит*; *ку́рит* А, *ло́жыт* А; *божы́ще*, *во́пит*, *гло́тит*, *звони́т*, *коси́т*, *мо́лище*, *свостри́ще*, *сели́ще*, *скобли́т*, *те́лище*, *то́пит*, *уто́пит*, *твори́т*, *це́твори́ще*; Бестужево Усть.: *вари́т*, *лови́т*, *вереди́т*, *блуди́т*, *взвони́т*, *коси́м*; Строевское Усть.: *вари́т*, *ва́рим*, *деля́т*, *долбя́т*, *горо́диш*, *грузи́т*, *во́пит*, *во́пят*; Синики Усть.: *са́дят*, *переци́дим*, *горо́дят*, *грузи́т*, *пиля́т*;

Судрома Вель.: *домани́ш*, *са́дят*, *ди́лим*, *ли́пит*, *долбя́т*, *глушьи́т*; *беся́ще*, *бороня́т*, *горо́дит*, *грузи́т*, *во́пит/вопи́т*, *оте́лище*; Вальтево Кон.: *вари́т*, *лови́т*, *вереди́т*, *блуди́т*, *заблуди́шся*, *взвони́т*, *коси́м*; Павловск Вил.: *вса́дят*, *де́лище*, *вли́пит*, *довьба́т*, *додолби́т*, *глушьи́м*, *докати́ш*, *бели́ш*, *беси́щя*, *борони́ща*, *воло́щя*, *доволо́щиш*, *заблуди́сья*, *нагрузи́щя*, *гло́тит*, *звони́т*; Селяна Вил.: *даря́т*, *дари́м*, *вли́пит*, *загоди́щя*, *бороня́щя*, *доволо́чиш*, *не гло́тят*;

Вожгора Леш.: *варя́т*, *даря́т*, *борони́т*, *вереди́ще*, *заволо́чит*, *блудя́т*, *грузя́т*, *гло́тит*; Кельчемгора Леш.: *варя́т*, *ва́рит*, *варе́но*, *дели́м*, *глушьи́т*, *ропоре́ди́сья*, *горо́дище*, *вере́жен*, *влéпен*, *отпи́лят*, *взвони́т*.

3. Говоры с *глотит*. Заостровье Вин.: *сса́дит*, *влéпит*, *заглушьи́т*, *сушьи́м*, *борони́т*, *заворотя́т*, *грузим*, *загло́тит*; Борок Вин.: *вари́т*, *варя́*, *ро́дится*, *вредя́т*, *заблуди́сья*, *загру́жен*, *загло́тят*;

Сура Пин.: *ва́рят*, *глушьи́м*, *глушьи́т*, *заборони́т*, *вереди́т*, *вереди́ш*, *заволо́чите*, *горо́дят*, *блудите*, *загру́жен*, *гло́тит*, *гло́тит*, Ла-вела Пин.: *ку́ря*, *дубя́*, *оте́лище*, *то́пит*.

Районы Архангельской обл.: Вельский, Вилегодский, Виноградовский, Верхнетоемский (В-Т), Каргопольский, Коношский, Котласский, Красноборский, Ленский, Лешуконский, Мезенский, Няндомский, Онежский, Пинежский, Плесецкий, Приморский, Устьянский, Холмогорский, Шенкурский.

Литература

АОС — Гецова О. Г. (отв. ред.). Архангельский областной словарь. Тт. 1–16. Москва, 1980–2015–.

- Гецова 1997 — *Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. Москва, 1997.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва, 1989–1991.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1–3. Москва, 1986–2004.
- Диалектные различия — *Бромлей С. В.* и др. Диалектные различия русского языка. Морфология. Программа собирания диалектного материала. Москва, 1998.
- Зализняк 2010 — *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. Т. 1. Москва, 2010. Т. 2. Москва, 2011.
- Образование — *Орлова В. Г.* (ред.). Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Москва, 1970.
- ОСА — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Москва, 1990.
- Пожарицкая 1992 — *Пожарицкая С. К.* Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. Под ред. Л. Э. Калнынь. Москва, 1992.
- Тер-Аванесова 2014 — *Тер-Аванесова А. В.* Ударение *i*-глаголов в говоре д. Тамица Онежского р-на Архангельской области в контексте лингвистической географии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология. Москва, 2014. С. 55–95.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва, 1986–1987.

А. В. Тер-Аванесова: teravan@mail.ru

Ronald F. Feldstein

Indiana University

Russian Stress and the Notion of Syncretism

I. Introduction

In recent studies of Russian syncretism, stress has often been accorded a secondary role. For example, in a 2004 paper on syncretism in distributed morphology, Müller stated his intention to focus on the “core system” and to “disregard ... stress patterns” [Müller 2004: 2]. This paper takes the position that one cannot “disregard” either the segmental or the prosodic features within the system of syncretism, since there is no syncretism if both features do not coincide. In the more recent 2005 study by Baerman et al, there is a limited discussion of Russian stress, primarily for the purpose of disqualifying the Nsg and Gsg forms *мéсто*, *мéста* as an instance of syncretism.

One of the main discussions of Russian stress and syncretism in [Baerman et al. 2005: 10], concerns the fact that although phonetic [m'éstə] represents both Nsg *место* and Gsg *места*, the authors do not wish to consider it as syncretism, since it results from an automatic phonological rule. In their words, “the collapse of the genitive with the nominative/accusative is a superficial by-product of phonology and need not be reflected in a morphological analysis.”

Actually, the issue of whether [m'éstə] is one or two entities is not just an issue for syncretism, but for phonology and morphophonology in general. Theories may differ as to whether this single phonetic shape should receive two different higher level representations. Thus, a possible Moscow Phonological School transcription of /m'éstə/ vs. /m'éstə/ means two different shapes and no syncretism, but a Leningrad transcription of a single entity, such as /m'éstə/ in both cases, would leave the door open to considering them as syncretic. In other words, the question of whether [m'éstə] represents syncretism should be viewed as dependent on the given phonological theory and not an objective fact, in and of itself.

Baerman compares the situation of [m'éstə] to that of [v'ínó] and [v'íná], in which there is neither phonetic nor phonemic syncretism. Obviously, the phonological neutralization of /a/ and /o/ in post-tonic position is causing this situation. This suggests that it might be useful to consider a difference between **phonetic syncretism** and **morphophonemic syn-**

cretism (as in Table 1), which would differentiate these types. Thus, [v'ínó] and [v'íná] would have both phonetic and morphophonemic types, while [m'éstə] would be an example of phonetic, but not morphophonemic syncretism. This case illustrates the fact that stress must be considered, along with segmental features, in any study of Russian syncretism.

Table 1. Variable nature of phonetic, phonemic, morphophonemic syncretism.

Syncretic Pair	Phonetic	“Leningrad” Phonemic	“Moscow” Phonemic, Morphophonemic
<i>мѣсто</i>	[m'éstə]	/m'éstə/	/m'éstə/
<i>мѣста</i>	[m'éstə]	/m'éstə/	/m'éstə/
Syncretism	+	+	–
<i>винó</i>	[v'ínó]	/v'ínó/	/v'ínó/
<i>винá</i>	[v'íná]	/v'íná/	/v'íná/
Syncretism	–	–	–

Baerman’s concept of syncretism admits only the morphophonemic type, but an argument could be made for a listener’s syncretism, which would reflect phonetic identity, similar to the “Leningrad” phoneme, as contrasted to the “Moscow” phoneme.

However, even if we ignore the notion of phonetic syncretism and restrict our attention to the generally accepted notion of morphological syncretism, stress plays an important role in the manifestation of syncretism in the Russian noun. This paper will propose a classification of these manifestations of syncretism, according to three criteria.

II. Classification of syncretism into three basic types

I intend to propose that there are three basic types of syncretism, with regard to their stress patterns. A brief characterization of these types will be given, followed by a more detailed presentation of specific examples.

A. Type I: Constant syncretism

Within an inflectional paradigm, such instances of syncretism apply without regard to the stress pattern, or accentual paradigm. For example, the locative and dative singular syncretism of the (usually feminine) “*a*-declension” occurs in all possible accentual environments, e.g. loca-

tive and dative *кни́зе, сестрё́, голо́вё*. In other words, regardless of the accentual paradigm a word possesses, if it is in the “*a*-declension,” it will have the locative and dative singular syncretism. Thus, this syncretism can even serve as a reliable definitional property of this inflectional type, since constant syncretism of Lsg and Dsg is always part of this morphological paradigm. It can be noted that segmental properties define the notion of the traditional morphological paradigm (e.g. Nsg *-a*, Asg *-u*, etc.), while accentual properties are considered mere subtypes of the given “declension,” or morphological paradigm. Thus, it is said that the “*a*-declension” can have several different accentual types. However, in spite of this accentual variability, in the case of constant syncretism, all members of the paradigm share the same syncretisms.

B. Type II: Variable syncretism

In the case of variable syncretism, the words of a particular declension (which is defined only by segmental desinences) have different manifestations of the given syncretism, depending on the accentual paradigm. For example, the genitive singular and nominative plural forms of the *a*-declension (for details, see [Jakobson 1984]) are syncretic when the accentual paradigm has constant stem-stress (to be referred to as Type A stress), but are **not** syncretic in the case of several other accentual patterns, such as singular end-stress and plural pre-desinential (which I shall refer to as “Type B stress”, cf. [Feldstein 2006 and 2007]). For example, *ла́мпы* (Gsg and Npl) manifests the syncretism, but the grammatically identical pair, *колбасы́* (Gsg) vs. *колба́сы* (Npl), are not syncretic. Actually, one could be more precise and specify that this pair is **segmentally syncretic**, but not **prosodically syncretic**. Thus, a difference between the segmental and prosodic values of syncretism is the most salient property of the type I am refer to as variable syncretism.

C. “Non-standard” paradigmatic syncretism

Prosodic factors can create yet a third syncretic situation. In several instances, small sets of Russian nouns belong to declensional paradigms which can only occur in a restricted accentual environment. Therefore, syncretic relationships which occur in these paradigms may well involve forms which can only belong to a single accentual paradigm. For example, the usual “zero-noun” paradigm has a single locative form for general prepositional usage and for a specific type of location. However, an accentually restricted set of words, which otherwise belong to this para-

digm, splits the locative case into two forms, known as locative-1 and locative-2, with desinences that differ both segmentally and prosodically. For example, a zero-noun with constant stem-stress (and usually with constant end-stress) can only have a single locative, which might be viewed as a syncretic manifestation of locative-1 and locative-2; for example, the noun form in *о заво́де* is syncretic with that of *на заво́де*. However, many nouns with mobile stress (paradigm C) manifest this mobility in the singular, having a locative-2 form with stressed *-ú*, as opposed to locative-1 with unstressed *-e*: *о снѐге* vs. *в снѐгѹ*, i.e. lacking syncretism.

III. Type 1 syncretism

Type 1 syncretism can be illustrated in the following table:

Table 2. Type 1 syncretism: shared segmental endings with possible differences of accentual paradigm (AP), but no syncretic differences between accentual types. In order to indicate that there could be both unity and diversity in the syncretic sets of these patterns, it will be useful to indicate **segmental syncretism** separately from **prosodic syncretism**. Of course, both features must show a plus-sign, in the case of true syncretism.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>кнѐге</i> Lsg/Dsg	A	+	+
<i>женѐ</i> Lsg/Dsg	B	+	+
<i>голове́</i> Lsg/Dsg	C	+	+

Differences of accentual paradigm can be ignored when there are no accentual differences between the grammatical forms in a syncretic pair. This applies to *a*-noun Lsg/Dsg, as shown above, and also the following syncretic sets:

1. Zero-noun (masculine morphological paradigm): Nsg/Asg (*сто́л*), Asg/Gsg (*челове́ка*), Npl/Apl (*сто́лы*), Apl/Gpl (*во́лков*).
2. *o*-noun (neuter morphological paradigm): Nsg/Asg (*сло́во*), Npl/Apl (*сло́ва*), (Apl/Gpl (*ли́ца*)).
3. *a*-noun (feminine morphological paradigm): Npl/Apl (*ру́ки*), Apl/Gpl (*жѐн*).

IV. Type 2 syncretism

As noted above, type 2 syncretism displays a difference of syncretism in the different accentual paradigms.

Table 3. Type 2 syncretism: shared segmental endings with possible differences of accentual paradigm (AP), and with syncretic differences between accentual types.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>кни́ги</i> Gsg/Npl	A	+	+
<i>же́ны</i> Gsg / <i>же́ны</i> Npl	B	+	–
<i>го́ловы</i> Gsg / <i>го́ловы</i> Npl	C	+	–
<i>пра́вила</i> Gsg/Npl	A	+	+
<i>се́ла</i> Gsg / <i>се́ла</i> Npl	B	+	–
<i>зе́ркала</i> Gsg / <i>зе́ркала</i> Npl	C	+	–

Type 2 syncretism occurs in the Gsg/Npl syncretic pair, in which accentual paradigm A (constant stem-stress) displays syncretism, but types B and C most often do not, since one of the two forms has end-stress and the other does not. This is the usual pattern for o-noun morphological neuters and a-noun morphological feminines. Neuter *o*-stem examples, analogous to the feminine examples above, are: *пра́вила* Gsg/Npl; *се́ло* Gsg / *се́ла* Npl; and *зе́ркала* Gsg / *зе́ркала* Npl.

The separation between segmental and prosodic types of syncretism can be useful in differentiating between types one and two above, in that type one syncretism always has both segmental syncretism and a prosodic mark with the same plus sign, while type two does not have a full identity of plus signs; such identity occurs only in a subset of accentual paradigms. In another subset of accentual paradigms, the segmental syncretism agrees and has a plus sign, but prosodic syncretism does not exist and is marked as minus. Thus, there are three possibilities: two plus signs, in the case of full syncretism; two minus signs, when syncretism is absent; and a plus and a minus when there is a purely accentual opposition. A fourth possibility—minus and plus—seems less useful and would mean that the stress agrees, but the ending is different.

Jakobson, using the examples *но́чь*, *ло́шадь*, *крово́ть* [Jakobson 1984: 138], treated zero-noun feminines as having only one type of syncretism for the Gsg and Npl, regardless of accentual paradigm. This would fall into the category of our type one syncretism, shown above in Table 2. However, Zaliznjak [Zaliznjak 1965: 156] and others cite several other zero-noun feminines, which have two styles of pronunciation: a more formal one, in which the Gsg/Lsg/Dsg are all syncretic with the Npl, and a more colloquial style, in which the GLD/sg can have end-

stressed variants, in opposition to the (initial) stem-stress in the NApl. These nouns include *ось, грудь, печь, степь, цепь*. Significantly, this supports Jakobson's thesis that the pure stress opposition between Gsg and Npl is being extended in the zero-noun class of feminine nouns. However, since one set of such nouns (e.g. *лошадь*) still must maintain full syncretism, this is a type 2 situation of syncretism, in which some paradigmatic forms have full syncretism and others have only segmental syncretism, lacking prosodic identity in the given forms. This has been depicted in Table 4.

Table 4. Variable situation of zero-noun feminines. Based on style 1, the syncretism is of type 2 (variable, depending on stress), but all other forms (as cited by Jakobson) indicate type 1 syncretism, i.e. the same, regardless of stress.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
Style 1			
<i>ócu, nécu, зрýду</i> GLDsg/NApl	C	+	+
Style 2			
<i>ocú, nečí, зрýдú</i> GLDsg	B sg	+	–
<i>ócu, nécu, зрýду</i> NApl	C pl		
<i>мысли</i> GLDsg/NApl	A	+	+
<i>лошади</i> GLDsg/NApl	C	+	+

V. Type 3 syncretism.

The third, and last type of syncretism in this classification, represents a situation in which there is not a full identity between all of the segmental desinences of a given paradigm. Although one might normally expect words with different sets of endings to belong to different paradigms, it often happens that certain endings are restricted to small accentual subsets, and it is usual to consider these paradigms as belonging to the larger type. For example, Zaliznjak introduces the concept of “narrow paradigm” (“суженная парадигма”) [Zaliznjak 1965: 133], in order to be able to state that at least a certain paradigmatic subset is identical, in spite of some deviating cases, such as the second genitive (G2), second locative (L2), and paucal (count form, P). Thus, there is a choice, in the case of type 3 syncretism. One must either recognize tiny, atomistic paradigms (see [Isačenko 1965: 106], on the need to avoid “atomistic” paradigms),

with membership limited by accent, or have a larger paradigm, in which certain accentual types have a different type of syncretism than other members. Thus, it can be said that there is a trade-off between a broader, less atomistic paradigm and a more complex situation of syncretism. Accepting the concept of broader, more inclusive paradigms implies that the intraparadigmatic relations will be more complex. Interestingly, if paradigms could be viewed as less inclusive and more narrow, having only uniform sets of segmental desinences, the entire category of our type 3 syncretism would be eliminated, and syncretism would be confined to types 1 and 2. In fact, this may be the most important aspect of this classification: there is a sliding scale of syncretism, with the number of syncretic types being inversely proportional to the number of narrow paradigms recognized.

Tables 5, 6, and 7 illustrate this relationship for three “secondary” forms (вторичные, in Zaliznjak’s terminology): L2 *-ú*, L2 *-í*, and the count form (P, for paucal).

Table 5. Type 3 syncretism: secondary segmental endings exist for restricted accentual sets, which differ in terms of segmental and/or prosodic syncretism. Locatives 1/2 in the zero-noun masculine paradigm are illustrated below.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>заво́де</i> L1sg /L2sg	A	+	+
<i>столе́</i> L1sg/L2sg	B	+	+
<i>(о) постé</i> L1sg / <i>(на) постý</i> L2sg	B	–	+
<i>во́лке</i> L1sg/L2sg	C	+	+
<i>(о) бе́реге</i> L1sg / <i>(на) берегý</i> L2sg	C	–	–

Table 6. Type 3 syncretism for zero-noun feminines.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>мы́сли</i> L1sg/L2sg	A	+	+
Style 1			
<i>(о) зру́ди</i> L1 / <i>(е) зрудí</i> L2	C	+	–
Style 2			
<i>зрудí</i> L1sg/L2sg	B	+	+
<i>(о) ме́ни</i> L1sg / <i>(е) менí</i> L2sg	C	+	–

Table 7. Type 3 syncretism for the count form (paucal).

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>завóда</i> Gsg/P	A	+	+
<i>столá</i> Gsg/P	B	+	+
<i>бéрега</i> Gsg/P	C	+	+
<i>иáга</i> Gsg / <i>иагá</i> P	C	+	-

The existence of the L2 form in stressed *-í*, especially for the small number of such nouns in accentual paradigm B (e.g. *зорб*, *плот*, *полк*, *пост*, *пруд*, *скит*, *шумифт*, cf. [Zaliznjak 1965: 286]), creates a new situation of syncretism, involving the case pair L2/Dsg, as follows:

Table 8. Type 3 syncretism of zero-noun masculine L2/Dsg.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>завóде</i> (L1/L2) / <i>завóды</i> Dsg	A	-	+
<i>посты́</i> L2/Dsg	B	+	+
<i>бегезы́</i> L2 / <i>бéрезы</i> Dsg	C	+	-

In the case of the second genitive (G2) of the zero-noun masculine paradigm, this restricted set of words is syncretic with the Dsg. However, G2/Dsg syncretism appears to be rather independent of the accentual paradigm, and can occur under various types of stress (e.g. *наро́ду* (A), *чайкы́* (B), *хóлоду* (C)), in contrast to some of the other types of syncretism, that are rare or absent in certain accentual paradigms.

A relationship of variable syncretism also exists for zero-noun masculines which have the non-standard Npl ending *-á* (*колоколá*) or Gpl *-Ø* (*зубок*), and *o*-noun neuters with the Npl *-i* (*яблоки*, *очки*) or non-zero genitive plural (*очкóв*), i.e. masculines with non-masculine endings and neuters with non-neuter endings. Accentually motivated desinences can also be seen in the *a*-noun feminine paradigm, in which end-stressed nouns with stems ending in soft (palatalized) and husher consonants use the non-zero *-ej* ending, rather than zero (e.g. *каланчá*, *каланчéй*). When one gender appears to borrow from another, there is often an accentual restriction. However, the use of a non-zero Gpl, instead of the expected zero, has a minimal impact on syncretism, since the *-ov* or *-ej* endings do not coincide with other desinences. The use of non-standard Npl *-a* and *-i*,

however, does affect syncretism, due to the possible coincidence with the Gsg ending. Some of these relationships can be seen in the following table.

Table 9. Type 3 syncretism of zero-noun masculine Gsg/Npl

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>завóда</i> Gsg / <i>завóды</i> Npl	A	–	+
<i>профéссора</i> / <i>профессора́</i>	A sg / B pl	+	–
<i>столá</i> Gsg / <i>столы́</i> Npl	B	–	+
<i>рукава́</i> Gsg/Npl	B	+	+
<i>во́лка</i> Gsg / <i>во́лки</i> Npl	C	–	+
<i>бе́рега</i> Gsg / <i>берега́</i> Npl	C	+	–
<i>са́да</i> Gsg / <i>сады́</i> Npl	C sg / B pl	–	–
<i>ко́ня</i> Gsg / <i>ко́ни</i> Npl	B sg / C pl	–	–

The patterns are very varied, but virtually all masculines with the Npl *-a* desinence lack prosodic syncretism (except for *рукáв* and *обшлáг*). Again, if all of these heterogeneous cases are considered to be in the same paradigm, then the syncretic situation becomes very complex. The alternative, to split the above list into two or more paradigms, would simplify the syncretic pattern in each such paradigm. A similar situation would occur for neuters that use the Npl *-i* ending.

It often happens that a small group of words, which might be called a microparadigm, has its own system of accent-based syncretism. Such is the case for neuter *o*-nouns, which have stem-final consonant *-k-*, as seen in the following table.

Table 10.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>яблока</i> Gsg / <i>яблоки</i> Npl	A	–	+
<i>очка́</i> Gsg / <i>очки́</i> Npl	B	–	+
<i>во́йска, о́блака</i> Gsg	C	+	–
<i>войска́, облака́</i> Npl			

The variable use of zero and non-zero in the Gpl as noted above, has direct links to accentual paradigms. However, it often becomes more complex, due to many lexical idiosyncracies. In general terms, the realization of accentual paradigm B depends on the zero or non-zero status of

the Gpl.; a zero Gpl predicts a predesinential B plural, while a non-zero B predicts an end-stressed plural B accentual paradigm. A plural C paradigm is based on the nominative ending, so the Gpl ending can be either zero or non-zero with the same stress pattern (see [Feldstein 2007] for details). This can be illustrated for two masculine noun types with zero Gpl: *зубок* (AP B) and *волос* (AP C), in comparison to several other nouns of the same paradigm. A potential syncretism between Nsg and Gpl results, but is avoided by accentual opposition.

Table 11. Nsg/Gpl syncretism in zero-noun masculines.

Syncretic Pair	AP	Segmental Syncretism	Prosodic Syncretism
<i>завод, стол, волк</i> Nsg	A, B, C	–	+, +, –
<i>заводов, столов, волков</i> Gpl			
<i>грузин</i> Nsg/Gpl	A	+	+
<i>зубок</i> Nsg / <i>зубок</i> Gpl	B	+	–
<i>волос</i> Nsg / <i>волос</i> Gpl	C	+	–

VI. AP C alternations as redundant signals of syncretism

It is also noteworthy that all of the accentual paradigm C nominal alternations have some connection to syncretism and can be viewed as redundant syncretic signals. These alternations are:

1. The *-í* L2 ending of zero-noun masculines (*берегу*), vs. all other singular forms.
2. The *-и* Asg ending of a-noun feminines (*голове*), vs. all other singular forms.
3. The *-í* L2 ending of zero-noun feminines (*мени*), vs. all other singular forms.
4. The *-и* Npl or NApI ending (*голове*), vs. all other plural forms.

Table 12. AP C alternations which also relate to syncretism.

N	<i>берег</i>	<i>голова́</i>	<i>те́нь</i>	N	<i>голове́</i>
A		<i>голове́</i>		A	
G	<i>берега</i>	<i>голови́</i>	<i>те́ни</i>	G	<i>голове́</i> (golov-ó)
L	<i>береге</i>	<i>голове́</i>		L	<i>голова́х</i>
D	<i>берегу</i>			D	<i>голова́м</i>
L2	<i>берегу́</i>		<i>те́ни</i>		
I	<i>берегом</i>	<i>голови́и</i>	<i>те́нюю</i>	I	<i>голова́ми</i>

In the case of the L2 forms, the rare and marked non-syncretism of L2 is redundantly signaled by the stress, which stands out from all others in the singular. In the A_{sg} form, the non-syncretism of the accusative case stands out with the only stem-initial stress in the singular. Lastly, the Npl *-i* desinence is the only plural desinence within its paradigm that has a dual syncretic potential, able to be non-syncretic with G_{sg} and syncretic with A_{pl}. One may wonder why the Npl *-a* ending does not have this alternation (other than prescriptive *крыльца*, which does not occur as such in actual usage). The situation is really more complex; besides the factor of syncretism, low vowel (*-a*) direct cases are all end-stressed in AP C, while non-low direct cases are never end-stressed. Thus, the AP C stress alternations appear to be a combination of redundant marking of syncretism, with certain phonological restrictions.

VII. Conclusion

This paper has presented a three-way classification of Russian syncretism, based on whether a syncretic difference exists among the various accentual types or whether there is no such difference (types 1 and 2). Paradigms which have accentually variable syncretism within the subset of secondary and/or non-standard endings can be said to have type 3 syncretism, which is based on the use of morphological paradigms with certain non-uniform desinences. Lastly, we have pointed out that AP C accentual alternations can serve as a device for signaling syncretism or non-syncretism within both singular and plural number subparadigms.

References

- Baerman et al. 2005 — *Baerman M., Brown D., Corbett G.* The Syntax-Morphology Interface. A Study of Syncretism. Cambridge, 2005.
- Feldstein 2006 — *Feldstein R. F.* Accentual Base Forms of Russian Nouns and Their Relation to Nominative and Genitive Endings // *Studia Caroliensia: Papers in Linguistics and Folklore in Honor of Charles E. Gribble.* Bloomington, 2006. P. 105–115.
- Feldstein 2007 — *Feldstein R. F.* Russian phonological desinences as a conditioning factor in accentual paradigms // *Tones and Theories: Proceedings from the International Workshop on Balto-Slavic Accentology.* Zagreb, 2007. P. 185–197.
- Isačenko 1965 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Bratislava, 1965.
- Jakobson 1984 — *Jakobson R. O.* Genitive and Plural in the Declension of Russian Nouns. *Russian and Slavic Grammar.* Berlin, 1984.

Müller 2004 — *Müller G.* A Distributed Morphology Approach to Syncretism in Russian Noun Inflection // *Arnaudova O., Browne W., Rivero M. L., Stojanovic D.* (eds.), Proceedings of FASL, 2004, 12.

Zaliznjak 1965 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. Москва, 1965.

Ronald F. Feldstein: feldstei@indiana.edu

Naglasne paradigme imenica *a*-osnova u novoštokavskom govoru Bitelića

1. Uvod

1.1. Osnovni geografski i povijesni podaci o mjestu

Bitelić je mjesto koje se nalazi 15 kilometara sjeverno Sinja, uz obalu rijeke Cetine na jugozapadnim obroncima planine Dinare na nadmorskoj visini od otprilike 450 m, u blizini granice s Bosnom i Hercegovinom. Osim na Cetinskom polju, plodno tlo nalazimo i na visoravni Vrdovo, na kojoj brojni stanovnici Bitelića imaju zemlju te tamo odlaze na dnevnoj bazi. Administrativno se (od 1835.) Bitelić dijeli na Gornji i Donji i pripada općini Hrvace¹.

Najstarija nalazišta sugeriraju da su prva naselja na obali rijeke Cetine postojala i u paleolitiku, a u neolitiku se razvija tzv. Cetinska kultura. U antičkoj epohi Dalmacija je bila dio Rimskoga Carstva, čemu svjedoče i brojni toponimi te arheološka nalazišta i povijesni dokumenti. Ipak, valja napomenuti da su imena gradova, tj. ojkonimi *Sîn* i *Trîl* vjerojatno predrimskoga podrijetla te da su bili naseljeni i prije dolaska Rimljana. U srednjem vijeku Sinj je bio središte jedne od nezavisnih kneževina, kojom su vladali hrvatski plemići Nelipići. Iz tog su perioda i prve potvrde imena *Bîтелиć*, koje svjedoče da je do dolaska Turaka administrativno pripadao Sinjskoj krajini, a od 16. stoljeća do njenoga gašenja dio je Poljičke Republike. Bez obzira pod kojom je vlasti, mjesto uvijek gravitira Sinju a stanovništvo je u stalnim dnevnim i tjednim migracijama posvećivalo sinjske sajmove. Nakon oslobođenja od turske vlasti, Sinj i okolica pripajaju se Mletačkoj Republici te su u leksiku brojne potvrde romanizama, a turcizama je nešto manje. Od 1777. Sinj je dio Habsburške Monarhije, u kojoj ostaje do kraja Prvog svjetskog rata 1918. Nakon Drugog svjetskog rata nastupa kraće doba prosperiteta, a već od sedamdesetih godina 20. stoljeća dolaze krizni periodi. U neposrednoj blizini Bitelića nalazi se hidroelektrana Peruća, izgrađena 1958. a na izgradnji su sudjelovali i neki

¹ Česta je pogreška nazivanje mjesta *Bitelići*, koju stanovnici uvijek ispravljaju. Unatoč administrativnoj podjeli, *Bitelčani* ili *Bitelčanci* percipiraju mjesto kao jedno, a sukladno je u nazivu jedninski oblik.

od stanovnika. Također, važno je spomenuti da postoji pješački put preko Dinare koji vodi od Sinja do Livna (BiH) kojim su prolazili brojni trgovci i uz nove prestižne robe donosili i nove riječi².

1.2. Stanovništvo Bitelića

Prema popisu stanovništva iz 2011. Bitelić ima 509 stanovnika. Pritom je 317 stanovnika u Donjem i 192 u Gornjem. Prema podacima Državnog zavoda za statistiku (www.dzs.hr), 2001. godine imao je 658 stanovnika pa možemo reći da se nastavlja populacijski pad započet u vrijeme Domovinskog rata, koji je vidljiv i u povijesnim podacima o općini Hrvace i gradu Sinju³. Prema posljednjem popisu, u općini Hrvace živi 3.617 ljudi, a u Sinju 24.826.

U neposrednoj blizini Bitelića nalaze se mjesta *Bajàgîć*, *Hrvace*, *Rûmîn*, *Zásiòk* i *Dàbar*. Rumin je najbliži i njegov se govor ne razlikuje od bitelskoga. Ostala mjesta imat će značajke govora okolice Sinja, no moguće je da će na Biteliću i u Ruminu govor imati nešto više arhaičnih značajki nego ostala mjesta, s obzirom na razliku u nadmorskim visinama, dostupnosti, umreženosti i »protoku« elementa drugih jezičnih sustava. Buduća istraživanja otkrit će u kolikoj je mjeri geografska izolacija mjesta povezana s čuvanjem jezičnih značajki.

1.4. Osnovne značajke govora Bitelića

Govor Bitelića svojim položajem spada među govore zapadnoga ili novoštokavskog ikavskog dijalekta. Prije paradigmatičke analize daju se njegove najvažnije fonološke značajke.

U vokalizmu govora Bitelića nalazimo ikavski refleks jata (*ě > i, npr. *stína*, *díte*, *zvîr*, *òdnît*, *pripòznat*) prema kojemu se svrstava u novoštokavske ikavske govore, tj. u zapadni dijalekt štokavskoga narječja⁴. Poluglasi su se reflektirali kao *a* (*ъ, *ь > *a*, npr. *dàska*, *dân*, *lâkat*, *lâž*, *màgla*, *pívac*, *dânas*), a *u* dolazi kao refleks stražnjeg nazalnog vokala i slogotvorne likvide *ĭ (*Q, *ĭ > *u*, npr. *pût*, *sùbota*; *sûnce*, *vûk*, *sùza*). Za govore okolice Sinja specifična je i kontrakcija *-eo* > *-ē* (npr. *sténa* 'steo-

² Detaljnija slika o povijesti, geografiji i stanovništvu mjesta prikazana je u [Ćurković 2014: 15–28].

³ Za pojedina mjesta u općini nisu dostupni povijesni podaci, no detaljnijim istraživanjem Državnog arhiva u Zadru i arhiva sinjskog franjevačkog samostana moglo bi se do njih doći.

⁴ Za prostiranje i generalni opis dijalekta v. [Lisac 2003: 50–76].

na', gl. pr. r. m.r. *pòčē, ūzē*). U slobodnom govoru nalazimo velik broj vokalnih redukcija (najčešće *i* i *u*, npr. npr. *gòvedna, udòvca*) i alternacija kratkih nenaglašenih vokala (npr. *dògožāj, nòces / nòcas*). Ako se *i* nađe u slogu uz *l*, *m* i *n*, reducira se, a u tom se slogu mogu ostvariti slogotvorni alofoni [i̯], [m̩] i [n̩]: *sèd̩m̩ca* 'tjedan' (< *sedm̩ca* < *sedmica*), *zìm̩ca* (< *zim̩ca* < *zimica* < *zimmica*), *slà̩nna* (< *slan̩na* < *slanina*), gl. pr. r. ž.r. jd. *bùbn̩la* (< *bubn̩la* < *bubnila*), A jd. m.r. *nà B^otełć*, gl. pr. r. ž.r. *mìs̩lla* (< *mis̩lla* < *mislila*) i sl. Nakon redukcije finalnih kratkih nenaglašenih vokala uzlazni akcenti mogu se ostvariti na posljednjem slogu riječi odnosno na jednosložnim riječima (npr. imp. 2. jd. *nòs, rèc, napiš*).

Iz konsonantizma ističemo izostanak fonema *h* i *f*, koji se pod utjecajem standardnog jezika ponovno unose u sustav, posebno kod mlađih i obrazovanijih govornika. To je očekivan novoštokavski razvoj, kao i **t'* i **d'* > *ć* (*svića, meža*). Na kraju fleksijskih sufikasa *-m* > *-n*, a može se dodati navezak *n* (primjerice u DLI mn., v. nastavak). Riječi koje završavaju glasom *-r* mogu ga u izgovoru izgubiti, npr. *màtēr / mātē*. Čest je rotacizam *ž* > *r* kod glagola *mòc* i *rèc*, npr. prez. 1. jd. *kàrēn* 'kažem', 3. jd. *mòre* 'može', a najstariji govornici rotacizam imaju i u primjeru 3. jd. *lòrī* 'ložiti'. Govori okolice Sinja ističu se na novoštokavskom prostoru pojavom obezvučenja ili desonorizacije finalnih zvučnih konsonanata, npr. *brīg / brík, bròđ / brôt, gràđ / grát, gòlūb / gòlūp, gròb / gròp, kròy / kròf, krúg / krúk, křy / křf, nòž / nòš, zùb / zúp*⁵...

Akcentuacija je novoštokavska, što znači da su u sustavu četiri naglasaka: kratkosilazni (*à*), dugosilazni (*ā*), kratkouzlazni (*á*) i dugouzlazni (*á*)⁶. Jedinice sustava su i nenaglašena dužina (*ā*), koja dolazi samo u slogovima nakon naglasaka, te nenaglašena kračina (*a*). Minimalni parovi (prema [Kapović 2015: 18]): *kùpit* 'skupljati' : *kúpit* 'kupiti', *vàlat* 'vrijediti': *válat* 'kotrljati', *pàs* < **ръсь* : *pās* 'pojas', im. *pòkušāj* : imp. 2. jd. *pòkušāj*, prez. 2. mn. *vòdīte* : imp. 2. mn. *vòdite*, *ùgledat* {koga} : *uglédat se* {na koga}, im. G jd. *glàsa* : prez. 3. jd. *glàsā*. Naglasak često prelazi na proklitike. Kapović prema tome razlikuje preskakanje, koje rezultira kratkosilaznim na početku fonetske riječi [Kapović 2015: 24–25], npr. *nà rúb, òd zlāta, pñko mosta, pñko noći, ù mòre*; od prenošenja, koje rezultira kratkouzlaznim na slogu ispred onoga koji je izgubio naglasak, npr. *nà krāj, ù kuću, nà pašu, ù sobu, nà misto*. Preskakanje je stara praslavenska pojava, koja se odvijala u slučajevima kada se početni stari (dugi ili

⁵ Detaljniji opis vokalizma i konsonantizma nalazi se u [Čurković 2014: 34–93].

⁶ Nazivi se ne shvaćaju doslovno, npr. dugosilazni je ustvari uzlazno-silazni, v. [Kapović 2015: 17].

kratki) cirkumfleks našao na nepočetnom slogu fonetske riječi, pri čemu je početni slog dobivao cirkumfleks, npr. A jd. *r̥kq̥ : *nā r̥kq̥⁷. Prenošenje je mlađa (novoštokavska) pojava, kojom se silazni naglasci pomiču na prethodni slog po principu novoštokavske retrakcije i rezultira uzlaznim naglascima. Na kraju napominjemo da su potvrđena duljenja finalnog naglašenog sloga pred glasom *j*: *rāj*, *krāj*, *strōj*, *zbrōj*; zatim sonatno duljenje u imenica koje imaju skup sastavljen od sonanta i konsonanta, npr. im. *sūnce*, *divōjka*, *gōvno*, *tkāne* (< *t̥k̥ān̥je), *zdrāvle*; novoštokavsko duljenje pred *-r#* i *-n#*: im. m.r. *kāmēn*, *grēbēn*, *grūmēn*, *jāsēn*, *jělēn*, *ūglēn* (uz *ūgaļ* i *gārbūn*), *plāmēn*, *prāmēn*, *štākōr*; te kanovačkih duljenja: *bóra*, *gróza*, *róda*, *nākon*, *própis*, *prózor* (uz *pōn̥stra*), *sābor*.

Iz morfologije navodimo neke važnije značajke. Već je spomenuto da govor Bitelića, kao i mnogi drugi novoštokavski govori, u deklinaciji svih triju rodova većine imenica u genitivu množine ima nastavak *-ā*, a dativ, lokativ i instrumental množine imaju ujednačene nastavke (*-an / -on* ili *-in*, rjeđe *-ama* ili *-ima*). U akuzativu *ē*-vrste uz prijelazne glagole pojavljuje se genitivni nastavak (*pītāj Mōnikē*). U govoru je vrlo živa razlika između određenih i neodređenih pridjeva, a u pridjevsko-zamjeničkoj deklinaciji bilježimo dubletni nastavak *-on* (uz novije *-oj*). Ističemo da je velik broj pridjeva promjenjiv prema n. p. B, a manji je broj onih koji se sklanjaju po n. p. A i C, s tim da je duga n. p. C gotovo u potpunosti izgubljena. U glagolskoj konjugaciji u 3. licu množine prezenta u dvosložnih glagola *e*-vrste zabilježena je analoška palatalizacija osnove ispred nastavka *-u* (*pěčū* prema *pěče*), no u mlađih govornika ta značajka često izostaje. Infinitivi su uglavnom apokopirani *-ti > -t*, a u pripovijedanju se često koristi imperativ za prošlu radnju koja se prepričava. Kao i na glavnini (novo)štokavskoga teritorija, u govoru Bitelića čuva se aorist, a izostaje imperfekt, usp. [Lisac 2003: 17–18].

Leksik novoštokavskog ikavskog dijalekta ima velik broj turcizama (npr. *rāja*, *žězva*, *Álka*), a na područjima koja su u povijesti bila pod mletačkom vlasti (dakle i oko Sinja), i romanizama (*pūnat* 1. 'bod', 2. 'šav', *škūro* 'tmurno'). Preko »jzikā« posrednika, tj. dijalekata štokavskog narječja, posuđeni su i germanizmi (*cīgla*, *šīna*, *škōdit*) te hungarizmi (*cipela*, *kēceļa*, *tēret*). Od leksema zajedničkih čakavskim i zapadnim štokavskim dijalektima navode se *postōla* 'cipela', *pōt* 'znoj', *jīd* 'ljutnja'⁸.

⁷ Primjer je iz [Kapović 2008: 4], a razlika je objašnjena prema [Kapović 2015: 24–25].

⁸ Detaljnija obrada leksika govora Bitelića nalazi se u [Ćurković 2014: 287–296].

2. Imenice *a*-osnova

2.1. Deklinacija *ē*-vrste u govoru Bitelića i novoštokavskom ikavskom dijalektu

Imenice *a*-osnova pripadaju sinkronijskoj *e*-vrsti (prema nastavku genitiva). Osim imenica ženskog roda na *-a*: *bāba*, *mòtika*; tu spadaju imenice muškog roda na *-a*: *čāca*, *slūga* (mocijski parnjak *slūžāvka*), *pāpa*, *gāzda*; te dvosložna muška imena na *-a*, *-o* ili *-e* s dugouzlaznim naglaskom na prvom slogu ako su na *-o*, npr. *Dārko*, G *Dārkē*, *Jérko*, G *Jérkē*, *Lūka*, G *Lūkē*, *Stānko*, G *Stānkē*. Po tom se obrascu sklanjaju i imenice m.r. koje su umanjnice ili hipokoristici *médo*, *čúko* ‘pas’, *brájo* i sl.

U deklinaciju *ē*-vrste spadaju zbirne imenice kojima se jednina deklinira prema *a*-vrsti imenica muškog ili srednjeg roda, npr. sr.r. *díte*, N zb. *dica*; m.r. *brāt*, N zb. *brāca*, a u kongruenciji se ponašaju kao imenice sr.r., npr. N zb. *mōja brāca*, *tvōja dica*. Brojevne imenice, npr. *dvōjica*, *čtvērica* / *čtvōrica*, *trōjica*; također se sklanjaju po *ē*-vrsti iako znače osobe muškog spola. Takve imenice imaju samo gramatičku jedninu pa ih možemo kategorizirati kao *singularia tantum*.

Deklinaciji *ē*-vrste pripadaju i *pluralia tantum*, npr. *gāce*, *gūsle*, *jāsle*, *rēbe* ‘traperice’.

U literaturi su na mnogim mjestima potvrđeni primjeri bez provedene sibilizacije, usp. [Šimundić 1971: 81–82; Menac-Mihalić 2005: 39–40; Kurtović Budja 2009: 72–73], koji u govoru Bitelića dolaze samo u dvosložnim riječima poput DL jd. ž.r. *bāki*, *tūki*, dok se u ostalim slučajevima sibilizacija provodi, npr. DL jd. ž.r. *rūci*, *nōzi*, osim ako osnova završava konsonantskim skupom, npr. DL jd. *gūski*, *igrāčki*.

Šimunović u napomeni uz upitnik za HDA za Sinj navodi da je u okolini kod ženskog roda u DLI mn. zabilježio nastavak *-on*, a da grad ima samo nastavak *-an* [Šimunović 1966]. U govoru Bitelića ta dva nastavka mogu doći kao slobodne varijacije, sukladno promjeni nenaglašanih kratkih vokala. Kada se ostvaruje *-on*, prema I jd. razlikovna je samo za naglasna duljina, npr. I jd. *žènōn*, DLI mn. *žènon*; I jd. *óvcōn*, DLI mn. *óvcon*; I jd. *krāvōn*, DLI mn. *krāvon*.

U jedninskoj deklinaciji uvijek su dugi nastavci za genitiv i instrumental, a u množinskoj onaj za genitiv (o podrijetlu duljina v. [Kapović 2011: 149–150, 155; 2015: 421–425]). Ipak, nastavci za DLI mn. nisu, kao u imenica muškoga roda, dugi ako su slogovno kraći, a kratki ako imaju više slogova, nego su i nastavci za DLI mn. kratki i kada je na-

stavak jednosložan (dakle kada se ne ostvaruje kao *-ama* ili *-aman*) može se realizirati kao *-an* ili *-on*, a zanaglasna duljina razlikovna je prema I jd. koji ima oblično isti nastavak (koji je dug).

2.2. Naglasne paradigme imenica *a*-osnova u govoru Bitelića

U nastavku se daje pregled naglasnih obrazaca imenica koje se dekliniraju po *ē*-vrsti u govoru Bitelića. Imenice su podijeljene u tri sinkronijske naglasne paradigme. Po n. p. A mijenjaju se imenice koje u svim padežima imaju naglasak na istome slogu osnove (u pravilu kratkosilazni koji dolazi od starog akuta i koji u G mn. može biti produljen). Po n. p. B sklanjaju se imenice koje imaju uzlazne naglaske na kraju osnove, odnosno one kojima je udar prije novoštokavskog regresivnog pomaka naglasaka bio na nastavku u čitavoj paradigmi. Prema tome, n. p. A i B možemo okarakterizirati kao nepomične. U n. p. C naglasak nije na istom slogu u paradigmi, nego se nalazi ili na apsolutnom početku fonetske riječi ili na pretposljednem slogu kao uzlazni u padežima s tzv. jakim sufixima (v. nastavak). Okvirno možemo reći da u n. p. B ne nalazimo prelazak naglasaka na proklitike, a u n. p. A i C naglasak većinom prelazi, i to kroz proces prenošenja na posljednji slog proklitike u n. p. A i preskakanja na apsolutni početak fonetske riječi u n. p. C. Neke imenice u jednini se mijenjaju po jednoj paradigmi, a u množini po drugoj. Njih smo označili kao podtipove unutar naglasnih paradigmi.

Naglasna paradigma A:

	jd.	mn.	jd.	mn.
N	<i>rība</i>	<i>rībe</i>	<i>lòpata</i>	<i>lòpate</i>
G	<i>rībē</i>	<i>rībā</i>	<i>lòpatē</i>	<i>lòpātā</i>
D	<i>rībi</i>	<i>rīban / rībaman</i>	<i>lòpati</i>	<i>lòpatan / lòpataman</i>
A	<i>rību</i>	<i>rībe</i>	<i>lòpatu</i>	<i>lòpate</i>
V	<i>rībo</i>	<i>rībe</i>	<i>lòpato</i>	<i>lòpate</i>
L	<i>ò ribi / rībi</i>	<i>ò riban / rībaman</i>	<i>lòpati</i>	<i>lòpatan / lòpataman</i>
I	<i>rībōn</i>	<i>rīban / rībaman</i>	<i>lòpatōn</i>	<i>lòpatan / lòpataman</i>

Imenice koje se sklanjaju po n. p. A: *bāba* (G jd. *bābē*, G mn. *bābā*), *bājka* (G jd. *bājke*, G mn. *bājki*), *bāra* (G jd. *bārē*, G mn. *bārā*), *bèsida* (G jd. *bèsidē*, G mn. *bèsidā*), *brěskva* (G jd. *brěskvē*, G mn. *brěsākā*)⁹,

⁹ Ispitanici navode da su starije generacije prije govorile i *prāska*, G mn. *prāsākā*.

bûba (G jd. *bûbē*, G mn. *bûbā*), bûkva (G jd. *bûkvē*, G mn. *bûkāvā*) *bûnda* (G jd. *bûndē*, G mn. *bûndī*), *cŕkva* / *cŕkva* (G jd. *cŕkvē* / *cŕkvē*, G mn. *cŕkāvā*), *cŕta* (G jd. *cŕtē*, G mn. *cŕtā*), *cûra* (G jd. *cûrē*, G mn. *cûrā*), *čâša* (G jd. *čâšē*, G mn. *čâšā*), *čâca* (G jd. *čâcē*, G mn. *čâcā*), *čêla* 'čelava glava' (G jd. *čêlē*, G mn. *čêlā*), *dlâka* (G jd. *dlâkē*, G mn. *dlâkā*), *đîna* (G jd. *đînē*, G mn. *đînā*), *gâce* (G mn. *gâcā*, *plurale tantum*), *gñila* 'glina' (G jd. *gñilē*, *singularia tantum*), *gòmila* (G jd. *gòmilē*, G mn. *gòmīlā*), *jâbuka* (G jd. *jâbukē*, G mn. *jâbukā*), *jâsle* (G mn. *jâsālā*, *plurale tantum*), *jètruva* (G jd. *jètruvē*, G mn. *jètrūvā*), *kâša* (G jd. *kâšē*, G mn. *kâšā*), *kîša* (G jd. *kîšē*, G mn. *kîšā*), *klêtva* (G jd. *klêtvē*, G mn. *klêtvī*), *knîga* (G jd. *knîgē*, G mn. *knîgā*), *kòbila* (G jd. *kòbilē*, G mn. *kòbīlā*), *kòliba* (G jd. *kòlibē*, G mn. *kòlibā*), *kòpriva* (G jd. *kòprivē*, G mn. *kòprīvā*), *kòra* (G jd. *kòrē*, G mn. *kòrā*), *kòšara* (G jd. *kòšarē*, G mn. *kòšārā*), *kòšuļa* (G jd. *kòšuļē*, G mn. *kòšuļā*), *kòža* (G jd. *kòžē*, G mn. *kòžā*), *kràva* (G jd. *kràvē*, G mn. *kràvā*), *kŕpa* (G jd. *kŕpē*, G mn. *kŕpā*), *krûška* (G jd. *krûškē*, G mn. *krûšākā*), *kûca* (G jd. *kûcē*, G mn. *kûcā*), *kûka* (G jd. *kûkē*, G mn. *kûkā*), *lâža* (G jd. *lâžē*, G mn. *lâžā*), *lêdina* (G jd. *lêdinē*, G mn. *lêdīnā*), *lîpa* (G jd. *lîpē*, G mn. *lîpā*), *lisica* (Gjd. *lisice*, G mn. *lisīcā*), *lòkva* (G jd. *lòkvē*, G mn. *lòkāvā*), *lòpata* (G jd. *lòpatē*, G mn. *lòpātā*), *lûda* (G jd. *lûdē*, G mn. *lûdā*), *mâčka* (G jd. *mâčkē*, G mn. *mâčākā*), *mâjka* (G jd. *mâjkē*, G mn. *mâjktī*), *mâtē* / *mâtēr* (G jd. *mâterē*, G mn. *mâtērā*), *mîra* (G jd. *mîrē*, G mn. *mîrā*), *mîsa* (G jd. *mîsē*, G mn. *mîsā*), *mòtika* (G jd. *mòtikē*, G mn. *mòtikā*), *mŕkva* (G jd. *mŕkvē*, G mn. *mŕkāvā*), *mûka* (G jd. *mûkē*, G mn. *mûkā*), *nîva* (G jd. *nîvē*, G mn. *nîvā*), *pâtina* 'pasta za cipele' (G jd. *pâtinē*, *singularia tantum*), *pêlena* (G jd. *pêlenē*, G mn. *pêlênā*), *prêža* (G jd. *prêžē*, G mn. *prêžā*), *râna* (G jd. *rânē*, G mn. *rânā*), *rûpa* (G jd. *rûpē*, G mn. *rûpā*), *sîla* (G jd. *sîlē*, G mn. *sîlā*), *sikira* (G jd. *sikirē*, G mn. *sikīrā*), *sîsa* (G jd. *sîsē*, G mn. *sîsā*), *smòkva* (G jd. *smòkvē*, G mn. *smòkāvā*), *srîca* (G jd. *srîcē*, G mn. *srîcā*), *sûša* (G jd. *sûšē*, G mn. *sûšā*), *sûma* (G jd. *sûmē*, G mn. *sûmā*), *tiica* 'ptica' (G jd. *tiicē*, G mn. *tiicā*), *trîšna* (G jd. *trîšnē*, G mn. *trîšānā*), *višna* (G jd. *višnē*, G mn. *višānā*), *vòža* (G jd. *vòžē*, G mn. *vòžā*), *vòļa* (G jd. *vòļē*, *plurale tantum*), *vrâna* (G jd. *vrânē*, G mn. *vrânā*), *vrîca* (G jd. *vrîcē*, G mn. *vrîcā*), *zdîla* (G jd. *zdîlē*, G mn. *zdîlā*), *žâba* (G jd. *žâbē*, G mn. *žâbā*), *žîca* (G jd. *žîcē*, G mn. *žîcā*), *žîla* (G jd. *žîlē*, G mn. *žîlā*).

U n. p. A u svim padežima izuzev genitiva množine (v. nastavak) od staroga akuta i kratkoga neoakuta, dobivamo nepomičan kratkosilazni na osnovi (koji u proklizi može prijeći na prethodni slog). Dugosilazni naglasak na osnovi nalazimo u imenica kod kojih je došlo do promjene neo-

akuta (npr. *sûša*) te u onih kojima je došlo do sonantnog duljenja (npr. *bâjka*, *bûnda*, *mâjka*). U imenica koje su imale naglasak na središnjem ili posljednjem slogu nalazimo kratkouzlazni naglasak na osnovi, npr. *lèdina*, *kòpriva*, *lòpata*, *mòtika*¹⁰.

U G mn. nalazimo duljinu u naglašenim i zanaglasnim slogovima, kao u primjerima: mn. NAV *bàbe*, G *bâbâ*; NAV *bàre*, G *bârâ*; NAV *bùbe*, G *bûbâ*; NAV *c̄rte*, G *c̄rtâ*; NAV *cùre*, G *cûrâ*; NAV *čâše*, G *čâšâ*; NAV *dîne*, G *dînâ*; NAV *dlâke*, G *dlâkâ*; NAV *krâve*, G *krâvâ*; NAV *tiće*, G *tîcâ*; NAV *vrâne*, G *vrânâ*; NAV *zdîle*, G *zdîlâ*.

Višesložne imenice i one u kojih se javlja nepostojano *a* u G mn. imaju dvije zanaglasne duljine, npr. mn. NAV *brěskve*, G *brěsâkâ*; NAV *c̄rkve*, G *c̄rkâva*; NAV *jâbuke*, G *jâbûkâ*; NAV *pâtina*, G *pâtînâ*; NAV *pělene*, G *pělěnâ*; NAV *smòkve*, G *smòkâvâ*.

U imenica koje imaju kratkouzlazni naglasak na osnovi nalazimo oblike u kojima taj naglasak ne prelazi u kratkosilazni: *běsîdâ*, *kòprîvâ*, *lědînâ*, *lòpâtâ*, *mòtikâ*, uz koje se rjeđe mogu čuti i oblici s kratkosilaznim naglaskom, npr. G mn. *běsîdâ*, *kòprîvâ*, *lědînâ*, *lòpâtâ*, *mòtikâ*. Primjere s kratkouzlaznim naglaskom zabilježili i kod imenica m. i sr.r. koje se sklanjaju po n. p. A. S obzirom da su potvrđeni u deklinacijama svih triju rodova, ta bi inovacija mogla biti specifičnost govora okolice Sinja pa ju je potrebno detaljnije analizirati u budućim istraživanjima.

Imenice *bâjka*, *bûnda*, *mâjka* u G mn. imaju nastavak *-î*, npr. G mn. *bâjkî*, *bûndî*, *mâjkî* (primjer se inače ostvaruju rijetko, a potvrđeni su kao odgovori na pitanja iz upitnika za istraživanje morfologije).

Ako se naglasak pomiče na proklitiku, rezultat je kratkouzlazni pa govorimo o prenošenju (a ne preskakanju naglaska), npr. G jd. *òd babě*, A jd. *ù baru*, L jd. *ù čaši*, A jd. *zâ dlaku* i sl. Ako je udar prenesen s dugosilaznog naglaska, na njegovu mjestu ostaje zanaglasna duljina, npr. G jd. *iz bâjkê*, A jd. *zâ mājku*, L jd. *ù bûndi*. Do prenošenja ne dolazi kod imenica s uzlaznim naglascima, npr. *lòpata*, jer je staro mjesto naglaska (prije novoštokavske retrakcije) na slogu nakon onoga na kojem su danas uzlazni naglasci.

¹⁰ »Tu je situacija potpuno ista kao kod *o*-osnovâ m. i sr. r., usp. *krâvâ/lòpâtâ* prema *jâdâ/jězîkâ* i *sîtâ/kòrîtâ*« [Kapović 2011: 149]. Situacija je ista i u govoru Bitelića, no kratkosilazni se ostvaruje rijetko, a češće se čuva kratkouzlazni na osnovi.

Naglasna paradigma B:

	jd.	mn.	jd.	mn.
N	<i>žèna</i>	<i>žène</i>	<i>tráva</i>	<i>tráve</i>
G	<i>žènĕ</i>	<i>žénā</i>	<i>trávĕ</i>	<i>trávā</i>
D	<i>žèni</i>	<i>žènan / žènaman</i>	<i>trávi</i>	<i>trávan / trávaman</i>
A	<i>žènu</i>	<i>žène</i>	<i>trávu</i>	<i>tráve</i>
V	<i>žèno</i>	<i>žène</i>	<i>trávo</i>	<i>tráve</i>
L	<i>o žèni</i>	<i>žènan / žènaman</i>	<i>o trávi</i>	<i>trávan / trávaman</i>
I	<i>žènōn</i>	<i>žènan / žènaman</i>	<i>trávōn</i>	<i>trávan / trávaman</i>

Imenice koje se sklanjaju po n. p. B: *báka* (G jd. *bákĕ*, A jd. *báku*), *bója* (G jd. *bójĕ*, A jd. *bóju*), *bòrba* (G jd. *bòrbĕ*, A jd. *borbu*), *bráda* (G jd. *brádĕ*, A jd. *brádu*), *brána* (G jd. *bránĕ*, A jd. *bránu*), *brázda* (G jd. *brázdĕ*, A jd. *brázdu*), *bréza* (G jd. *brézĕ*, A jd. *brézu*), *búna* (G jd. *búnĕ*, A jd. *búnu*), *díka* (G jd. *díkĕ*, A jd. *díku*), *glísta* (G jd. *glístĕ*, A jd. *glístu*), *góspa* (G jd. *góspĕ*, A jd. *góspu*), *gúja* (G jd. *gújĕ*, A jd. *gúju*), *ígra* (G jd. *igrĕ*, A jd. *igru*), *jáva* (G jd. *jávĕ*, A jd. *jávu*), *júva* (G jd. *júvĕ*, A jd. *júvu*), *káva* (G jd. *kávĕ*, A jd. *brázdu*), *kòza* (G jd. *kòzĕ*, A jd. *kòzu*), *kròšńa* (G jd. *kròšńĕ*, A jd. *kròšńu*), *krúpa* 'tuča, grad' (G jd. *krúpĕ*, A jd. *krúpu*), *kúla* (G jd. *kúlĕ*, A jd. *kúku*), *kúma* (G jd. *kúmĕ*, A jd. *kúmu*), *kúna* (G jd. *kúnĕ*, A jd. *kúnu*), *lécá* (G jd. *lécĕ*, A jd. *lécú*), *lúka* (G jd. *lúkĕ*, A jd. *lúku*), *lipòta* (G jd. *lipòtĕ*, A jd. *lipòtu*), *mána* (G jd. *mánĕ*, A jd. *mánu*), *màzga* (G jd. *màzgĕ*, A jd. *màzgu*), *měža* (G jd. *měžĕ*, A jd. *měžu*), *múna* (G jd. *múnĕ*, A jd. *múnu*), *múva* (G jd. *múvĕ*, A jd. *múvu*), *neróza* 'nervoza' (G jd. *nerózĕ*, A jd. *nerózu*), *olúja* (G jd. *olújĕ*, A jd. *olúju*), *òsa* (G jd. *òsĕ*, A jd. *òsu*), *píla* (G jd. *pílĕ*, A jd. *pílu*), *píva* (G jd. *pívĕ*, A jd. *pívu*), *prúga* (G jd. *prúgĕ*, A jd. *prúgu*), *púra* 'palenta' (G jd. *púrĕ*, A jd. *púru*), *rána* (G jd. *ránĕ*, A jd. *ránu*), *řža* (G jd. *řžĕ*, A jd. *řžu*), *rébe* (G mn. *rébā*, plurale tantum), *rika* (G jd. *rikĕ*, A jd. *ríku*), *róda* (G jd. *ródĕ*, A jd. *ródu*), *rúda* (G jd. *rúdĕ*, A jd. *rúdu*), *sèstra* (G jd. *sèstrĕ*, A jd. *sèstru*), *svíca* (G jd. *svícĕ*, A jd. *svícu*), *slobòda* (G jd. *slobòdĕ*, A jd. *slobòdu*), *sóva* (G jd. *sóvĕ*, A jd. *sóvu*), *stàza* (G jd. *stàzĕ*, Ajd. *stàzu*), *strúja* (G jd. *strújĕ*, A jd. *strúju*), *svíca* (G jd. *svícĕ*, A jd. *svícu*), *svíla* (G jd. *svílĕ*, A jd. *svílu*), *sřna* (G jd. *sřnĕ*, A jd. *sřnu*), *šála* (G jd. *šálĕ*, A jd. *šálu*), *táma* (G jd. *támĕ*, A jd. *támu*), *téta* (G jd. *tétĕ*, A jd. *tétu*), *topòla* (G jd. *topòlĕ*, A jd. *topòlu*), *tráva* (G jd. *trávĕ*, A jd. *trávu*), *trúba* (G jd. *trúbĕ*, A jd. *trúbu*), *túga* (G jd. *túgĕ*, A jd. *túgu*), *ùzda* (G jd. *ùzdĕ*, A jd. *ùzdu*), *víla* (G jd. *vílĕ*, A jd. *vílu*), *vláda* (G jd. *vládĕ*, A jd. *vládu*), *vřba* (G jd. *vřbĕ*, A jd. *vřbu*), *vřsta* (G jd. *vřstĕ*, A jd. *vřstu*), *zmíja* (G jd. *zmíjĕ*, A jd. *zmíju*),

zvízda (G jd. *zvízdē*, A jd. *zvízdu*), *žèna* (G jd. *žènē*, A jd. *žènu*), *žúpa* (G jd. *žúpē*, A jd. *žúpu*).

Riječi koje su imale izvorno kratak prednaglasni slog nakon novoškavske retrakcije imaju kratkouzlazni naglasak na novom mjestu, npr. *sèstra*, *žèna*, a one koje su imale prednaglasnu duljinu (ili su naknadno produljene) imaju dugouzlazni, npr. *tráva*, *svíća*.

U imenica n. p. B većinom nalazimo uzlazne naglaske na kraju osnove. Kako je naglasak vezan uz kraj osnove, ne nalazimo preskakanje ni prenošenje naglaske na proklitiku. Vokativni naglasak je čeon i pa bilježimo kratkosilazni ako je osnova kratka i dugosilazni ako je osnova duga, npr. jd. N *bráda*, V *brádo*, N *dúša*, V *dúšo*, N *glísta*, V *glísto*, N *kòza*, V *kòzo*, N *múva*, V *múvo*, N *píla*, V *pílo*, N *sèstra*, V *sèstro*, N *tráva*, V *trâvo*, N *žèna*, V *žèno*. Višesložne imenice također mogu imati čeon i naglasak, npr. *lipoto*, a ako je naglasak dugouzlazni, mijenja se u dugosilazni, čak i u središnjim pozicijama, npr. V jd. *olújo*¹¹.

Imenice *júva*, *lipòta*, *rána* nemaju množinu i svrstavaju se u *singularia tantum*. Imenica *rèbe* 'traperice' ima samo gramatičku množinu pa kažemo da su *plurale tantum*. Imenice *igla*, *igra*, *sèstra* u G mn. imaju nepostojano a: *igálā*, *igárā*, *sestárā*. Imenice, *kròšña*, *màzga*, *ùzda* u tom padežu imaju nastavak *-ī*, npr. mn. N *kròšñe*, G *kròšñī*; N *màzge*, G *màzgī*; N *ùzde*, G *ùzdī*.

U G mn. dosljedno je dug i pretposljednji slog, i to i u dvosložnih (npr. mn. N *kòze*, G *kózā*) i u višesložnih imenica, npr. mn. N *slobòda*, G *slobódā*; N *topòla*, G *topólā*. Zanaganasna duljina dobro se čuva.

U govoru Bitelića u množinskoj deklinaciji n. p. B analogijom prema jedninskim padežima razvila se duljina, npr. mn. NA *stíne*, DLI *stínan/stínon/stínama(n)*; NA *tráve*, DLI *trávan/trávon/trávama(n)*; NA *víle*, DLI *vílan/vílon/vílama(n)*. U njima je vjerojatno prvo došlo do kraćenja stare prednaglasne duljine na osnovi, a zatim se u određenim govorima duljina ponovno razvila prema jedninskim oblicima; što opisuje Kapović u radu o naglasnim paradigmama imenica *ē*-vrste [Kapović 2011: 156]: »U dli. i DI. dv. prema zakonu o kraćenju prednaglasnih duljina (...) očekuje se kraćenje korijena u oblicima *travām, *traváh, *travāmi, *travāma, dok je u oblicima s dužinom riječ o analogiji prema drugim padežima (pokrata dužine očekuje se samo u G., I., DI. dv. te eventualno u starom G. dv.). Dakle, *trávama* ima dužinu prema *tráva*, n. *tráve* itd.

¹¹ Primjer je potvrđen samo kao odgovor u upitniku, no navodi se i u [Kapović 2011: 156].

Naglasna paradigma C:

	jd.	mn.	jd.	mn.
N	<i>vòda</i>	<i>vòde</i>	<i>óvca</i>	<i>óvce</i>
G	<i>vòdē</i>	<i>vódā</i>	<i>óvcē</i>	<i>ovácā</i>
D	<i>vòdi</i>	<i>vòdan / vòdaman</i>	<i>óvci</i>	<i>óvcan / óvcaman</i>
A	<i>vòdu / ù vodu</i>	<i>vòde</i>	<i>óvcu</i>	<i>óvce</i>
V	<i>vòdo</i>	<i>vòde</i>	<i>óvco</i>	<i>óvce</i>
L	<i>u vòdi</i>	<i>vòdan / vòdaman</i>	<i>o óvci</i>	<i>óvcan / óvcaman</i>
I	<i>vòdōn</i>	<i>vòdan / vòdaman</i>	<i>óvcōn</i>	<i>óvcan / óvcaman</i>

Imenice koje se sklanjaju po n. p. C: *cèsta* (Gjd. *cèstē*, A jd. *cèstu*), *čèla* 'pčela' (G jd. *čele*, A jd. *čèlu*), *dàska* (Gjd. *dàskē*, A jd. *dàsku*), *dica* (G *dicē*, A jd. *dīcu*), *dúša* (G jd. *dúšē*, A jd. *dúšu*), *gláva* (Gjd. *glávē*, A jd. *glávu*), *gòra* (Gjd. *gòrē*, A jd. *gòru*), *grána* (Gjd. *gránē*, A jd. *grānu*), *gréda* (Gjd. *grédē*, A jd. *grēdu*), *ìgla* (Gjd. *ìglē*, A jd. *ìglu*), *kòsa* (G jd. *kòsē*, A jd. *kòsu*, N mn. *kòse*), *lòza* (Gjd. *lòzē*, A jd. *lòzu*), *màgla* (Gjd. *màglē*, A jd. *màglu*), *mètla* (G jd. *mètlē*, A jd. *mètlu*), *nòga* (G jd. *nògē*, A jd. *nògu*), *óvca* (Gjd. *óvcē*, A jd. *óvcu*), *péta* (Gjd. *pétē*, A jd. *pētu*), *planina* (Gjd. *planinē*, A jd. *planīnu*) / *plān'na* (G jd. *plān'nē*, A jd. *plānīnu*)¹², *ròsa* (Gjd. *ròsē*, A jd. *ròsu*), *rúka* (Gjd. *rúkē*, A jd. *rúku*), *snága* (Gjd. *snágē*, A jd. *snágu*)¹³, *slanina* (Gjd. *slaninē*, A jd. *slānīnu*), *srida* (G jd. *sríde*, A jd. *srídu*), *súza* (G jd. *súzē*, A jd. *súzu*), *stàza* (G jd. *stàzē*, A jd. *stàzu*) *stína* (G jd. *stínē*, A jd. *stīnu*), *svína* (G jd. *svínē*, A jd. *svīnu*), *vòda* (Gjd. *vòdē*, A jd. *vòdu*), *vòjska* (Gjd. *vòjskē*, A jd. *vòjsku*), *zèmļa* (Gjd. *zèmlē*, A jd. *zèmļu*), *zíma* (Gjd. *zímē*, A jd. *zīmu*), *zòra* (Gjd. *zòrē*, A jd. *zòru*), *žèļa* (Gjd. *žèļē*, A jd. *žèļu*).

Imenice koje se dekliniraju po n. p. C redovno imaju čeonni naglasak u svim padežima, osim onih s dominantnim nastavcima: NGI jd. i GDLI mn, npr. jd. N *cèsta*, G *cèstē*, DL *cèsti*, A *cèstu*, V *cèsto*, I *cèstōn*; mn. NA(V) *cèste*, G *céstā*, DLI *cèstan/cèston/cèstama(n)*; jd. N *gláva*, G *glávē*, DL *glávi*, A *glávu*, V *glávo*, I *glávōn*; mn. NA(V) *glàve*, G *glávā*, DLI *glávan/glávon/glávama(n)*; jd. N *zèmļa*, G *zèmlē*, D *zèmļi*, A *zèmļu*, V *zèmļo*, L *zèmļi*, I *zèmļōn*; mn. NA(V) *zèmļe*, G *zèmāļā*, DLI *zèmļan/zèmļon/zèmļama(n)*.

U akuzativu naglasak preskače na proklitike, odnosno na apsolutni početak fonetske riječi, npr. A jd. *nā cestu*, *nā dasku*, *ù vodu*, *ù zemļu*; a

¹² Ta imenica dakle ima varijantno A/B/C, ovisno u kojem se liku pojavljuje.

¹³ U A jd. nalazimo naglasak kao u n. p. B, a u množini je n. p. C pa ovu imenicu svrstavamo u tip B-C.

nakon pomaka ostaje zanaglasna duljina ako je naglašeni slog bio dug, npr. A jd. *ù glāvu, pòd grānu, ù vòjsku, nà zīmu*; A mn. *zà òvce, ù rūke*. Naglasak preskače na apsolutni početak fonetske riječi i ako je prvotno na središnjem slogu, npr. A jd. *nà planīnu*. U lokativu preskakanje naglasaka na proklitiku izostaje zbog obilježja visnosti.

Kao i u imenica m.r., usp. [Čurković 2014: 148–150], u imenica ž.r. n. p. C zabilježena je tonska razlika (odnosno razlika po visnosti) između dativa i lokativa jednine u imenica koje znače što neživo. U govoru Bitelića ta je razlika zabilježena u sljedećim primjerima: jd. D *dāsci*, L *na dāsci*; D *grēdi*, L *na grēdi*; D *ìgli*, L *u ìgli*; D *lòzi*, L *na lòzi*; D *mètli*, L *na mètli*; D *stāzi*, L *na stāzi*; D *(k) vòdi*, L *u vòdi*; D *zèmlji*, L *u zèmlji*; D *zīmi*, L *po zīmi*, usp. [Kapović 2011: 163]. Imenica *dica* ima silazni naglasak i u L, što znači da je poopćen iz D. Ostale imenice imaju ujednačen D prema L, npr. *cesti*, *na cesti*, *grāni*, *na grāni*.

Od imenica navedih u gornjem popisu, ističemo da imenice *màgla*, *ròsa*, nemaju gramatičku množinu. Dakle, one su *singularia tantum*. Imenice *dāska*, *ìgla*, *òvca*, *zèmlja* u genitivu množine dobijaju nepostojano *a*, koje je dugo, npr. G mn. *dasákā, igālā, ovácā, zemālā*.

Imenice *nòga* i *rūka* u G mn. imaju nastavak *-ū*, npr. mn. N *nòge*, G *nògū*; N *rūke*, G *rūkū*. Taj je nastavak ostatak iz dvojninske deklinacije (za genitiv i lokativ), sačuvan u deklinaciji ovih dviju imenica koje imaju značenjsku nijansu parnosti, tj. označavaju dijelove tijela koji su parni (više u [Kapović 2011: 164]).

U DLI mn. bilježimo kratkouzlazni naglasak u primjeru *rùkan/rùkon/rùkama*, koji čuva izvornu kračinu, a u ostalih imenica nalazimo analoški razvijenu duljinu i u tim padežima, npr. *glāvan/glāvon/glāvama, snāgan/snāgon/snāgama, zīman/zīmon/zīmama*.

3. Zaključak

U analizi naglasnih paradigmi imenica *ē*-vrste pronađene su značajke većinom očekivane za novoštokavske ikavske govore. Dobro se čuva zanaglasna duljina u genitivu i instrumentalu jednine. Naglasak redovno preskače (*ù zemļu*) ili se prenosi (*òd materē*) na proklitiku, osim u imenica koje se mijenjaju po n. p. B (*za sèstru*). U vokativu jednine nalazimo čeonu naglasak (*dūšo, žèno*), koji može stajati i na središnjem slogu *olūjo*.

Zabilježena je visnost u imenica n. p. C, npr. jd. D *dāsci*, L *na dāsci*; D *grēdi*, L *na grēdi*; D *ìgli*, L *u ìgli*...

Od inovacija ističemo onu u množinskoj deklinaciji: iako je G mn. čeonu padež, u govoru Bitelića došlo je do analoškog ujednačavanja na-

glaska u njemu i naglaska iz ostalih padeža, i to i u n. p. A (*bèsīdā*, *kòprīvā*, *lèđīnā*, *lòpātā*, *mòtikā*), a mogu se čuti i stariji oblici (*bēsīdā*, *kōprīvā*, *lèđīnā*, *lòpātā*, *mòtikā*). U n. p. B nalazimo analošku duljinu u DLI (*stīnan* / *stīnon* / *stīnama(n)*, *trávan* / *trávon* / *trávama(n)* i sl.). U n. p. C zabilježena je opreka po visnosti između dativa i lokativa (D *vòdi*, L u *vòdi*, D *zīmi*; L *po zīmi*).

Literatura

- Ćurković 2014 — *Ćurković D.* Govor Bitelića. Doktorska disertacija. Rukopis. Filozofski fakultet u Rijeci, 2014.
- Kapović 2008 — *Kapović M.* Razvoj hrvatske akcentuacije // *Filologija*, 2008, 51. S. 1–39.
- Kapović 2011 — *Kapović M.* Naglasak *ā*-osnova u hrvatskom — povijesni razvoj // *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 2011, 17. S. 147–172.
- Kapović 2015 — *Kapović M.* Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.
- Kurtović Budja 2009 — *Kurtović Budja I.* Govori Makarskoga primorja (fonologija i morfologija). Doktorska disertacija. Rukopis. Filozofski fakultet u Zagrebu, 2009.
- Lisac 2003 — *Lisac J.* Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja. Zagreb, 2003.
- Menac-Mihalić 2005 — *Menac-Mihalić M.* Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj s rječnikom frazema i značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema. Zagreb, 2005.
- Šimundić 1971 — *Šimundić M.* Govor Imotske krajine i Bekije. Sarajevo, 1971.
- Šimunović 1966 — *Šimunović P.* Sinj. Upitnik za Hrvatski dijalektološki atlas. Rukopis. Zagreb, 1966.

Dijana Ćurković: dcurkov@ihjj.hr

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

Материалы VII международного семинара

Ответственный редактор М. В. Ослон

Оригинал-макет подготовлен М. В. Ослоном
Художественное оформление И. Богатырёвой

Подписано в печать 15.02.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 550. Заказ №

Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований»
№ государственной регистрации: 1117799000857

Издательство «Языки славянской культуры»
№ государственной регистрации: 1037739118449

Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)